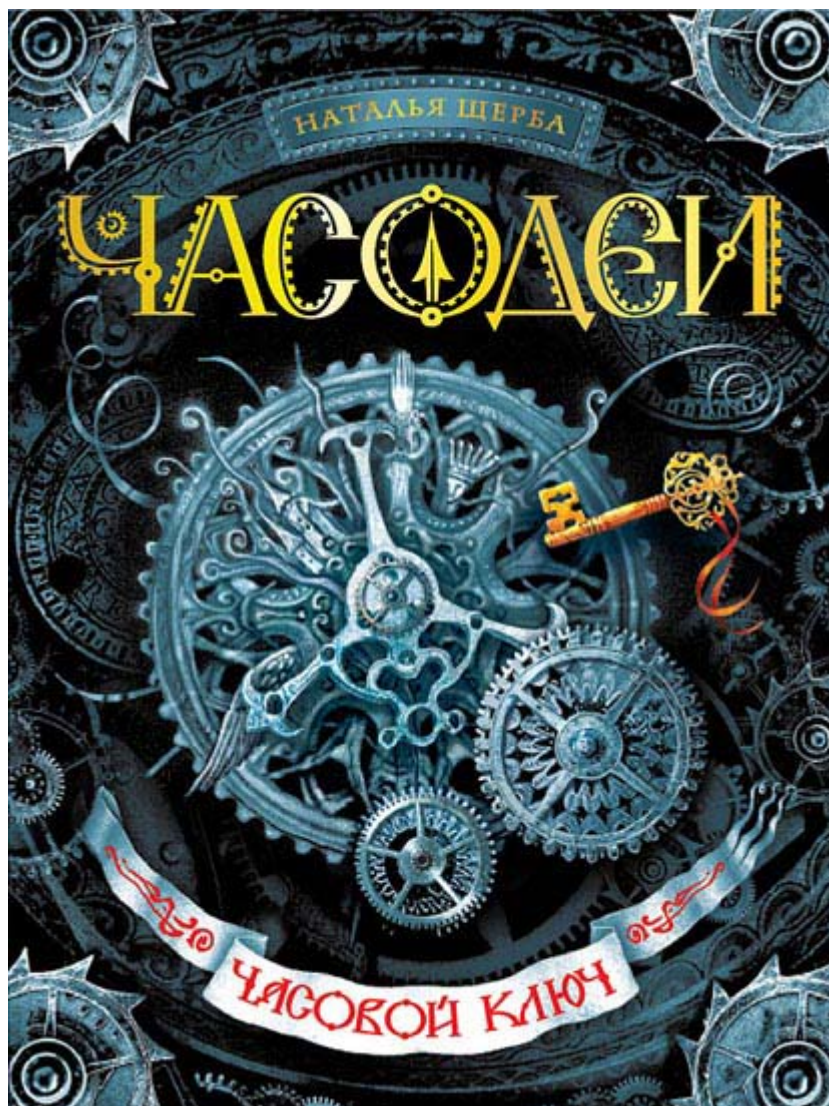

Наталья Щерба
Часодеи. Часовой ключ

Часодеи – 1

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan, Conv - HL; OCR, ReadCheck -
pip228) <http://huge-library.org/>

«Наталья Щерба «Часодеи. Часовой ключ»»: Росмэн; Москва; 2011
ISBN 978-5-353-05333-0

Аннотация

Василиса — обычная земная девочка, живущая с бабушкой, — неожиданно узнает, что ее отец — влиятельный маг Эфлары, мира, построенного на особой часовой магии. Попав в страну часодеев, фей и лютов, Василиса оказывается в центре опасной игры. Даже друзья не могут понять, кто же она сама? Неумеха, ничего не знающая о своем происхождении? Шпионка, посланная отцом, чтобы заполучить трон? Или могущественная часовица, которая умеет управлять временем и может спасти Землю и Эфлару от грядущего столкновения?

Наталья Щерба

Часодеи. Часовой ключ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уродливой и страшной казалась высокая брыла — жуткий обломок камня, торчащий посреди темного леса.

Чертовая скала считалась проклятым местом. Если кто по случайности забредал сюда — тут же поворачивал, еще долго чувствуя на себе пристальный взгляд высокого камня. Пробегал суетливо зверь, пролетала, быстро хлопая крылом, птица, и вновь воцарялась тишина в необычном, будто бы зачарованном лесу.

Мужчина, усевшийся на полузаросший мхом валун, заинтересовал лесных обитателей — давно здесь человека не видели.

На нем был строгий костюм и туфли, начищенные до блеска, — даже удивительно, как это он не измазал обувь грязью лесных дорог?

Он не сводил глаз с трещины, расщелившейся брылу до самого верха, и словно ждал, что камень не выдержит и расколется надвое. Иногда странный человек поглядывал на небо: вечерело, на землю опускались длинные серые тени.

Внезапно подножие камня окутал легкий сизый туман и побежал ручейками по поляне.

— Наконец-то! — облегченно сказал мужчина, приподнимаясь. — Здравствуй, Елена.

Из туманной дымки выступил темный силуэт. Женщина откинула капюшон широкого фиолетово-черного одеяния, блеснули лунным серебром белокурые волосы.

— Приветствую тебя, Нортон, — тихо сказала она и, щелкнув пальцами, сделала едва заметное круговое движение.

В воздухе, прямо над ними, зажглись полукольцом мерцающие огоньки, как на обычной комнатной люстре.

— Ты странно выглядишь, — продолжила прибывшая.

— Так в этом мире выглядят все богатые и уважаемые люди.

— На Остале принята чудная форма одежды. — Она с удивлением разглядывала собеседника.

— Надеюсь, ты побеспокоила меня по более достойному поводу, чем разговоры о моде?

— Прости, Нортон, — спохватилась женщина. — Я пришла рассказать новости. Часовой мир волнуется, даже феи согласились на короткие переговоры. Как ты понимаешь, разговор будет о Ключах... Орден ждет твоего возвращения.

— Эти новости я давно знаю.

Он приблизился, наклоняясь к ее лицу так, словно опасался быть услышанным еще кем-то, будь то человек, зверь или птица:

— Что на самом деле тревожит тебя, Елена?

— Как и всех — притяжение двух миров. — Судя по голосу, его собеседница занервничала.

— Притяжение? — Мужчина резко выпрямился. — Поглощение, Елена. Называй вещи своими именами: один мир скроет другой, потому что разрыв времени, столь заботливо проделанный древними часовщиками, чтобы разделить Землю на две равные части, стремительно сокращается. Один мир умрет. Исчезнет, растворится в пустоте. Обратится в нуль. Люди, города и леса, знания, накопленные тысячелетиями, — ничего не будет, как будто и не было никогда. Мир-тень навеки уйдет в прошлое. Останется та земля, которая настоящая. Эфлара или Остала — любопытно, кто из двух окажется сильнее?

— Нортон, перестань. — Она поднесла кончики пальцев к вискам и замотала головой, будто бы отгоняя страшное видение.

— Елена, — его голос стал более ласков, — нам незачем переживать, ты прекрасно знаешь — наш замысел вскоре осуществится. Всего лишь надо подождать, пока меня перестанут считать «преступником».

— Да-да, срок твоего наказания исходит четвертого мая... Ровно через год ты сможешь вернуться. В то же время, когда ты проведешь испытание на степени для своих детей... Великий день.

— Да, великий... — эхом отозвался мужчина. — И-и, Елена?

Она нервно сплела пальцы в замок, по всей видимости не решаясь задать следующий вопрос. Но вскоре продолжила:

— Нортон, я хочу знать, что ты решил с фейрой?

Тот ответил не сразу.

— Так вот что тебя волнует... Вот почему твое прекрасное лицо такое хмурое. Я хотел бы забыть о ней, но ты, видимо, не дашь сделать этого.

— И другие не забудут, — горячо возразила женщина. — Если у нее обнаружится высокий часодейный дар, она может унаследовать все твои земли, твой замок, а еще... Ты понимаешь, о чем я. Право рождения нельзя отменить. Только, хм, одним верным способом.

— Да, это так.

— Нортон, ты должен избавиться от нее, — настойчиво произнесла женщина. — Орден требует этого. Все ждут твоего решения.

Он усмехнулся.

— Орден? Или этого требуешь ты, Елена?

— Я всегда буду делать только то, что ты скажешь, Нортон...

— Я помню об этом, — сухо оборвал он, — и ценю твою верность и преданность.

— Позволь мне разобраться с ней, — горячо зашептала женщина. — Она не будет долго мучиться.

— Сомневаюсь... Елена, ты излишне кровожадна. И не любишь фей. Такие милые, красивые создания.

— С острыми крыльями, — прошептала та с ненавистью и зачем-то коснулась груди. — Я не успокоюсь, Нортон, пока в мирах существует хотя бы одна фея...

— Вот как?

Она судорожно вздохнула, подавляя ярость.

Мужчина хмыкнул.

— Меня всегда удивляло, — протянул он, — почему часовщики и феи так ненавидят друг друга. Неужели дело в разной форме крыльев? Или в их количестве?

Женщина дернулась, но промолчала.

Нортон скрестил руки на груди, поднимая взгляд на темное небо, усеянное мерцающими точками далеких миров.

— Она живет здесь, на Остале, среди обычных людей, — продолжил он, не отрывая глаз от мигающих небесных огоньков. — Возможно, она простая фея. Я никогда не видел дочь.

— Избавься от нее! — продолжала настаивать Елена. — Маленькие проблемы становятся большими, и зло должно убиваться в корне.

— Елена, Елена, — покачал головой Нортон, — чтобы узнать, есть ли у нее часодейный дар, мне придется взять ее в дом, назначить часовое испытание... Это риск.

— Но если фея пройдет испытание, как ты поступишь с ней? — продолжила Елена взволнованно и тоже посмотрела на небо.

— Она никогда не будет часоватъ, — повысил голос мужчина. — Никогда. Я не переживаю из-за наследования по праву часового дара. Потому что верю в сына... У него должна быть высокая степень, я чувствую.

— Позволь мне это сделать, — вновь прошептала Елена и, склонив голову встала перед мужчиной на одно колено. — Позволь мне убить ее. Пока зло не стало большим.

Внезапно поднялся ветер, заскрипели сосны. Казалось, молчаливый лес ожил, зашелестел темными кронами, зашептал в отчаянии, пытаясь заглушить то, что должен был ответить мужчина.

— У меня есть любопытный план, — тихо, но отчетливо произнес он. — Если

задуманное осуществится, то я отдам тебе право решать ее судьбу. Но поклянись, что до моего приказа ты и пальцем ее не тронешь.

— Хорошо, я клянусь, — тихо, но твердо сказала Елена.

* * *

В спортзале царил знойная духота. Ребята очень устали — тренировке давно пора закончиться, но не тут-то было.

— Миша, ну кто так делает! Сделай дорожку с боковым сальто еще раз. — Немного полноватая тренер необычайно резво вскочила с лавки. — Ты как тюлень в цирке, ей-богу! Всем остальным присесть, сколько повторять!

Повторять и не надо было: ребята охотно расселись на лавках, немного сочувствуя нескладному Мише, вновь занявшему место на краю площадки. Мальчик разбежался, сделал два колеса подряд, злополучное боковое сальто и опять закончил его приземлением на пятую точку.

— Миша, Миша, — покачала головой неугомонная тренер, — если так дело и дальше пойдет — можешь забыть о летнем спортивном лагере... Василиска! Покажи, как надо.

С лавки поднялась невысокая худенькая девочка с двумя темно-рыжими хвостиками и неуверенно прошла к краю площадки. Внезапно она резко выпрямилась, легко разбежалась и сделала то самое боковое сальто, а потом еще и сальто вперед.

— Вот, — одобрительно кивнула тренер, — бери пример.

— Я так никогда не смогу, — уныло возразил Миша. — Не та комплекция.

— Не повод! Диета и еще раз диета. Это касается всех! Кто не соблюдает правильный режим питания сейчас, теми я займусь в летнем лагере! Так, уже давно пора перейти к показательным выступлениям... Пожалуй, прогоним по разу и хватит... Тихо-тихо! — Тренер замахала руками на протестующих ребят. — Давайте наше трио хотя бы выступит... Инга, Светлана, Василиска, вперед!

Три спортсменки застыли в центре площадки в исходной позиции: полусогнутые руки вверху, спина прогнута, правая нога чуть выдвинута на носке. Василиска находилась на шаг впереди, потому что была ниже всех.

Зазвучала бойкая мелодия. Композиция выполнялась синхронно, с лиц гимнасток не сходили обворожительные улыбки. Казалось, девочки просто танцуют.

— Хорошо, молодцы!.. Инга, прыжки немного тяжеловаты, Света, у тебя с поворотами проблема — поизящнее вращение делай, поизящнее! Василиска, — тренер положила руку на плечо раскрасневшейся девочке, — у меня к тебе лишь одно нарекание: подстриги волосы, а? Ты скоро в них запутаешься.

— Нет, не запутаюсь, — непреклонно заявила та, опуская голову, — мне так нравится.

— Ладно-ладно, — сразу сдалась тренер, — хозяин — барин. Кстати, Василиска, важная новость: я договорилась насчет тебя. Городской оргкомитет оплатит пребывание кое-кого в спортивном лагере — путевка на твоё имя уже лежит у меня в кармане.

— Спасибо, Ольга Михайловна, — смутилась девочка. — Не надо было...

— Надо было, надо! — жестко отозвалась тренер и огласила, к великой радости подопечных: — Все, детки, на сегодня хватит... по домам!

— На час тренировку задержала! — возмущались девчонки уже в раздевалке.

— Смотри, как стемнело, моя мама волнуется, — больше всех бунтовала Инга — светловолосая девчонка шестнадцати лет, самая старшая в школьной сборной.

— Еще и по показухе прогнала!

— Просто Ольга хочет выиграть соревнования между спортивными лагерями, — не выдержала Василиска. — Она ведь больше всего на свете хочет видеть летний Кубок у себя на полке в учительской.

Инга сразу же обернулась: она недолюбливала Василису Огневу, втайне завидуя ее успехам и чрезмерному, как ей казалось, вниманию со стороны тренерши. Ей и невдомек

было, что та стала КМС — кандидатом в мастера спорта — в свои неполные тринадцать лет, потому что все свободное время старалась посвящать гимнастике, — только бы в квартиру не возвращаться...

— Ну, конечно, тебя ведь дома никто, кроме кошек, не ждет, — зло бросила Инга, сощурившись. — Ты могла бы вообще ночевать в спортзале. Все же лучше, чем в интернате, где ты скоро окажешься.

Некоторые девочки, подружки Инги, захихикали. Василисины щеки мгновенно вспыхнули: когда она начинала хоть чуточку волноваться, сразу же краснела, как ни старалась это скрыть.

— Не всем везет родиться в богатой семье, — тихо ответила она. — Сразу видно, тебя хорошо кормят.

Это был удар ниже пояса: Инга считалась немного полноватой для гимнастки, и оттого некоторые прыжки удавались ей с трудом.

Инга, застегивавшая босоножку, выпрямилась и сразу же оказалась на голову выше Василисы.

— Что ты сказала?

— Что слышала!

Неизвестно, чем бы это закончилось, но дверь раздевалки резко отворилась и в проеме показалась вихрастая мальчишечья голова.

— Василис, тебя еще долго ждать?

Ответом был дружный девчоночий визг. Мальчишка, сконфузившись, исчез.

— О, у нас дружок есть! Может, он и приютит тебя? — попыталась уколоть Инга, но вышло как-то вяло.

Все знали, что это сосед Василисы — Леша, с которым она живет в одном подъезде и потому возвращается вместе с ним с тренировок. Конечно, посмеивались над ними, но что тут такого, если они дружат себе с детства да и все? Кроме того, над Лешкой — первым драчуном в школе — мало кто решался подшучивать. А кто решался — больше не шутил.

Василиса, наскоро похватав вещи и на ходу запихивая их в сумку, буркнула общее «Пока!» и стрелой вылетела из раздевалки.

Леша, ожидавший в коридоре, облегченно вздохнул:

— Ну, наконец-то! Я думал, ночевать здесь придется, пока ты выйдешь. Чего так долго?

— Ольга задержала, — нехотя ответила девочка. — Да еще Инга опять пристала, дылда! — И она вкратце описала то, что случилось в раздевалке.

— Не обращай внимания, она тебе просто завидует. — Леша пожал плечами. — Я тебе давно говорил — переходи к нам.

Леша занимался гимнастикой ушу — спортивно-боевыми искусствами. Василиса не раз наблюдала, как он фехтует с мечом и шестом, а еще делает сложные комплексы упражнений, причем с довольно воинственным видом. По ее мнению, это была та же художественная гимнастика, только с оружием. Но Леша называл себя бойцом и очень гордился принадлежностью к ушуистам.

«Ты что, какая гимнастика?! — обычно возмущался он. — Это искусство боя! Хотя с твоей растяжкой и акробатикой ты бы сразу очутилась у нас в сборной».

Но Василиса, улыбаясь, говорила, что вместо меча ей вполне хватает мяча или палочки с лентой.

Вот и сейчас она лишь покачала головой и произнесла задумчиво:

— Правда, если я теперь попаду в интернат, неизвестно, смогу ли дальше заниматься гимнастикой...

Василиса жила с якобы троюродной бабушкой по маминой линии — Мартой Михайловной. Правда, еще лет в шесть девочка случайно услышала разговор бабушки с соседкой и узнала, что та не является ее родственницей и просто присматривает за Василисой по просьбе отца. Но даже после раскрытия этой «страшной тайны» она

продолжала называть свою опекуншу бабушкой и делать вид, что ни о чем не догадывается.

Мама Василисы исчезла много лет назад. Марта Михайловна туманно отзывалась о ней, как о ветреной, легкомысленной красавице, нашедшей более подходящего мужа. Но при этом «бабушка» краснела и отворачивала глаза. Из чего маленькая Василиса сделала вывод, что опекунша говорит так по чьему-то наущению или чтобы отделаться от вопросов. Зато девочка точно знала, что отец ее жив и проживает за границей. Бабушка рассказывала, что он весьма занятой человек и работает в некой важной секретной фирме. И не пишет Василисе, чтобы не навлечь на нее беды. Возможно, говорила опекунша, он когда-нибудь приедет за дочерью, если уйдет с этой загадочной работы...

Сама Марта Михайловна слыла знаменитой на весь район кошатницей. Василисе иногда казалось, что к их подъезду сходятся хвостатые всей Земли. У Марты Михайловны в трехкомнатной квартире обитало более десятка верещащих «пушистиков» и около двух дюжин постоянно вертелись у порога. Сколько Василиса себя помнила, вокруг вечно находились кошки, за которыми приходилось убирать. А еще кормить, расчесывать и следить, чтобы они не дрались между собой.

Потому Василиса очень обрадовалась, что все-таки поедет в летний спортивный лагерь благодаря доброте и настойчивости тренерши — отдохнет от кошачьего царства.

В ту сказку, что отец когда-нибудь приедет за ней, Василиса перестала верить лет с восьми. И прекратила писать ему письма, когда нашла в шкафу под полотенцами толстую пачку: ни одно послание опекуншей отправлено не было. Скорей всего, после исчезновения мамы отец предпочел забыть о дочери — вот и вся «работа».

Василиса знала, что Марта Михайловна получала какие-то деньги, кроме пенсии. Раз в месяц опекунша посещала местное почтовое отделение и возвращалась с большими пакетами сухого корма и других кошачьих деликатесов. Для Василисы всегда имелась маленькая шоколадка. Кроме того, Марта Михайловна покупала обязательную бутылочку коньяка, которую вечером и выпивала, становясь очень сентиментальной: гладила Василису по голове, рассказывала истории из своей молодости, а потом засыпала и почивала целые сутки, а иногда и больше.

И вдруг Марту Михайловну хватил удар — сердце не выдержало: пропала ее любимая кошка Стрелка. Старушку отвезли в больницу, а что делать дальше с Василисой — решительно никто не знал.

Прошло две недели, и девочка по-прежнему жила одна в квартире. Соседка тетя Галя приносила еду и даже давала деньги на расходы, нарочито громко, на весь подъезд, жалея девочку и выдвигая планы по устройению ее дальнейшей судьбы. Лешка тоже не забывал приносить что-нибудь вкусненькое, но вот от его денег Василиса решительно отказывалась. Собственно, девочка потихоньку начинала подумывать, что, может, ее просто оставят в покое, и она будет жить как-нибудь сама — например, на настоящую работу устроится...

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Василиса глубоко вздохнула и радостно произнесла:

— Ольга сказала, что я точно еду в лагерь, представляешь?!

— Здорово! — обрадовался Леша. — Наша команда тоже едет. Тренер больше всего желает, чтобы летний Кубок стоял у него в учительской у всех на виду.

Они рассмеялись почти одновременно и от этого захохотали еще громче. И так, болтая о всяких мелочах, не заметили, как почти дошли до своего дома. Оставалось лишь пройти вдоль забора, ограждавшего детский сад, и...

— Эй, малявки!

Они обернулись. Ну надо же — Инга, и не одна, а со своим парнем — Витькой-боксером. У Василисы вмиг похолодела спина от нехорошего предчувствия.

— Мне кажется, рыжая-бесстыжая, ты забыла извиниться! — сладким голосом пропела Инга.

Витька, нагло ухмыляясь, подошел ближе.

— С чего это она должна перед тобой извиняться? — хмуро спросил Лешка, заслоня

собой подругу.

— А с того. — Глаза Инги сузились. — Уйди, малыш, не мешай... Рыжую давно пора проучить.

— Я не рыжая! — с вызовом ответила Василиса из-за плеча Лешки. — И извиняться не буду, дылда.

— Слышь, малявка! — Витька угрожающе хрустнул пальцами.

Он шагнул к ним, намереваясь щелкнуть Лешку по носу. Но тот опередил здоровяка: быстрым движением схватил его за предплечье, подставил подножку и повалил на землю.

К сожалению, это был лишь краткий миг превосходства. Витька взревел, с усилием перевернулся, и они с Лешкой покатались по земле. Разозленная Инга кинулась на Василису, но та успела отскочить в сторону, трезво оценивая свои шансы против здоровенных ногтей противницы, выставленных вперед. Надо сказать, дылде изрядно доставалось от тренерши за эти коготки.

На счастье, мимо проходила веселая и многочисленная компания, которая и растащила дерущихся за уши. Витька громко ругался, потому что некая девушка со стрижкой под каре принялась отчитывать его, пока один из парней держал горемычного за руки. Инга, не стыдясь, жалобно всхлипывала.

— В лагере мне не попадайся! — зло крикнула она Василисе и тут же запричитала: — Отпустите его, он больше не будет...

Благодаря тому, что на них больше никто не обращал внимания, Лешка и Василиса смогли тихо и незаметно улизнуть.

Добравшись наконец до своего подъезда, они встали под слабым, дрожащим светом фонаря, единственного работавшего на всей улице. Лешка первым делом ощупал нос.

— Фу, не сломан! — облегченно выдохнул он. — А то он меня, пока мы на земле были, лбом как стукнул!

Василиса неловко топталась на месте, чувствуя себя виноватой.

— Леш, извини... все ж из-за меня.

— Да ладно, — отмахнулся Лешка, — здорово подрались. А тебе, кстати, не помешало бы выучить пару приемчиков, а то совсем защищаться не умеешь.

— Вряд ли у меня что-нибудь получится...

— С твоей физической подготовкой — получится, — заверил Лешка. — Только это, боевой дух у тебя того... слабый очень.

Василиса не ответила. Но подумала, что, если она собирается ехать в летний лагерь, надо действительно поднимать боевой дух: Инга там житья не даст.

— Ладно, пора домой.

Лешка первым нырнул в подъезд.

— Ну что, потом зайдешь? — спросила Василиса, когда они поднимались по лестнице, и улыбнулась: — Кто за тебя алгебру решит?

— Ха, не все же такие умные, как ты. — Лешка ухмыльнулся. — Считаешь ты здорово, что и говорить.

«Еще бы!» — подумала Василиса, вспомнив о ежедневных упражнениях, которые давала ей Марта Михайловна. Иногда девочке казалось, что опекунша решила сделать из нее математического гения: каждый вечер Василиса решала задачи, чаще игровые или логические, но с обязательным применением чисел. И всегда у Марты Михайловны имелись наготове новые ребусы, откуда только она их брала? Но теперь опекунша была в больнице, и у Василисы появилось много времени... Даже Лешку можно было пригласить, потому что кошки неожиданно исчезли — ни одна больше не крутилась у порога. Странное и непонятное, но все же приятное событие.

Леша жил на пятом этаже, а Василиса — на четвертом. Потому они оба увидели приоткрытую дверь и услышали голоса, доносившиеся из бабушкиной квартиры.

— Ого, у тебя гости? — удивился Леша.

Сердце у Василисы екнуло. Ей вдруг почему-то стало страшно. Не понимая, что делает,

она развернулась и со всех ног побежала вниз.

На улице стало легче: прохладный ветерок нежно дул в лицо, гладил воздушными ладонями по макушке, успокаивая.

— Василис, что с тобой? — Рядом оказался недоумевающий друг.

— Лешка, я туда не пойду.

— Да не волнуйся, ты чего?

Кто-то тронул Василису за плечо. Девочка обернулась — тетя Галя, ее соседка. Глаза женщины блестели от восторженных слез.

— Василис, девочка моя, — пропела она. — Такая радость! Там твой отец...

ГЛАВА 1 НОВАЯ СЕМЬЯ

Большие часы на стене в библиотеке пробили шесть, когда Василис перевернула последнюю страницу. Книга ей понравилась. Интересные легенды о феях, черных магах и даже рыцарях... Причем написанные в таком ключе, будто все это происходило на самом деле. Даже название у книги было соответствующее: «Несказочные истории». К сожалению, книг для подростков — например, о школе или спорте — в отцовской библиотеке не нашлось.

На длинных полках стояли огромные энциклопедии, плотно прижатые друг к другу, пестрели корешки старинных томов в красивых позолоченных переплетах, причем, судя по названиям, на разных непонятных языках. Василис однажды взяла одну из таких книг — в бархатном переплете, с окованными медью уголками. Страницы были испещрены рукописными буквами, похожими на иероглифы. Конечно, Василис не смогла прочитать ни слова и поэтому поставила тяжелый том назад на полку.

Кроме чтения, других приятных занятий в доме все никак не находилось. Да и библиотека была единственным безопасным местом в отцовском «поместье», как окрестила для себя Василис огромный двухэтажный дом с большим садом и забором высотой в три метра. В доме было много красиво декорированных комнат, богатая, роскошно убранная гостиная, просторный холл с диванами и столиками, однако девочка предпочитала находиться здесь, среди молчаливых книг.

В тот злополучный вечер восторженная тетя Галя, сверкая глазами, сообщила: за Василисой приехал отец. Сложно сказать, что девочка почувствовала. Сначала закралось подозрение, будто ее разыгрывают, но соседка не имела склонности ни к плохим шуткам, ни к шуткам вообще.

Правда, оказалось, что это не сам отец приехал, а всего лишь его водитель.

Высокий, угрюмый мужчина, с длинными черными волосами, туго стянутыми в хвост, и странным белым шрамом на левой щеке, так и представился — господин Эрн, работает у господина Огнева. Он пошептался с тетей Галей, показал какие-то бумаги, и соседка, вытирая глаза платочком, помогла Василисе собрать необходимые вещи.

И вот уже три месяца прошло, как Василис впервые появилась на пороге «поместья».

Девочка вспомнила, какое сильное впечатление произвела на нее шикарная двухэтажная громадина: дом, сверкающий яркими огнями, с большими широкими окнами и верандой, увитой плющом и виноградом. А этот великолепный сад с переплетением дорожек, густо посыпанных гравием, изящные кованые качели и ажурные беседки... Да, Василис подумала, что спит или попала в сказку.

Но сказки не всегда бывают добрыми.

Возле дома ее встретила команда из четверых детей: мальчик и девочка, Норт-младший и Дейла (двойняшки четырнадцати лет), и два мальчика поменьше, Эрик и Ноель, девяти и восьми лет соответственно. Над ребятами возвышалась няня — очень худая, неприятная женщина с колючим взглядом маленьких бегающих глазок. Водитель поздоровался с няней и передал ей шефство над Василисой. Няня, холодно представившись госпожой Азалией,

внимательно осмотрела девочку, словно собиралась поставить ее в гостиную в качестве вазы или повесить на стену как картину. После чего она скривилась и, развернувшись, знаком приказала следовать за ней. Дети молча проводили новоиспеченную сестричку недружелюбными взглядами.

Комната для Василисы оказалась маленькой, но опрятной: справа возле окна стояла кровать, слева — небольшой столик и даже два стула, а в самом углу возле двери — низенький лакированный шкаф. На полу лежал круглый, грязновато-белого цвета коврик. Может, на чей-то придиричивый взгляд, комната была бедновата, но Василисе она показалась просто роскошной. И здесь вообще не было кошек!

Госпожа Азалия сухо сообщила, что ужинают в семье в восемь, а за опоздания наказывают.

За столом Василиса все более убеждалась, что в семье как-то не очень ей рады. Няня не обращала на девочку никакого внимания, дети по-прежнему кидали злобные взгляды, а младшие и вовсе показывали языки. Василиса мрачнела все больше.

А после ужина она впервые подралась с Нортом.

Братья и сестра поджидали ее в коридоре, все четверо. Василиса не успела ничего толком сообразить, как вдруг Норт молча размахнулся и ударил ее по лицу. От второго удара Василисе удалось уклониться, но убежать она не смогла: остальные дети заграждали проход. К счастью, появилась госпожа Азалия и, не говоря ни слова, забрала всех четверых, а Василисе пришлось добираться до комнаты самой.

Уже очутившись у себя, она прикладывала большую серебряную ложку, взятую без спроса на кухне, к распухшей скуле и размышляла.

Почему к ней так плохо отнеслись? Чем вызвано ужасное поведение братьев и сестры? Почему госпожа Азалия кривит губы, когда Василиса попадает в поле ее зрения? И почему этот Норт стал бить ее, ничего не объясняя?

Но никто, конечно, не давал ответов на эти вопросы, и оставалось только одно: подождать отца, который, как сообщила госпожа Азалия, находится в отъезде, но скоро будет.

Чем Нортон-старший занимается, Василиса не знала, но дела его приносили, по всей видимости, хороший доход. Семья жила богато, взять хотя бы штат прислуги: водитель, охранник, няня и еще несколько человек, убирающих в доме. Дети каждое утро ехали в частную школу, куда их отвозила и забирала после занятий госпожа Азалия.

Василисе разрешили ходить в прежний класс и даже посещать занятия по гимнастике, но теперь — при обязательном сопровождении господина Эрна. Впрочем, выехать за пределы ограды дома оказалось весьма непросто: приходилось проезжать двое ворот, а перед этим долго смотреть, как они медленно поднимаются. А еще госпожа Азалия строго-настрого запретила оглядываться и зорко следила за исполнением приказа.

Стоит ли говорить, что это было весьма странно. Когда Василиса выезжала с водителем и няней в школу, остальных детей уже не было — наверное, их отвозили раньше.

И все-таки, несмотря на эти неприятности, каково было видеть изумление одноклассников, когда Василиса стала приезжать на учебу на длинной черной машине, и дверцу ей открывал грозного вида шофер. Вся школа шумела, и даже учителя приставали к девочке на переменах, расспрашивая о новой жизни в отцовском доме.

И самое приятное — Василисе начали выдавать деньги на карманные расходы. Когда первый раз няня вручила ей хрустящую новенькую купюру, у девочки глаза полезли на лоб.

— Мне что, можно тратить все? — удивленно спросила Василиса, гадая, сколько новых пар джинсов можно купить на эти деньги да еще и отпраздновать данное событие.

Норт, который был поблизости, презрительно хмыкнул.

— О, наконец-то рыжая сиротка обзавелась деньгами! — язвительно сказал он и показал сестре неприличный жест.

— Каждый день я буду вручать тебе столько, — ответила ей госпожа Азалия, делая вид, что не заметила кривляний Норта-младшего. — И очень надеюсь, что ты сама сможешь

о себе позаботиться.

Василиса радостно кивнула, игнорируя ухмыляющегося брата. После тот попытался отобрать деньги (няня все так же не вмешивалась в происходящее — как видно, Норт был ее любимчиком), а Василисе пришлось убежать от него и даже залезть на большой, раскидистый дуб, спрятавшись меж ветвей. Дерево высилось над домом, заслоняя густыми листьями окна Василисиной комнаты, поэтому в помещении всегда было темно. Зато по ветвям дуба, чуть-чуть не достававшим до оконного карниза, можно было незаметно забраться в комнату или, наоборот, спуститься в сад.

Обычно Василиса так и поступала, спасаясь от невыносимых братьев и сестрички, — Дейла к тому же была остра на язык и при каждой встрече выдавала очередную колкость.

В будние дни, ровно в восемь утра, у ворот Василису поджидал господин Эрн. Провожал до школы, вечером забирал, вез на занятия по гимнастике, а оттуда, когда к ним присоединялись госпожа Азалия с Нортом и Дейлой, домой. Весь ритуал происходил в совершеннейшем молчании, и Василиса потихоньку начала привыкать к постоянной опеке.

А вот Лешку господин Эрн раздражал ужасно.

— Слушай, этот тип так и будет все время за тобой таскаться? — спрашивал он как-то, косясь на мрачную фигуру водителя, постоянно маячившую поблизости.

Сегодня была суббота — полностью свободный для Василисы день. Норт, Дейла, Эрик и Ноель куда-то исчезали на все выходные. Во всяком случае, просыпаясь в шесть утра, девочка уже не заставала никого, кроме господина Эрна.

Василиса, накопившая за первую неделю приличную сумму, пошла с Лешкой по магазинам. Она наконец-то купила себе новенькие синие джинсы, кроссовки, тоненький свитер с вышитой на груди бабочкой и отличную спортивную форму.

Приобрели новый спортивный костюм и вяло сопротивлявшемуся Лешке, а также футбольный мяч и настоящие фирменные утяжелители на ноги для бега, о которых, Василиса знала, он давно мечтал. После чего Лешка, не слушая возражений, пригласил Василису поесть мороженое. И, поедая сливочные шарики в шоколадном креме, они радостно обсуждали покупки, почти не замечая присутствия господина Эрна, читающего газету на улице, а может, и притворяющегося, что читает.

— Ну что, твой отец уже приехал? Ты его видела? — спросил Лешка, как только одолел большую часть мороженого.

Надо сказать, он был в восторге, что Василиса неожиданно разбогатела, и видел в этом одни положительные стороны, ну разве что кроме появления в ее жизни братцев, сестры и мрачной фигуры Эрна.

— Нет, я его еще не видела. — Василиса задумчиво ковыряла ложечкой в вазочке. — Странно, да? Я даже толком не знала, точно ли у меня есть отец, жив ли он или давно умер...

— Странно, что он не примчался сразу же посмотреть на тебя, — не без резона заметил Лешка.

— Ему двенадцать лет не было до меня дела, зачем сейчас торопиться?

Возникло неловкое молчание.

— Как твой братец, не пристаёт больше? — спросил Лешка, меняя тему.

— Куда там! — Василиса махнула рукой. — Постоянно подкарауливает в коридоре, а еще эта Дейла! Да и младшие делают гадости, во всем старшего слушаются...

— Эх, увидеть бы этого Норта, — с сожалением сказал Лешка, зло прищурившись. — Поговорить бы с ним по-мужски.

— Это невозможно, — покачала головой Василиса. — Я бы вообще тебя с удовольствием пригласила. Знаешь, какой там сад! Но нельзя... И еще. — Василиса понизила голос, покосившись на фигуру Эрна. — У меня такое впечатление, будто я живу теперь под замком, как в тюрьме. Представляешь, в доме нет ни одного телефона, и я даже не могу тебе оттуда позвонить.

— Слушай, так тебе надо купить мобильник, — хлопнул себя по лбу Леша. — Как мы сразу не догадались!

— Если мне разрешат его иметь, — с сомнением покачала головой Василиса. Однако мысль о собственном маленьком телефоне ей понравилась.

К счастью, связь в доме была отличная, так что Василиса, запершись у себя в комнате, теперь могла долго переговариваться с Лешкой.

Но мысль о странном отцовском доме не давала ей покоя. Однажды Василиса специально пробралась к воротам, чтобы узнать, нельзя ли (вдруг пригодится?) самостоятельно выбраться за пределы «поместья». Немного покрутившись возле наглухо закрытых железных створок, девочка пошла вдоль забора, но так и не нашла другого прохода. Мало того, она не вернулась к воротам! Хотя была уверена, что обошла вокруг дома раза два-три.

За этим занятием Василису застал господин Эрн. Цепко ухватив девочку за плечо, он молча проводил ее до самой комнаты и коротко попросил не гулять больше возле ограды.

Было еще одно обстоятельство, и тоже довольно-таки странное... Однажды, проснувшись глубокой ночью, Василиса обнаружила, что стоит возле приоткрытого окна. На черном беззвездном небе сияла полная луна, а руки Василисы слабо и нежно светились в темноте. Она, как замороженная, сложила ладошки вместе — они наполнились голубыми и синими мерцающими искрами. Василиса встряхнула руками, и комната на миг осветилась фейерверком серебристо-синих огней. На какой-то миг девочке показалось, что через полотно света проблескивают цифры... А потом все исчезло. Василиса подумала, что ей это приснилось, но на следующее полнолуние хождение во сне и загадочные циферки повторились вновь. Никому, даже Лешке, об этом Василиса не рассказывала, решила сначала сама разобраться.

Часы пробили семь. У-у-у, воспоминания совсем захватили Василису, а ведь давно пора выбираться из библиотеки.

Она сидела на своем любимом месте — на подоконнике, спрятавшись за малиновой шторой. Здесь она и читала всю ночь при свете маленькой свечи. В доме было проведено электричество и центральное отопление, но ими почти не пользовались, предпочитая свечи и камины. Госпожа Азалия любила повторять, что господину Огневу больше нравится живое пламя, а не жалкое подобие в виде электрических ламп.

Василиса собралась вылезти из своего укрытия, чтобы, как всегда, немного поразминаться с утра в библиотеке: надо было готовиться к лету, тренер не даст спуска. Правда, пустят ли ее в летний лагерь на целых три недели? Об этом Василиса пока предпочитала не думать.

Но тут из коридора донесся шорох. Кто-то возился под дверью.

Василиса насторожилась. В следующую секунду дверь начала медленно открываться, и девочка услышала приглушенный шепот Эрика:

— Ну и где рыжая? — Кажется, он был немного разочарован. — Ты же говорил, здесь будет?

— Да здесь она, прячется где-то... — тихо ответил ему Норт. — Даю сто процентов.

Дверь захлопнулась. Но Василиса знала, что братья все еще находились под дверью.

— Да спит она, — протянул Эрик. — Вечером подловить стоило...

— Нет ее в комнате, я проверял. — Норт сделал несколько шагов к малиновой шторе, где пряталась сестра. — Вылил ей в сумку случайно целую банку клея!

Услышав такое, Василиса чуть не задохнулась от возмущения. Только она хотела выскочить из своего укрытия, как ей пришло в голову, что братец, скорее всего, блефует. Поэтому девочка осталась на месте.

Тем временем мальчишки приблизились почти вплотную к шторе.

— Нет ее здесь, — уверенно произнес Эриков голос. — Она наверняка в саду гуляет. Опять сальто всякие делает.

— Как обезьяна в цирке, — презрительно сказал Норт.

Василиса крепко стиснула зубы, чтобы не ответить: не очень-то хотелось скандалов с самого утра. Она намеревалась попросить господина Эрна отвезти ее в город, чтобы

встретиться с Лешкой.

— Зато видал, как она по дереву лазит? — Эрик присвистнул. — Я видел, как она выбиралась из своей комнаты. Еще прыгала по веткам, как...

— Обезьяна, — опять вставил Норт. — И почему эта рыжая должна жить с нами? И как раз перед самым испытанием? Что-то здесь не то...

Василиса наострила уши. О чем это он? Но братец замолчал. Зато Эрику, видать, не терпелось поговорить о новоиспеченной сестрице:

— Я слышал, как Эрн говорил нашей Азалии, что девчонка делает отличные успехи в гимнастике...

— Глупое, бессмысленное занятие, — опять оборвал брата Норт. — Я вот думаю о другом... Неужели отец хочет, чтобы она жила с нами и ТАМ?

Вновь закрипела дверь. Послышались тяжелые, мерные шаги.

— Что вы делаете в библиотеке? — раздался спокойный, равнодушный голос. — Вам больше не на что потратить субботнее утро? Норт?

Сердце Василисы тревожно сжалось. Кто это?

— Мы искали рыжую, папа...

О нет...

— Она сюда часто приходит.

Василиса тут же устыдилась своего скрюченного положения. Но что же делать? Как выбраться незаметно, чтобы встретиться наконец с человеком, видеть которого Василиса желала с самого первого дня пребывания в этом ужасном доме. И даже намного-намного раньше...

— Норт, ты забыл, о чем я просил тебя? — В равнодушном голосе прозвучали холодные металлические нотки.

По всей видимости, Норт тоже расслышал их, ибо проговорил как-то тускло:

— Да, отец. Я больше не подойду к ней ни на шаг.

— Я рад, Норт, что ты ведешь себя благоразумно. Скоро испытание, и твои мысли должны быть сосредоточены только на нем и ни на чем больше.

— Да, отец, — почтительно произнес не похожий сейчас на самого себя Норт. — Я очень хочу быть настоящим часо...

— В воздухе пахнет свечным угаром, — перебивая сына, произнес Нортон-старший. — И та штора, на втором окне, немного колыхнется... Прекрасно.

Воцарилось молчание. Василиса замерла от ужаса, мечтая только об одном — провалиться сквозь оконное стекло наружу.

— Вылезай.

Голос прозвучал негромко и спокойно, но у Василисы все похолодело внутри.

Она поняла, что раскрыта. Чувствуя, что предательски краснеет, Василиса отодвинула тяжелую штору и неловко спрыгнула на пол.

Мужчина, стоявший перед ней, был высок, худощав, но широк в плечах, светловолос. Серые с зеленым, как у Норта-младшего, глаза смотрели как-то сквозь, равнодушно. Почему-то Василиса совсем по-другому представляла отца: рыжим, синеглазым, веселым... Однако Нортон-старший являл собой полную противоположность придуманному образу.

— В моем доме не принято подслушивать, — произнес он, холодно оглядывая дочь с ног до головы.

Лицо с тонкими чертами приняло брезгливо-кислое выражение.

— Я так и думал, — морщась, жестко подытожил он. — Ты разве не знаешь, что подслушивать плохо?

— Я не подслушивала, — буркнула Василиса. — Я просто читала сказки.

Она еще держала книгу, вертя ее в руках и не зная, что с ней делать.

Некоторое время отец молча разглядывал ее, а потом вдруг вытащил из кармана пиджака листок и протянул дочери.

На краешке листка было написано: «Василисе».

— Я нашел это в твоей комнате на столе, — произнес отец. — Прочитай.
Василиса, недоумевая, развернула записку. Поведение отца порядком озадачило ее: не так она представляла себе их встречу. Неужели он ее даже не обнимет?

«Василиса, будь вечером в библиотеке, мне нужно поговорить с тобой.
Эрик».

— Что это значит?

Василиса передернула плечами.

Откуда она знает? Возможно, очередной обидный розыгрыш. Раньше никто из братьев не писал ей записок.

Норт заинтересованно поглядывал то на отца, то на Василису, зато Эрик стоял бледный и испуганный. Он неловко переминался с ноги на ногу.

— Ты часто бываешь здесь, в библиотеке? — продолжал спрашивать отец, делая вид, что не замечает, что творится с младшим сыном.

Василиса раздумывала, как лучше ответить: в глазах отца блестели недобрые огоньки, и она не хотела разозлить его еще больше.

— Она бывает здесь каждый день, — ответил за нее Норт, криво ухмыляясь. — Когда не в школе или на своих дурацких гимнастических занятиях.

— А что мне еще делать? — начиная злиться, отпаривала Василиса. — Нельзя же выходить на улицу...

— Хорошо, — оборвал ее отец. — Эрик, Норт! Может, вы что-то знаете?

Норт отрицательно покачал головой. Эрик опустил голову.

Нортон-старший вновь повернулся к Василисе.

Долгую минуту он вглядывался в ее лицо, словно желая получить ответ на невысказанный вопрос. После, очевидно, приняв некое решение, цепко схватил дочь за плечо и повлек за собой к выходу. Норт-младший проводил их торжествующим взглядом.

Они сошли вниз по широкой лестнице, спускающейся в холл, и встретили на пути госпожу Азалию. Та, не обратив на бедственное положение Василисы равно никакого внимания, низко поклонилась Нортону-старшему.

Отец с дочерью вышли из дома и пошли по узкой извилистой дорожке, густо посыпанной черно-белым гравием, все более углубляясь в сад. Остановился Нортон-старший только возле неприметного сарайчика. Эта часть сада казалась самой заброшенной — трава росла по пояс, скрывая маленькую постройку почти наполовину высоты двери.

— Пришли, — произнес Нортон-старший, отпуская плечо дочери. — Тебе придется провести некоторое время здесь. Скажем, до вечера.

— Но в чем я провинилась? — краснея от несправедливости, выкрикнула Василиса. — Я не хочу туда, ясно?!

— В моем доме заведены определенные порядки, — сказал на это отец, прищурившись. В глазах его промелькнула заинтересованность. Во всяком случае, сейчас он выглядел менее равнодушным. — Считай, что так и должно быть, — продолжил он, и лицо его вновь окаменело. — И еще... я запрещаю тебе появляться в семейной библиотеке.

— Но почему я должна сидеть здесь? — Василиса оглянулась на дощатое строение за своим плечом. — Может, лучше бы мне заняться уроками? Нам очень много задали в школе...

— Забудь о школе. И о занятиях. Теперь твоя жизнь сильно изменится.

— С чего бы это? — процедила Василиса, вновь позабыв о вежливости.

— Запомни одно простое правило, — сухо произнес Нортон-старший, следя за переменами на лице дочери. — Никогда не зли меня.

И отец, коротко размахнувшись, отвесил Василисе крепкую пощечину.

Девочка вскрикнула: щеку будто обожгло пламенем.

Нортон-старший быстро отпер дверь и толкнул дочь внутрь. Лязгнула задвижка, и он

удалился. Василиса осталась одна в полной темноте.

— Ничего себе... — только и сказала она, осторожно ощупывая скулу: щека, казалось, распухла.

Да, не так она представляла встречу с отцом.

Ну где же хоть одна улыбка для нее, хоть один теплый взгляд? Какие еще возникают эмоции при встрече с родными людьми после долгой разлуки? Малейшее проявление интереса, симпатии, простого любопытства: где была, как жила, чем занималась? Вместо этого — холод, равнодушие, отстраненность, пощечина. При воспоминании о последней губы у Василисы задрожали.

Зачем ей такой отец? Не лучше ли было и дальше ничего не знать друг о друге? Кажется, его не очень-то обрадовала встреча с дочерью.

Прошло около часа, и Василиса ощутила, что сильно дрожит. Холодно... Все-таки май только начинается и разгуливать в тоненькой кофточке рановато. Если бы она знала, что ее запрут в сарае, то оделась бы потеплее.

Подумав об этом, Василиса хмыкнула. Движение отдалось в щеке легкой болью. Но тем не менее девочка попыталась сосредоточиться.

С чего вдруг Эрику вздумалось писать ей записки? Она заметила, как он испугался отца. А Норт выглядел изумленным и заинтригованным — значит, явно ничего не знал о записке.

Вздохнув, Василиса крепче обхватила колени руками. Ладно, со всем этим она позже разберется.

Но прошло около трех часов, а за ней так никто и не явился.

Василиса почувствовала, что глаза начинают слипаться — клонило ко сну. Ведь она целую ночь не спала — читала. И почему здесь так холодно?

У нее были красивые огненно-красные крылья. Василиса взмахнула ими — вышло это абсолютно легко, будто она летала всю жизнь. Дивное, невесомое ощущение возникло в самой ее душе, поднимаясь легкими толчками, и вскружило счастьем голову. Василиса взмывала все дальше и дальше, ввысь, наслаждаясь удивительным чувством — радостью свободного парения.

Пушистые облака неожиданно сменились звездами, дружелюбно мерцающими вдалеке...

И вдруг в мягкой бархатной темноте вспыхнули тысячи огненных лестниц, они заслонили собою все небо. Василиса растерялась и не знала, куда же ей лететь: крылья опалил жар, идущий от пламени тысяч ступенек, стало трудно дышать.

«Давай, — прошептал в ухо мягкий шелестящий голос, — поскорей, осталось немного... совсем чуть-чуть, главное, выбери правильную дорогу!»

«Нет! — перебил голос другой, более резкий и грубый. — По лестницам из огня нельзя ходить! И кстати, разве она знает, куда идти?»

Раздался громкий неприятный смех.

Василиса вздрогнула и застыла в нерешительности, замерли неподвижно ее крылья.

«Не сдавайся!» — испуганно произнес первый голос.

Но девочка почувствовала, как ее понесло назад со страшной силой. Словно кто-то отматывал кадры на киноплёнке: мигающие звезды стремительно уплывали вдаль и таяли, превращаясь в чуждые бледнеющие точки, пока их совсем не скрыл густой серый туман, возникший неизвестно откуда. Туман лез в уши, рот, глаза — крылья потяжелели и намокли, пока совсем не обмякли. Руки-ноги Василисы задубели, словно скованные ледяной броней, она не могла пошевелить даже пальцами! Девочка падала вниз, словно камень, сорвавшийся с обрыва, — тихо, стремительно, неумолимо; и видела, как все быстрее приближается земля... Еще немного, и она разобьется! Так страшно, страшно! Холодно!..

— Мама! — закричала Василиса и проснулась.

Она лежала на охапке сена, свернувшись калачиком. Несмотря на это, девочка так

закоченела, что зуб на зуб не попадал.

Снаружи потемнело — наступил вечер.

Василиса вскочила и начала размахивать руками и ногами, чтобы согреться. Она несколько раз подпрыгнула, но больно стукнулась о низенькую ветхую балку, вдобавок на нее сверху посыпалась труха.

Нет, так не пойдет... И девочка вновь уселась на солому, поджав под себя ноги.

Ну и странный сон ей приснился! Красные крылья, лестницы, голоса... Наверное, это от голода. А вот интересно, можно ли так летать в открытом космосе? Нет, там же нет воздуха... Хотя можно ведь научиться задерживать дыхание надолго? Честно говоря, плавала Василиса неважно, а ныряла еще хуже. Но если лететь в вакууме, скажем, одну минутку, вполне можно научиться. Хотя постойте! В космосе наверняка жуткий холод, и, чтобы там выжить, нужна не только способность надолго задерживать дыхание.

Ее научные и не очень рассуждения были прерваны звуком приближающихся шагов — кто-то крался к сарайчику.

Василиса прислушалась. Шаги замерли у самой двери.

— Эй, сестричка! — Голос Норта раздался, словно гром среди ясного неба. — Ты там не замерзла?

Послышался то ли смех, то ли писк. Ага, значит, и Дейла здесь.

— Рыжая-рыжая! — затаил Норт.

Василиса подняла глаза к потолку и вздохнула. Опять то же самое! Она решила не отвечать. Может, ее кровным родственникам вскоре надоест издеваться, и они уйдут восвояси?

— Если ты не хочешь с нами разговаривать, то мы не скажем, что велел передать тебе отец, — тоненьким голоском сообщила Дейла.

И Василиса не выдержала:

— Что? Что он велел передать?

— Отец просил сказать... — медленно начал Норт, — что ты... рыжая-бесстыжая дурочка!

Раздался дружный хохот. Кажется, здесь был и самый младший — Ноель... Интересно, Эрик тоже здесь?

Подождав, пока они успокоятся, Василиса настойчиво повторила:

— Так что же сказал отец? Или в твоём крохотном мозгу, Норт, не уместилась эта информация?

БАХ! Дверь сарайчика выдержала сильный удар снаружи. Василиса впервые обрадовалась, что та крепко заперта.

— Ах, как благородно, Норт, выволять меня таким способом!

— Отец велел нам освободить тебя вечером, — прошипел Норт зловеще, — но госпожа Азалия сказала, что вечер долгий и нам можно не торопиться... Угадай, кого мы послушаем?

— Ну так и убирайтесь к своей нянечке, маленькие детки!

Василиса расстроено плюхнулась обратно на сено. Так и знала, что ничего из этого разговора не выйдет.

— Ладно, не кипятись, — неожиданно произнес Норт примирительным тоном. — У меня есть одно предложение...

— Какое? — сразу насторожилась Василиса.

— Мы тебя выпустим, если ты расскажешь, от кого та записка и что в ней, — равнодушным голосом произнес Норт. Он кашлянул, стараясь скрыть истинные чувства. — Ну, что скажешь?

Мысли Василисы понеслись одна быстрее другой. Видимо, Эрик пока что ничего не сообщил брату о записке. Значит, это не розыгрыш...

— Она все равно не расскажет, — пропищала вдруг Дейла, — наврет нам сейчас с три короба...

— Нет, расскажу, — поспешила заверить Василиса. Мысль о возможном освобождении

взволновала ее необычайно. — Только я почти уверена, что вам этого говорить не стоит.

Норт хмыкнул.

— Ты, главное, скажи! А мы уж сами решим, стоит или не стоит.

— Сначала откройте дверь, мне и так уже надоело кричать!

Василиса на цыпочках подошла к двери. В саду было очень темно, но через щели пробивалось слабое пятно света.

«Взяли с собой фонарик, что ли?»

Снаружи шло совещание. Наконец Норт опять стукнул в дверь.

— Ладно, мы тебя выпустим... Только не вздумай убежать, — угрожающе предупредил он.

Луч света метнулся ближе. Послышался лязг открываемой задвижки.

Василиса поняла — сейчас или никогда.

Она изо всех сил толкнула дверь. Раздался чей-то хриплый вскрик и звон разбитого стекла. Василиса стрелой выскочила наружу, на ходу увернувшись от чьих-то протянутых рук, и, судя по пisku, раздавшемуся где-то снизу, нечаянно сбила с ног Дейлу. После чего припустила к дому напролом через кусты и клумбы, ориентируясь только на свет, льющийся из окон, — такая была вокруг темнота. Василиса не обращала внимания на проклятия и угрозы, несшиеся ей вслед. Свобода!

ГЛАВА 2 ВХОД ЗА БОЛЬШИМИ ЧАСАМИ

Василиса вбежала по крыльцу в дом, пересекла холл и только-только занесла ногу на первую ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж, как была схвачена за ухо.

Над девочкой возвышалась госпожа Азалия.

Василиса открыла рот от изумления: вряд ли бы кто-то сейчас узнал строгую няню. Она вырядилась в длинное вечернее платье, красное с золотом, с высоким кружевным воротником и глубоким декольте. Черные волосы, обычно стянутые в строгий пучок, превратились в пышную прическу, правда напоминавшую воронье гнездо. В таком виде госпожа Азалия казалась похожей на злую королеву из сказки.

— Куда, позволь спросить, ты направляешься? — сухо произнесла няня, пронзая подопечную колючим взглядом. — И где Норт, Дейла? Эрик? Ноель?

— Откуда мне знать, я за ними не слежу! — нагло ответила Василиса. — И попрошу вас больше не хватать меня за уши.

Няня переменялась в лице, но тут же справилась с собой.

— Ступай в свою комнату и переоденься, — сказала она строго. — И не забудь причесаться. Твои волосы надо остричь... Хотя зачем мне тобой заниматься? — добавила вдруг няня и холодно улыбнулась.

— Я и не прошу мной заниматься, — пробурчала Василиса.

— Иди и переоденься, — зло повторила госпожа Азалия. — Немедленно!

— Зачем мне это?

— У господина Огнева гости, — нетерпеливо пояснила госпожа Азалия. — Видишь ли, у твоего отца сегодня очень важное событие...

— Событие?

— Великое событие... — выдохнула няня тихо и печально.

Словно позабыв о Василисе, она развернулась и медленно, даже как-то величаво, пошла по коридору, ведущему в гостиную.

Девочка изумленно глядела ей вслед. Честно говоря, за все время это был самый продолжительный разговор Василисы с няней. Но и вела себя госпожа Азалия ну очень странно — почти как сумасшедшая.

Размышляя таким образом, Василиса помчалась вверх по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

Интересно, что это за событие? Жаль, от няни ничего не добьешься... Ой! Как же Василиса сразу не подумала: надо срочно найти Эрика и расспросить его как следует! И о записке, и о странном событии.

Очутившись в своей комнате, Василиса первым делом подошла к зеркалу. Вернее, к его жалкому осколку, прислоненному к стакану для карандашей, — остаток от когда-то целого овального зеркала, к которому Норт приложил руку. Госпожа Азалия так и не поставила новое, поэтому приходилось довольствоваться тем, что было.

Из глубины осколка на нее смотрела ужасно растрепанная девочка в джинсах. Василисе было почти тринадцать, хотя из-за невысокого роста и тонкого телосложения можно было подумать, что ей нет и двенадцати. Ярко-синие, цвета васильков глаза казались еще больше на ее худеньком остроносом личике; в слишком густых, темно-рыжих волосах застряло несколько соломинок. Хорошо, что хоть щека не хранила следов отцовской пощечины.

Нахмурившись, Василиса сдула со лба непокорную челку. Может, отец плохо к ней отнесся, потому что она совсем на него не похожа? То ли дело Норт: высокий рост, светлые волосы... Да и глаза у него такие же, как у Нортон-старшего — серо-зеленые.

Да, отец при первой встрече повел себя более чем странно. А вдруг он просто волновался перед сегодняшним вечером? Перед этим своим «событием»?

Ладно, решила Василиса, она пойдет на праздник. Спустится в гостиную к этим гостям, найдет отца и напрямую спросит обо всем. Надо же узнать, почему он так ужасно ее встретил! Во всяком случае, она не намерена больше терпеть издевательства Норты и Дейлы, да и госпожи Азалии тоже!

А ведь Василиса так надеялась: приедет отец и приструнит нахального Норты. Но стало еще хуже.

— Эй! — неожиданно раздалось над ухом. — Оттого что смотришь в зеркало, симпатичнее не станешь, рыжая.

Василиса вздрогнула и неловко повернулась, задев плечом зеркальный осколок. Он упал, звонко ударившись о пол, и брызнул во все стороны хрустальным дождем.

Дейла, а это была именно она, ехидно улыбнулась.

— К несчастью, — зловеще предрекла двойняшка. — Особенно, если ты сейчас же не спустишься вниз. Кстати, не советую попадаться на глаза Норте, он просто в бешенстве. Я-то, в принципе, на тебя не сержусь... Ну что, расскажешь о записке? — И Дейла с любопытством уставилась на сестру.

— А где Эрик? — Василиса тоже ждала ответа.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Да откуда мне знать? — первой подала голос Дейла. — Так что же тебе написали и кто?

— Я спешу.

Василиса кое-как пригладила разлохмаченные волосы. Ей совсем не хотелось разговаривать с Дейлой, и она уже сделала шаг к двери, намереваясь оставить сестру в комнате. Как вдруг заметила, что та смотрит на нее с изумлением и непониманием.

— Что такое? — хмуро обратилась к ней Василиса. Она еще не забыла, как ее не хотели выпускать из сарая.

— Ты что, — Дейла ткнула в Василису пальцем, — собралась идти на праздник в этом?!

Василиса взглянула на свой наряд. На ней была сильно примятая кофточка и грязноватые джинсы — время, проведенное в сарае, не прошло для одежды даром. Василиса перевела взгляд на сестру: алый наряд из шелка — идеально отутюженные брюки и блузка, — наверное, очень дорогой. А в высоко уложенных белых волосах еще и рубиновая диадема сверкает.

— Если хорошо попросишь, — Дейла насмешливо оглядела Василису с головы до ног, — отдам тебе что-то из своего, не очень новое... Но я, конечно, не обещаю.

— Знаешь, — произнесла Василиса с вызовом, — я пойду так.

— Не уверена, что отцу понравится... — начала было Дейла, но Василиса ее перебила:
— Не уверена, что у меня есть выбор, понятно?
— Отец просил передать тебе. — Со скучающим видом Дейла сунула Василисе в руки небольшой сверток, который до этого прятала за спиной.
— Что это?

Василиса недоверчиво оглядела сверток. Он состоял из простой бумаги коричневого цвета, перевязанной тусклой серой ленточкой, и внутри явно было что-то крупное. С опаской Василиса развернула хрустящую обертку и ахнула: внутри оказалось аккуратно сложенное платье из темно-синего атласа, с длинными лентами-завязками, и туфли такого же цвета, с большими серебряными пряжками.

Наконец-то и к ней прилетела добрая фея...

Платье было простое, без украшений, но совершенно новое, как и туфли.

— С чего это отец так расщедрился? — Дейла с удивлением разглядывала подарок. — У меня синего платья нет...

— Ты еще здесь? — обернулась к ней Василиса. — Выйди, я хочу переодеться.

— Только поторопись! — Дейла, поджав губы, еще раз кинула жадный взгляд на платье, но все-таки вышла.

Василиса быстренько переоделась. Ей вдруг подумалось, что она впервые надела платье — раньше всегда ходила в джинсах. Жаль, нельзя поглядеться в зеркало. Вот видела бы сейчас ее эта дылда Инга...

Единственное, Василисе не понравился большой бант, который следовало завязать сзади. Она с трудом проделала эту операцию со скользкими и непослушными лентами-завязками. Платье было все-таки немного детское и чудное, но все равно красивое. Наверное, отец думает, что ей сейчас десять лет, а не почти тринадцать.

Василиса хмыкнула.

Она с сожалением повертелась, пытаясь разглядеть себя и так и этак, постучала каблуками, отбивая дробь, и вдруг замерла: на полу, прямо возле носка левой туфли, блеснуло что-то синее. Девочка присела на корточки.

Перед ней лежала небольшая заколка-гребень в виде цветка, похожего на незабудку. В центре цветка сверкал крохотный голубой камешек, окруженный прозрачно-синими лепестками. Василиса замерла от восхищения — это была явно дорогая вещь. Наверное, заколка выпала из свертка, когда девочка разворачивала платье.

Василиса тут же прихватила синим цветком длинную челку и удовлетворенно вздохнула.

Ну все, теперь точно пора спускаться. Стараясь дышать ровно и не краснеть от волнения, Василиса тихонько вышла из комнаты.

Возле самых дверей гостиной стояло большое зеркало в кованой узорной раме. Василиса не удержалась и заглянула в него.

Из зеркальной глубины на нее смотрела совершенно другая девочка: новое платье необыкновенно шло ей, лихорадочно блестящие глаза, казалось, приобрели еще большую синеву, а в длинных распущенных волосах загадочно поблескивал прекрасный цветок.

Василиса радостно прокрутилась вокруг себя. И тут же пространство вокруг нее озарилось тысячей сверкающих искорок, как будто разом взорвалось несколько десятков новогодних хлопушек. Эй-эй, сегодня же полнолуние! Приглядевшись, Василиса с изумлением увидела, что вокруг нее кружатся серебристые и золотые цифры. И даже огненно-красные!

Василиса отчаянно замахала руками, пытаясь унять разноцветье, но воздух еще больше замерцал. Цифры быстро кружились и весело подмигивали ей, как живые. Она всплеснула руками, но из ладошек вырвался на волю еще один веселый сноп цветастых цифр, причем алых заметно прибавилось.

Внезапно двери гостиной распахнулись, пропуская Эрика. Он остановился как вкопанный: циферки закрутились и вокруг него.

— Это не я, — соврала Василиса и покраснела до кончиков ушей.

Судя по решительному виду, Эрик явно собирался начать разговор, но почему-то попятился и вновь скрылся в гостиной.

Радостное настроение исчезло, а вместе с ним пропали и разноцветные искорки. Василиса почему-то уверилась, что нехорошо, если кто-то проводит об этих ее фокусах. Ведь даже Лешке она ничего не рассказывала.

Из гостиной донесся взрыв хохота — кажется, там было очень весело. Василиса постаралась еще раз пригладить свои растрепавшиеся волосы и шагнула в комнату.

В гостиной действительно царило оживление. Василиса даже и не подозревала, что в отцовском доме происходят праздники подобного размаха. Гости пили шампанское из хрустальных бокалов, смеялись и разговаривали друг с другом, некоторые пары танцевали.

И вот что странно: раньше гостиная казалась Василисе намного меньше. Возможно, это из-за внезапно появившихся зеркальных стен? Но когда их успели поставить? И откуда взялись эти огромные хрустальные люстры с горящими свечами?

Зазвучала тихая, торжественная музыка, и танцующих пар стало больше. Отца нигде не было видно. Зато в углу возле окон, Василиса заметила маленькие столики: на них высились горки всевозможных сладостей на золотых и серебряных блюдах, стояли прозрачные кувшины с красными и желтыми напитками. Она вдруг вспомнила, что целый день ничего не ела. На девочку мало кто обращал внимание, и она без особых сложностей пробралась к желанному угощению.

Только Василиса схватила большое шоколадное пирожное с блюда, как вдруг кто-то сзади слегка взъерошил ей волосы. Василиса выронила лакомство обратно на блюдо и обернулась.

На нее смотрела высокая белокурая женщина в длинном бирюзовом платье, отделанном тонкими серебристыми кружевами по краю декольте и низу рукавов. Ее можно было назвать очень красивой, если бы не ледяной, словно застывший взгляд. Голубые глаза с узкими черными зрачками смотрели неподвижно, пристально, изучающе. Несмотря на приветливую улыбку, Василисе незнакомка совершенно не понравилась.

— Какая тут хорошенькая девочка! — Женщина опять взлохматила ей волосы. — Кто твои родители?

Василиса, смутившись, помотала головой.

— А, ты еще не прошла посвящение. — Незнакомка понимающе улыбнулась. — Все правильно, лучше не говорить, кто твои родители, особенно если они высокопоставленные персоны... Ведь они известные люди, да? Огнев не приглашает кого попало, со стороны... Какая-нибудь знатная фамилия?

Василиса улыбнулась: женщина явно хитрила.

— Послушай, даже если у тебя будет третья степень, — заговорщицки прошептала она, — считай, что ты заранее у меня в ученицах. — Женщина гордо выпрямилась.

— А вы кто? — с интересом спросила Василиса.

Незнакомка наградила девочку недоумевающим взглядом.

— Наверное, ты воспитывалась далеко от столицы, если не знаешь, кто я. — Она улыбнулась уголком рта. — Позволь представиться, малышка... Я — Елена Мортинова. Под моим крылом находится самая лучшая часовая школа — Школа светлых часов. В ней изучают все часодейные искусства, включая мастерство «крылатого боя». У меня преподают лучшие в мире учителя и... — тут женщина слегка понизила голос, — для самых одаренных учеников и учениц я открываю даже те секреты, которые эфларские часовщики считают запрещенными... Темное и древнее часодействие. Еще с тех времен, когда Эфлара и Остала были одной землей, до их разделения...

Василиса слушала раскрыв рот.

«Ого, — пронеслось у нее в мозгу, — эта женщина — сумасшедшая... Что же мне теперь делать? Во всяком случае, лучше эту Елену не раздражать».

— Да-да, я вспомнила, отец мне рассказывал о вас, — вежливо сообщила Василиса,

раздумывая, как бы отделаться от странной тетки.

Женщина рассеянно кивнула и вдруг погладила Василису по голове.

— У тебя очень необычные волосы, — тихо и как-то вкрадчиво сказала она. — Цвета красного золота... позднего меда и осенних яблок. И смазливое личико. Ты ведь уже знаешь, что красивым женщинам не обязательно прибегать к часодействию, чтобы добиваться своего? — Елена Мортинова кокетливо улыбнулась. — Но если они умеют плести эферы, о, тогда их сила становится просто огромной...

— Мужская сила все равно больше, — возразила Василиса, вспомнив про свои неудачные драки с Нормом.

— Глупышка! — Елена рассмеялась. — Женская сила в хитрости и изворотливости. А еще — в красоте. — Елена низко наклонилась к Василисе и заглянула ей прямо в глаза. — Поэтому я отбираю для своего особого класса только самых симпатичных девочек, самых способных. Из моей школы выходят лучшие часовщицы мира.

Василиса потрясенно молчала.

— Ты сможешь быть лучшей, — продолжала женщина. — Так что подумай над моим предложением. И надеюсь, ты все-таки познакомишь меня с родителями... — Она улыбнулась.

От взгляда голубых глаз у Василисы мурашки побежали по коже. Девочка чувствовала некую смутную опасность, исходившую от Елены, — что-то было не так, что-то не нравилось в этой сумасшедшей. Внезапно взгляд женщины изменился, лицо стало нахмуренным и немного озадаченным.

— Послу-ушай, — протянула женщина и наморщила лоб, как будто пыталась что-то вспомнить. — Мне кажется, что я видела тебя раньше... У тебя глаза такие синие, и... Кто же ты все-таки?

— Вообще-то мой отец — хозяин этого... — начала было Василиса и осеклась, потому что женщина вдруг тоненько и пронзительно вскрикнула, так что несколько человек поблизости недоуменно обернулись.

Елена, однако, сразу успокоилась.

Она резко поднесла пальцы к голове, словно собралась хорошенько растереть виски, и теперь взирала на Василису с таким презрением и отвращением, которые только и способны выразить человеческое лицо.

— Великие силы, ты же фейра... — выдохнула Елена.

Василиса удивленно воззрилась на нее. Эта женщина все больше не нравилась ей.

Но та уже справилась с собой.

— Кто позволил тебе находиться в этой комнате? — отрывисто спросила она.

У Василисы перехватило дыхание. Она попятилась, отчаянно желая затеряться в толпе и убежать от этой ненормальной.

— Елена, что здесь происходит? — раздался рядом ровный, спокойный голос.

Оказывается, подошел отец, и Василиса чуть не наткнулась на него. Из-за его спины выглядывала Дейла вместе с Нормом. Братец облачился в смокинг с бабочкой; он старательно прятал левую половину лица. К своему огромному удовольствию, Василиса заметила здоровый фиолетовый синяк у него под глазом: так вот кого она огрела дверью сарайчика! Заметив, что Василиса глядит на него, Норт скривился и показал ей кулак. Дейла мигом осмотрела сестру с головы до ног и сердито поджала губы.

— Это моя вторая дочь. — Нортон-старший равнодушно скользнул по дочери взглядом, однако на мгновение глаза его задержались на заколке с синим цветком.

Василисе показалось, что в его взгляде промелькнуло некое довольство. Может, своим дорогим подарком отец просил прощения? Но тогда это был странный способ: сначала наказывать неизвестно за что, а затем дарить подарки.

— Почему она находится здесь, Нортон? — Елена опять наградила Василису яростным взглядом. — Почему ты не запер ее где-нибудь?! Я не хочу видеть здесь фейру! — Елена опять приложила руки к вискам, будто у нее сильно болела голова.

— Как быстро у вас меняется настроение, — произнесла Василиса, нахмурившись. — То вы приглашаете меня в свою школу, то не хотите видеть.

Лицо у Елены стало белым-пребелым, как у фарфоровой куклы.

— Забудь о школе, — прошипела она.

Норт наслаждался происходящим, радостно поглядывая то на Василису то на Елену.

— Елена, ты приглашала Василису в свою школу? — Уголки губ у отца дрогнули. — Забавно...

— Очень мило сделать мне такой сюрприз, Нортон, — холодно произнесла Елена. — Я оценила твое чувство юмора. К слову... когда произойдет посвящение?

— Завтра в полночь, — ответил Нортон-старший.

Краем глаза Василиса заметила еще одного мальчишку, тоже с интересом прислушивающегося к происходящему. Он был ростом с Норта, но пошире в плечах да и постарше — лет шестнадцать-семнадцать на вид. Светло-пепельные волосы мальчишки были чуточку длинноваты и слегка вились, глаза на узком загорелом лице казались чернящими из-за широких темных зрачков. Он заметил, что Василиса смотрит на него, и ответил ей наглым, насмешливым взглядом.

— Ну, малышка! — Елена вдруг резко повернулась к Василисе и схватила ее за подбородок. — Надеюсь, мы скоро с тобой увидимся, но уже не в бальной зале.

— Вы — чокнутая... — хрипло прошептала Василиса, ей было трудно говорить и даже дышать, ибо рука Елены крепко держала ее.

— Это ты — ненормальная!.. — яростно произнесла женщина и так сдавила подбородок Василисе, что девочка чуть не задохнулась.

— Елена, я бы хотел поговорить с тобой наедине. — Серые глаза Нортон-старшего полыхнули недобрым зеленым светом. — Ты уже пробовала шампанское? С юга Франции...

— Мне сейчас не до шампанского, — отрезала Елена, но отпустила Василису. Девочка тут же закашлялась.

Нортон-старший требовательно взял женщину под локоть.

— Из гостиной ни на шаг, — бросил он детям и как ни в чем не бывало повел Елену сквозь толпу.

Многие останавливали их, пожимали руку Нортону-старшему, с чем-то поздравляли. Елена, казалось, забыла о Василисе и принялась мило щебетать с гостями.

— Как жаль, что она не задушила тебя! — Дейла радостно фыркнула.

Василиса не ответила: ей было обидно, что отец разрешил этой Елене издеваться над ней.

Норт недобро поглядывал на Василису и явно собирался сказать очередную гадость. Но вдруг к ней шагнул тот самый мальчишка, которого она заметила в зале.

— Меня зовут Марк, — представился он напыщенно. — Норт много рассказывал о тебе... — Мальчик насмешливо хмыкнул.

— Представляю, — процедила Василиса и, развернувшись, пошла к выходу.

Она решила закрыться в своей комнате и хорошенько обдумать происходящее. Похоже, эта женщина, Елена, не была сумасшедшей. А значит, стоило поискать в ее словах смысл.

В коридоре Василиса обнаружила, что вся компания последовала за ней. Вид ухмыляющегося Норта, фиолетовый синяк которого еще более усиливал зловещее впечатление, абсолютно ей не понравился.

— Невежливо уходить, когда с тобой разговаривают, — белозубо улыбнулся мальчик, который представился Марком. — Тем более, если ты — всего лишь фейра.

Норт и Дейла, находившиеся чуть позади него, расцвели улыбками.

— Она вообще ведет себя невежливо в последнее время, — процедил Норт и коснулся скулы, над которой горел синяк.

— А где Эрик и Ноель? — спросила Василиса, чтобы хоть что-то сказать. Она неожиданно вспомнила, что Эрик точно должен быть в гостиной.

— Ребятки давно спят, ибо это не их праздник. — Норт сделал шаг к Василисе.

Она открыла рот, но тут же захлопнула его: неужели Эрик пришел в гостиную без спроса? Может, чтобы поговорить с ней... Но почему он убежал, если хотел что-то сообщить? Хорошо бы немедленно найти Эрика, но как отвлечь этих троих?

— А почему ты здесь? — продолжал наступать Норт. — Ты все-таки будешь на посвящении?

— Я ничего не знаю, — раздраженно ответила Василиса, но вышло у нее как-то тоскливо. — И ничего не понимаю...

— Если отец подарил ей платье и пригласил сегодня в гостиную, — ввязалась Дейла из-за спины брата, — значит, она будет на посвящении.

— Ее нет в списках, — сказал Марк. — Я смотрел. Мне поручили отнести список Елене, и я... хм, краем глаза проглядел его.

— Какой список? — удивленно спросила Василиса.

— Список первочасников для школ, — ответил Марк не без ехидства. — Тех, что претендуют на Часовой Круг, сейчас же все помешаны на этих состязаниях... Наверное, все дело в том, что ты — фейра. Если это так, я тебе не завидую.

— Я не фейра, и вообще — я уже учусь в школе! — возразила Василиса.

— Забудь о той школе, — посоветовал Марк, криво улыбаясь.

Василиса ошарашенно посмотрела на него: мальчишка был третьим, кто советовал ей забыть о школе.

— Но мы пришли сюда не за этим, — внезапно сказал Марк, и улыбка мгновенно исчезла с его лица. — Норт попросил меня научить тебя вежливости... — Он схватил Василису за руку и так крепко сжал, что у нее хрустнули пальцы. — Норт станет великим часовщиком. И унаследует все состояние отца. Пусть он посмотрит, что нужно делать с теми, кто ведет себя плохо...

— Господин Эрн! — радостно выкрикнула Василиса.

Хватка Марка тут же ослабла, он выпустил ее руку и в замешательстве оглянулся.

— Никого нет... — зло начал он, но Василиса уже мчалась по коридору со всех ног.

Лестницу она преодолела в несколько прыжков.

* * *

В библиотеке было тихо и спокойно. Сюда не долетал шум праздника, лишь мирное тиканье настенных часов нарушало тишину. За Василисой могла быть погоня, но вряд ли кто-то из них видел, что она спряталась в библиотеке. Как назло, в коридоре послышалась тяжелая, мерная поступь: сюда явно кто-то шел.

Василиса в панике оглянулась. Она не нашла ничего лучшего, чем спрятаться, как и утром, за той же самой малиновой шторой.

Чувствовала себя девочка прескверно: казалось, все вокруг сошли с ума, говорили и делали разные странности. Но так просто Василиса не сдастся. Она приготовилась дать отпор своим преследователям, гадая, что будет лучше: вцепиться в горло этому Марку или начать с Норта?

Скрипнула дверь. Василиса осторожно выглянула из-за шторы и чуть не вскрикнула от изумления: между шкафов с книгами шествовала целая процессия людей в длинных чернильно-фиолетовых накидках. Их лица скрывали широкие капюшоны, наброшенные на головы. Люди прошли мимо девочки и остановились подле стены, где висели те самые большие часы с башенками, что иногда пугали Василису внезапным звоном. Казалось, они просто выстроились в очередь.

Внезапно тот, что стоял ближе всех к стене, вытянул руку по направлению к часам и негромко, но отчетливо произнес:

— Переход. Эфлара, замок Черновод. — Это был голос Нортон-старшего. — Разрыв времени: двадцать две минуты сорок секунд.

У Василисы перехватило дыхание.

Внезапно настенные часы дернулись всем корпусом: закричал натужно механизм, мелко задрожали стрелки на циферблате.

— Огонь! — негромко произнес Нортон-старший и тут же получил от одного из людей огарок в медном подсвечнике.

Фитиль вспыхнул желтым язычком огня. Нортон-старший поднес пламя к часам и некоторое время держал у основания большой стрелки.

И тут произошло нечто по-настоящему удивительное. Стрелка вздрогнула и понеслась по циферблату с неистовой скоростью. Одновременно с этим корпус часов начал вертеться вокруг своей оси; повинаясь быстрым поворотам, край циферблатного диска проходил сквозь стену, легко врезаясь в нее, словно раскаленный нож в масло.

Василиса хорошенько протерла глаза и даже поморгала для верности. Однако стало еще хуже: стена исчезла.

Абсолютно.

Вместо нее появилось нечто серое, густое и клубящееся, словно в комнату ворвался туман с предрассветного озера.

Нортон-старшего факт исчезновения стены не смутил; он, не раздумывая, решительно шагнул в туманную массу и пропал.

Василиса ахнула не сдержавшись. Но, к счастью, никто не обратил на ее возглас внимания. Люди в темно-фиолетовых одеждах были заняты тем, что по очереди исчезали в сером тумане. Лишь последний из них обернулся и оглядел комнату, но, не найдя ничего подозрительного, скрылся за остальными.

Воцарилась тишина — пугающая и безмолвная.

Осторожно выглянув из-за шторы, Василиса прыгнула на пол и нерешительно приблизилась к странной стене. Как оказалось вблизи, туман непрерывно клубился и извивался, словно состоял из сотни плотных тучек, вздумавших побегать друг за другом.

Поколебавшись мгновение, Василиса быстро погрузила руку в туман и тут же отдернула. Ничего страшного не произошло. Тогда Василиса решила погрузить две руки.

Ничего.

Только там, в тумане, было немного холоднее, чем здесь, в библиотеке. И что же дальше? Василиса не была уверена, что стоит продолжать эксперимент.

И тут из коридора послышался резкий голос Норта-младшего:

— Рыжая в библиотеке! Больше ей негде быть... Ну, сейчас она за все получит!

Дверь уже открывалась, и решение пришло мгновенно — Василиса быстро шагнула в серую мглу.

...И оказалась в странном узком коридоре. Под ногами были дощечки: они опасно шатались и жутко скрипели, словно Василиса находилась на подвесном мосту, качающемся от сильного ветра. По бокам тянулись длинные ряды больших, в рост человека, песочных часов. В этих странных часах медленно и неторопливо сыпался желтый песок.

Неожиданно вся эта конструкция разом пришла в движение: дощечки под ногами закрипели и зашатались еще сильнее, а часы понеслись куда-то назад, набирая скорость. Василиса широко расставила руки и ноги, чтобы не потерять равновесие, но все равно упала и так, распластавшись, понеслась куда-то вперед.

К счастью, вскоре дощечки замедлили ход и, со скрипом затормозив, словно были частью огромного механизма, остановились. Длилось удивительное приключение не больше минуты, но у Василисы возникло странное чувство, будто она проделала долгий и опасный путь.

Поднявшись на ноги, Василиса обнаружила, что мост с песочными часами исчез. Вместо него девочку окружали твердые каменные стены, а на одной из них тоже висели часы — точная копия тех, из библиотеки.

Сама комната, где очутилась Василиса, оказалась и вовсе необычной: стены, пол и потолок были сделаны из темно-синего, с белыми прожилками камня. По углам, на высоких подставках в виде звериных лап, стояли золотые, в рифленых узорах чаши. В чашах бойко

трещало пламя, выстреливавшее пригоршни мелких искр. Из мебели здесь была лишь длинная деревянная скамья, уставленная подсвечниками с толстыми новыми свечами и старыми, почти огарками.

Внимательно осмотрев все стены, Василиса обнаружила дверь, искусно замаскированную под цвет и рисунок сине-белого камня, — сразу такую не заметишь. Василиса подошла и разглядела небольшое белое кольцо в том месте, где у двери положено быть ручке.

Стоило подумать, идти ли дальше? Но отступать было уже поздно, и Василиса потянула кольцо на себя.

В глаза ударил слепящий свет. От неожиданности девочка зажмурилась, и ей понадобилось некоторое время, чтобы по привычке и вновь открыть глаза. Это место выглядело еще более удивительным — коридор, где стены, потолок и пол сплошь укрывали зеркала. Станный голубоватый свет, шедший неизвестно откуда, множился в бесчисленном количестве отражений, потому создавалось впечатление, будто здесь находится добрая сотня включенных электрических ламп.

Василисе понадобилось все ее мужество, чтобы сделать шаг в это чудное место. Но ничего страшного не произошло — пол мягко спружинил под ногами, а глаза привыкли к необычному свечению.

Раздался мягкий щелчок. Это дверь, через которую вошла Василиса, закрылась, сливаясь с другими такими же зеркалами. Вот это да! Так можно потеряться и не найти больше этой комнаты... Василиса толкнула зеркало, находившееся рядом.

Оно отворилось, открывая узкий, мрачный тоннель, ведущий в абсолютную темноту. Василиса быстро закрыла эту зеркальную дверцу.

Что же дальше? Надо двигаться вперед и искать выход. Чтобы не потеряться, девочка сняла заколку с синим цветком и положила возле зеркальной двери, из которой вышла.

Из-за следующего зеркала раздалось злобное шипение. Василиса быстро захлопнула дверь и решила больше не экспериментировать. Она просто пошла вперед по этому удивительному коридору. Должен ведь найтись хоть какой-то выход?! Сверху, снизу, слева и справа были одни зеркала, а сам коридор всю дорогу как-то странно заворачивал вправо. Василиса не знала, сколько она так прошагала, пока вдруг не заметила, как ярко блеснуло на полу, выбиваясь из общей ослепительной гаммы, что-то синее.

Это же ее собственная заколка! Значит... она шла по кругу?

Василиса запаниковала. Она в отчаянии прислонилась лбом к какому-то зеркалу и, даже не сообразив толком, что происходит, рухнула в темноту.

Заныли ушибленные коленки. Зачем, зачем она сюда полезла?! И все из-за Норта и этого ужасного Марка! Только вспомнить, как он сдавил ей пальцы... Хорошо, что Василисе пришлось в голову обмануть их появлением господина Эрн.

— Если я выберусь отсюда, я вам всем покажу — гневно прошептала Василиса.

Она осмотрелась, пытаясь хоть что-то разглядеть.

Как ни странно, мысль о мести придала ей сил: Василиса встала, отряхнулась и, вытянув руки, пошла наобум. Эх, зря она не захватила один из подсвечников. Может, все-таки стоит вернуться в зеркальный коридор? Она подождет там отца и тогда будь что будет. Однако Василиса была уверена, что Нортону-старшему совсем не понравится, что его дочь без разрешения прошла сквозь загадочный туман. Нет, она найдет способ вернуться, а пока... пока что она просто пойдет вперед.

Вдали замерцал огонек. Василиса ускорила шаг, ориентируясь на далекий свет. Темнота давила на нее, особенно после яркого зеркального коридора. Поэтому она немного опечалилась, когда увидела, что вблизи мигающий огонек оказался простым настенным фонарем. Зато слева от него слабо колыхалась, будто от дуновения воздуха, тяжелая черная занавеска.

Может, это выход на улицу?

Осторожно проскользнув за плотную ткань, Василиса очутилась в маленькой ложе. Во

всяком случае, отсюда открывался вид на небольшой круглый зал с куполообразным потолком, как в театре или цирке, ярко освещенный чашами с живым огнем. Эти чаши болтались на цепях, подвешенные за огромные железные крюки.

В центре залы находился помост, на котором стояло каменное кресло-трон гигантских размеров. Подле, выстроившись полукругом, располагались небольшие скамеечки со спинками. На них сидели люди в таких же темно-фиолетовых плащах, как у отца и тех, что проходили с ним сквозь стену. У некоторых лица были открыты, но Василиса видела лишь затылки и не могла кого-либо узнать, даже если б захотела. Казалось, сумрачно-фиолетовые фигуры застыли в напряженном ожидании: все они смотрели на гигантское кресло-трон посреди зала.

— Астрагор! Я призываю тебя, древний Дух! — прозвучал громкий голос, гулким эхом прокатившись по залу. — Прошу твоего совета, Астрагор...

Василиса вздрогнула и пригнулась. Ей понадобилось несколько секунд, чтоб принять как данность, — этот громовой голос принадлежал ее отцу.

Нортон-старший, одетый в тот же темно-фиолетовый плащ, что и у остальных, держал в руке толстое черное копьё с алым наконечником. Неожиданно он поднял копьё, ловко перевернул его и резко ударил острием о пол.

Гигантское кресло тут же озарилось яркой огненной вспышкой, и Василиса увидела, что оно вырезано из куска прозрачного, в алых прожилках камня, спинка и подлокотники вспыхнули множеством искр, даже в глазах зарябило. Сразу же, неизвестно откуда и каким образом, повалило нечто густое и желеобразное, обволакивая гигантский трон, словно огромный осьминог длинными вязкими щупальцами, и нестерпимый алый свет камня оделся в матово-серое.

Темные фигуры выжидали. А Василиса боялась даже дышать.

— Приветствую тебя, разгадавший мое числовое имя, — прошелестел вдруг низкий голос, и голос этот шел из самой глубины овитого «щупальцами» трона. — Что желаешь ты знать?

— Все об Алом Цветке, великий Дух, — ответил Нортон-старший. — И о нашей с тобой договоренности.

— Я не отрекался от своих обещаний, — бесстрастно произнес Дух. — Надеюсь, и ты помнишь о своих.

— Да, помню.

На алом камне вспыхнули сотни искорок и тут же погасли, словно дрожь пробежала по телу «осьминога».

— Время Алого Цветка близится.

— Значит, волшебный цветок действительно расцветает раз в тысячу лет... — Нортон-старший сделал шаг к трону. — И выполняет одно желание?

— Не просто желание, — ответил Дух, — а волю, высказанную семерыми ключниками.

— Но что это за воля? — продолжил Нортон-старший. — Можно ли использовать ее для того, чтобы сотворить новый мир? Мир для избранных? Третью планету, еще один разрыв... Свой мир — лучший из трех. Новый мир вместо двух старых...

Люди в темных плащах опять зашептались, но на этот раз более радостно, возбужденно.

Ответ прозвучал не сразу.

— Знаешь ли ты, что такое Алый Цветок, о, разгадавший мое числовое имя? — равнодушно спросил Дух. — Он — сердце планеты, живой пульсирующий мост, соединяющий два мира: Эфлару и Осталу. Ты хочешь погубить их таким желанием? Алый Цветок не сумеет сотворить новую Землю, но изменить ваш мир сможет.

— Срок Эфлары истекает, — продолжил отец Василисы, — и, если люди не вмешаются, вскоре она исчезнет. Та Земля, что зовется Осталой, должна поглотить ее: Временной Разрыв стремительно сокращается.

Повисло молчание.

— Это верно, — наконец ответил Дух. — Но Алый Цветок уберезет от беды. Не проси меня сказать, как он это сделает. Тебе ли не знать, сердце планеты вне времени и его законов, и я не властен над ним. Добудь сердце Алого Цветка, Нортон, и мы изменим мир... Вместе. Но помни, — добавил Дух, — о нашем договоре. Ты должен приступить к первой его части, чтобы задуманное свершилось.

Нортон-старший низко поклонился.

— Почему же к сердцу планеты должны идти только юные? — вновь спросил он. — Не лучше ли доверить дело опытным часовщикам?

И ответ последовал:

— Алый Цветок сам юн и чист, потому что рождается заново раз в тысячу земных вращений. И доверится лишь юным душам. Отдайте Ключи от Расколотого Замка семерым достойным и пятерым их помощникам — ровно двенадцать должны встать на Часовой Круг.

— Тринадцатого июня, — произнес Нортон-старший, — запустят Часовой Круг... Но в нашем распоряжении лишь три Ключа!

— Семь... Семь Ключей в игре. — Дух помолчал и вдруг торжественно продекламировал: — Серебряный, Бронзовый и Золотой будут соперничать между собой. Железный откроет цветения тайну, Расколотый Замок укажет Хрустальный. Рубиновый Ключ все секреты расскажет, а Черный — путь к самому сердцу укажет...

— Кто владеет остальными Ключами? — спросил Нортон-старший.

— Белая Королева обещает, что к назначенному времени еще три ключника встанут в Круг.

— А Черный? — жадно спросил Нортон-старший. — Черный Ключ тоже в игре?

— Как добра не бывает без зла, так и белого не может быть без черного, — несколько туманно ответил Дух. И добавил: — Все Ключи будут в игре, Часовой Круг завертится вовремя. Черная Королева не бездействует и тоже готовит своего ключника.

Фиолетовые фигуры, сидевшие до этого неподвижно, неожиданно зашевелились, кое-кто даже вскочил с места; по залу прошел изумленный, тревожный, даже рассерженный шепот.

— Но не беспокойся об этом, — продолжил голос из глубины трона. — Черный Ключ манит, потому как свойства его не совсем известны, но это не значит, что он более могуч, чем остальные Ключи от древнего замка, расколотого безумным волшебством.

Нортон-старший низко поклонился.

— Благодарствую за истину, Астрагор, — тихо сказал он.

Его голос гулким эхом пролетел по залу завертелся вихрем в куполообразном потолке, многократно усилился. Фиолетовые фигуры вновь обратились в молчаливые статуи.

А Дух неожиданно повторил:

— Найдите семь Ключей от сокровищницы. Серебряный, Бронзовый и Золотой будут соперничать между собой. Железный откроет цветения тайну, Расколотый Замок укажет Хрустальный. Рубиновый Ключ все секреты расскажет, а Черный — путь к самому сердцу укажет...

Фиолетовые фигуры вновь заволновались, раздались восклицания, громкие реплики, и Нортону-старшему пришлось поднять руку, чтобы восстановить спокойствие.

— Кое-что еще, Астрагор... — Нортон-старший помедлил. — Рубиновый Ключ.

— Один из твоих детей будет владеть им. Я видел это сам.

Зал неожиданно взорвался такими громкими аплодисментами, что Василиса невольно закрыла руками уши. Фиолетовое людское море пришло в движение, все хлопали в ладоши, выражая восторг Нортону-старшему, а тот лишь слегка наклонил голову.

— Могу ли я спросить тебя еще об одном, великий Астрагор... — начал тихо Нортон Огнев, когда все немного успокоились, но Дух внезапно перебил его:

— Да, есть еще один человек, кто знает мое числовое имя, и мы беседуем с нею время от времени... И ей я сообщил то же, что и тебе.

— И кто же это, великий Дух?

— Белая Королева, — ответил голос. — Так она просила себя называть и впредь. А сейчас прошу простить — Эфлара по-прежнему для меня недоступна, мне тяжело находиться здесь даже в таком виде... Но скоро все изменится, не так ли, Нортон? Прощай.

Дым начал таять, серые щупальца ослабли, алый свет потускнел.

Казалось, будто этот огромный и пыльный кусок камня не светился так ярко и ослепительно всего лишь несколько мгновений назад.

Нортон Огнев медленно повернулся к остальным; люди в фиолетово-сумеречных плащах застыли в уважительном ожидании.

— Елена, я прошу вас присутствовать с нашим Золотым ключником на посвящении Норта и... остальных моих детей.

— Спасибо, Нортон, — прошептала женщина, вставая на одно колено и целуя край его фиолетовой мантии.

Она немного повернулась, и Василиса смогла увидеть профиль женщины. Сомнения рассеялись: это была та самая «сумасшедшая» Елена.

— Все мы знаем, что слова Астрагора нельзя подвергать сомнению, — обратился отец Василисы к собравшимся в зале. — Мы убеждались, и не раз, — Астрагор всегда говорит правду. Поэтому Эфларе действительно грозит гибель.

Люди в плащах покорно склонили головы.

Нортон-старший ступил на возвышение. Гигантское кресло казалось простой каменной грудой. Огнев подошел и уселся в него, облокотившись на поручни. Черное копье с алым острием он продолжал сжимать в правой руке.

И теперь, восседающий на троне, отец казался Василисе неким сказочным королем.

— Старая Эфлара действительно погибнет... Но наш мир изменится, и изменится к лучшему.

Зал снова взорвался аплодисментами, но отец Василисы поднял руку, и они тут же стихли.

— Перейдем к делам не менее важным... — резко произнес он. — Какие новости из Астрограда?

— В Радосвете много верных людей, Нортон, — подала голос Елена. — Они готовы встать за тобой, лишь только ты появишься в Лазоре. А вот мастера...

— Что мастера? — холодно переспросил Нортон-старший. — Опять Лазарев?

— Да, Константин Лазарев, часовых дел мастер. Он ведь не первый раз восстанавливает ремесленников против тебя, и многие прислушиваются к нему. Он говорит, что ты приведешь мир к концу...

— Для ремесленника любое повышение налогов — конец света, — презрительно отозвался Нортон-старший. — Что знают они о Поглощении? Неучи... Я сам займусь Лазаревым. Но для этого я должен опять оказаться в Радосвете.

— Наш человек сообщил, что все в порядке, — произнесла Елена. — Все прошло, как задумано. Астариус обязан будет провести повторное голосование. Бывший член Радосвета имеет право попытаться вновь войти в состав правления.

— Хорошо, — довольно кивнул Нортон-старший. — День-два, и я буду заседать в Лазоре. Но кое-кого там уже не будет.

Последние слова прозвучали зловеще.

— Позвольте, господин...

От толпы отделился человек. Он приблизился к Огневу и так же, как предыдущие ораторы, скинул с головы капюшон. Человек склонился в низком поклоне, и в свете пламенных чаш блеснула его лысина.

— Приветствую, Мандигор, — обратился к нему Нортон-старший. — Я рад, что ты смог обмануть совет и посетить наше маленькое собрание... Что тревожит тебя?

— Мы наслышаны, господин, — начал Мандигор после еще одного низкого поклона, — что у вас нашлась дочь... э-э, потерянная двенадцать лет назад.

— Да, это так, — сухо произнес Нортон-старший.

Василиса, немного приунывшая от непонятных и потому казавшихся ей особо жуткими разговоров, вновь обратилась в слух.

— И она должна пройти посвящение на часовую степень, — вкрадчиво продолжил лысый Мандигор.

— И это правда.

— Не значит ли это, господин, что если ваша дочь... э-э, та самая дочь, сможет плести эферы, не будет ли это значить, что она, по сути своей, является...

— Это будет значить совсем другое, Мандигор, — ровным голосом произнес Нортон-старший.

— Великий господин, — вскинул руки Мандигор, — ты мудр и справедлив... Но если у нее окажется высокая степень, дающая право на наследство...

— Моим наследником будет Норт, мой старший сын. — Нортон-старший вдруг резко встал и шагнул к Мандигору — тот даже попятился от неожиданности. — Я пойду на любые меры, лишь бы не допустить того, о чем ты хотел спросить, Мандигор.

Лысый человек молчал, встревоженный мощным натиском.

Василиса продолжала недоумевать.

Ей вдруг на миг показалось, что она находится в театре и видит странное, нереальное, даже немного дурацкое представление.

— Ты думаешь, что она сможет часовать? — тихо спросила Елена. Так тихо, что Василиса вообще еле расслышала ее. — Но как же так? — продолжила Елена громче. — Она ведь всю жизнь прожила на Остале — в мире без магии, где сам воздух вреден для часовщика!

— Чепуха, — устало возразил Нортон-старший. — На Остале действуют законы эферов наравне с физическими. Правда, люди пользуются часами только для измерения времени, поэтому не ведают о часодействе. Остальцы доверяют лишь техническому прогрессу. А это означает, что они не скоро еще полетят к звездам или найдут дорогу в другие миры. Эфларцы же выбрали лучшее — предпочли часодейство. Нам осталось всего лишь сохранить наш мир... и сделать его лучше.

— Но если твоя дочь... — начала Елена, и Василиса подметила в ее голосе угрожающие нотки. — Если она получит часовую степень, и ты дашь ей имя...

— Я помню о давнем обещании, госпожа Мортинова. — В голосе Нортон-старшего гроыхнуло знакомое железо. — И я вновь повторяю: моя дочь не получит от меня часодейного имени.

— Но как же тогда Ключ, ведь он нам нужен!

— Завтра, — нетерпеливо произнес Нортон-старший. — Завтра все прояснится, Елена. Женщина молча поклонилась и отступила от каменного трона.

— Астариус уже знает об этой вашей дочери, — подал голос Мандигор, особенно выделяя слово «этой». — Как видно, и у него есть верные люди... среди нас.

Мандигор оглянулся, обводя присутствующих подозрительным взглядом.

— Это был Кэртис, — внезапно произнесла Елена. Она полуобернулась, и Василиса увидела, как на ее губах заиграла холодная улыбка.

Люди в фиолетовых мантиях тут же зашумели, переговариваясь, по залу прокатилось ошеломленное разноголосое эхо, послышались гневные возгласы:

— В камень предателя!

— Смерть ему!

— Его статуя уже украшает подземелье Черновода! — хрипло выкрикнула Елена и презрительно ухмыльнулась.

Подождав, пока волна смятения уляжется, Нортон-старший заговорил вновь:

— Не будем уделять этому вопросу столько внимания: предателя уже нет среди нас. Астариус? Он слишком стар, чтобы нам мешать. Я думаю, — тут Нортон-старший усмехнулся, — он скоро отойдет от великих дел. Но вернемся к нашим заботам... Елена, все готово?

Елена кивнула и подняла руки, сложив их лодочкой. Внезапно вокруг нее замерцала легкая, полупрозрачная дымка, и она... исчезла! Просто растворилась в воздухе.

Василиса громко ахнула и в ужасе закрыла рот ладошкой. Кажется, она сходит с ума... Но остальные на исчезновение Елены отреагировали более спокойно. В зале царила безмятежная тишина, лишь тихо потрескивало пламя в чашах: люди чего-то выжидали.

Вновь показалась серебристая дымка, являя остальным стройную, высокую фигуру Елены. В руке она держала какие-то странные блестящие приборы или механизмы, издали нельзя было разглядеть, что именно.

Елена поклонилась Нортону-старшему:

— Можно начинать.

И вдруг Нортон Огнев резко встал и, не говоря ни слова, поднял вверх правую руку. Какую-то секунду он постоял в такой позе, а затем медленно, словно раскручивал невидимое лассо, начал водить ею в воздухе. Послышался неприятный, режущий слух свист. Он нарастал и нарастал, становясь все невыносимее. Василиса зажала руками уши — казалось, еще немного, и у нее лопнут барабанные перепонки.

И вдруг свист прекратился — отец опустил руку. Василиса тряхнула головой, пытаясь унять звон в ушах.

— В подземелье есть посторонний... — устало произнес Нортон-старший. — Все часовые защитные нити грубо нарушены. Где-то рядом прячется... Найдите его!!! — вдруг рывкнул он.

Для Василисы это послужило сигналом: она рванула к двери и пулей вылетела в коридор. На обратный путь ей понадобилось намного меньше времени — откуда только силы взялись! — и вскоре она оказалась в зеркальном коридоре.

Заковка нашлась быстро — блестела синим огоньком на полу.

Внезапно Василиса ощутила, что зеркала как-то странно вибрируют, стены и потолок дрожали и звенели от глухих звуков, идущих отовсюду. Создавалось впечатление, что сюда бегут очень много людей. Не теряя больше времени, Василиса влетела в комнату с огненными чашами.

Тихо и равнодушно потрескивало пламя, разбрасывая искры. Висели часы на стене — копия тех, что были в семейной библиотеке. А голая каменная стена по-прежнему не содержала никаких указаний, как проникнуть через нее назад, в библиотеку.

Василиса в отчаянии стукнула по ней кулаком, но от этого лишь заболела рука. Что же делать?! Сюда не доносились вибрирующие глухие звуки, но Василиса чувствовала — погоня близко. Она в отчаянии прислонилась к стене и прошептала:

— Обратно... Хочу обратно! НАЗАД!

Стена заколебалась, становясь мягкой и зыбкой, запузырилась, словно мыльная пена, и в ней образовалась небольшая крутящаяся воронка. Василиса протянула руку, и ее тут же втянуло в середину, перед глазами рассыпался разноцветный калейдоскоп искр, стало очень жарко и душно... Толчок — и Василиса больно приземлилась на спину, не успев подставить локти.

Открыв глаза, она увидела, что над ней нависает книжный шкаф, а на стене как ни в чем не бывало тикают «знакомцы» — большие часы.

Она опять дома, в библиотеке!

Василиса резко вскочила: за ней может быть погоня, надо поскорей добраться до своей комнаты.

В один прыжок достигнув двери, она осторожно выглянула в коридор.

Никого.

И очень тихо. Кажется, гости давно разошлись...

В комнате Василиса сразу же юркнула под одеяло, как и была, в платье. Только она успела это проделать, как в коридоре вновь раздались шаги. Дверь резко распахнулась, жалобно скрипнув петлями.

На пороге, освещенный бледным лунным светом, стоял отец.

Василиса задышала ровно и медленно, делая вид, что спит. Но это ей плохо удавалось: сердце неистово колотилось, и, казалось, его удары разбудят весь дом. Сейчас отец узнает, что она была в тайном ходе... Наверняка ее накажут! Накажут, накажут...

Но отец так и не вошел. Он еще немного помедлил, словно в раздумье, и тихо вышел, легко затворив дверь.

Василиса осталась одна со своими мыслями. Почему отец пришел именно в ее комнату? Неужели он догадался про тайный ход? Она подумала, что ни за что не сможет заснуть после таких страшных приключений... И провалилась в сон.

ГЛАВА 3 СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Наступило утро. Быстро умывшись и причесавшись, Василиса не без опаски спустилась вниз, в столовую.

Но оказалось, можно было не волноваться — отец куда-то уехал. Госпожа Азалия пребывала в прекрасном настроении: за завтраком она вместе с остальными детьми обсуждала вчерашний вечер. Даже Норт-младший вел себя хорошо и совсем не обращал на Василису внимания. Эрик тоже был за столом — сидел справа от Норта и даже не смотрел в ее сторону.

Василиса лихорадочно соображала, что же ей теперь предпринять. То, что она увидела вчера, не подлежало хоть какому-нибудь разумному объяснению. Поэтому девочка для себя решила, что отец принадлежит к некой странной тайной организации... гипнотизеров.

Но как же быть с остальным? Все эти диковинные события в библиотеке, вращающиеся часы, мост, зеркала и Дух Астрагор в подземелье казались такими реальными... А сам отец? Люди в фиолетовых плащах и, главное, — та безумная женщина, Елена?

Раздался звон. Василиса, задумавшись, не заметила, как выронила вилку, и та звучно ударилась о кафель пола.

— Что с тобой? — покосилась на нее госпожа Азалия. — Тебе что, плохо?

— Да, мне плохо, — согласилась Василиса.

— Тогда иди в свою комнату и никуда не выходи, — резко произнесла няня.

— А как же... — на миг Василиса растерялась. — Сегодня вроде выходной... Я думала поехать в город, встретиться с...

— Сегодня посвящение, — перебил ее Норт. — Так что никаких прогулок, сестричка. Не пошла бы ты... в свою комнату, набираться сил перед вечером. Я уверен, тебя ждет великое потрясение... Не могу дождаться. — Норт радостно оскалился.

— Что будет вечером? — спросила Василиса, повернувшись к госпоже Азалии.

— Дети! — Игнорируя вопрос, няня демонстративно встала из-за стола. — Сегодняшний день вы проведете дома. Отдохните, погуляйте в саду, но не шумите, берегите силы. Подождем того часа, когда придет ваш отец и начнется великое испытание.

Выдав столь чудную тираду причем весьма благожелательным голосом, няня позвала кухарку — молчаливую полноватую женщину, чтобы та убрала грязную посуду.

Норт и Дейла первыми вышли из-за стола, Ноель увязался за ними, последним шел Эрик. Проходя мимо Василисы, он тихо шепнул ей:

— В библиотеке.

Василиса незаметно кивнула, удивляясь, как это она забыла об Эрике — единственной надежде хоть что-нибудь узнать о семейных странностях.

Но возле лестницы поджидал Норт.

— Сегодня вечером у нас будут гости, — ехидно сообщил он. — На посвящение придет госпожа Мортинова, а с ней — Марк.

— Я очень рада, — сказала Василиса, думая, как бы так незаметно пробраться в библиотеку. Однако путь лежал мимо лестницы, на первой ступеньке которой и стоял любезный братец.

— Марк очень злится на тебя, — продолжал Норт.

— На меня все злятся... — Василиса подумала, что это действительно так: отец, госпожа Азалия, эта Елена, Норт, Дейла, даже Эрик и Ноель — все на нее за что-то злились. Она непроизвольно сделала несколько шагов в сторону коридора.

— Я надеюсь, что ты не станешь часовщиком, — продолжал Норт, преграждая сестре дорогу. — И мы больше тебя никогда не увидим...

— Я не хочу становиться часовщиком! — возразила ему Василиса. — Я ничего не понимаю в часах.

Норт округлил глаза, а потом вдруг оглушительно расхохотался.

— Ой, не могу... Я все время забываю, что ты ничегошеньки не знаешь!

Василиса почувствовала, что ее лицо опять краснеет, густо заливаясь румянцем. В гневе она отодвинула хохочущего братца и зашагала в сторону библиотеки; Норт не препятствовал.

В библиотеке было тихо. Василиса прислушалась: кажется, никто за ней не увязался.

И тогда из-за шкафа вышел Эрик.

— Василиса, мне надо тебе кое-что рассказать... — начал он без предисловий. — Дело в том, что я... вернее, ты. Ух... На вот, возьми для начала.

На ладони Эрика сверкнул маленький золотой предмет, тут же перекочивавший в ладонь ошеломленной Василисы. При ближайшем рассмотрении вещь оказалась крохотными песочными часами — не больше обычного кулона. За стеклом корпуса блестели золотые песчинки.

Василиса повертела в руках странные часы.

— Они что, золотые? Зачем они мне?

— Да, золотые... — Эрик скривился, будто раздумывая, как получше объяснить. — Это непростые часы.

— Да знаю я, песочные. А почему песок в середине заполнен доверху? Как он будет высыпаться?

— Нет, я не о том. Они волшебные. Подуй на них и потри ободок, когда тебе будет грозить опасность.

— Не смешно, — зло сказала Василиса и попыталась вернуть часы, но Эрик отскочил как ужаленный:

— Ты не понимаешь! Тебя хотят убить!

— Ты с ума сошел... — Василиса озадаченно посмотрела на брата: кажется, тот действительно был напуган.

— Я слышал, что Елена заберет тебя, если ты окажешься часовщицей. Ну, если тебе удастся пройти испытание на часовую степень...

— Да кто такие эти часовщики?! — воскликнула Василиса.

Но Эрик не спешил с ответом.

— Давай сначала о часах...

— Ну ладно, давай, — согласилась Василиса, про себя гадая, что же братья такое задумали.

— Часы откроют временной коридор, на другом конце которого будет один человек... У него ты сможешь попросить помощи. Я советую тебе испытать часы до обряда часового посвящения, потому как после него может быть поздно.

— А теперь расскажи мне о часовщиках... — Василиса попыталась вернуть разговор к интересовавшей ее теме.

— О посвящении отец просил не рассказы-ы-ва-ать... — протянул в ужасе Эрик и осекся. Рот его стал похож на большую букву «о».

— Так это отец попросил тебя отдать мне часы, да?!

— Нет! — выкрикнул Эрик с какой-то тоской в голосе. — Еще до твоего приезда он собрал нас и строго-настрого запретил с тобой общаться и хоть что-либо рассказывать об Эфларе...

— Об Эфларе! — ахнула Василиса. — Пожалуйста, расскажи мне о ней... знаешь, наверное, я была уже там.

— Не обманывай, это невозможно. — Эрик кисло усмехнулся. — Не пытайся меня подловить. На Эфлару можно попасть через любой часовой механизм, но только лишь специально перекрутив стрелки. Ты-то уж точно не смогла бы совершить переход... А сейчас, прошу тебя, поверь мне: поднимись в комнату и испытай эти часики.

У Василисы было свое мнение насчет Эфлары, но она рассудила, что не стоит посвящать Эрика в подробности вчерашних приключений. Лучше уж сама разберется.

— Не буду я испытывать эти ча-а-сики, — передразнила она. — Если ты мне ничего не расскажешь.

— Слушай, это твое дело! — внезапно рассердился Эрик. — Я вообще не обязан тебе что-либо говорить!

— Тогда почему говоришь?

— Ну, — Эрик смутился, — просто...

— Это Норт тебя подослал, — уверенно заявила Василиса и, сощурившись, добавила: — Передай, что ничего у него не выйдет.

— Как знаешь, — окончательно разозлился Эрик. Лицо его побагровело, глаза превратились в обидные щелочки. — Если тебя уничтожат, будешь сама в этом виновата!

— Кому понадобилось меня уничтожать? — гневно спросила Василиса. — Я никогда никому плохого не делала. Ну, разве что совсем чуть-чуть... — Она вспомнила фиолетовый синяк у Норта под глазом.

— Ты умеешь часовать, я видел, — тихо сказал Эрик. — И между прочим, я не рассказывал об этом отцу.

— Я не умею часовать... — возразила Василиса.

— Я видел часовой флер вокруг тебя, — перебил Эрик. — Целую кучу чисел!

Девочка смутилась.

— Ну, если ты о тех циферках... Они появились как-то сами... Может, это у многих бывает?

Честно говоря, Василиса сама была не прочь узнать побольше об этом «флере».

— Если у тебя будет выше степень, чем у Норта, — вдруг выпалил Эрик, — или даже такая же... тебя сразу убьют, чтобы ты не стала наследницей. Существует закон: старший сын является первым наследником, но если у девочки часовая степень выше... Марк рассказывал Норту, что наш отец никогда не согласится на твое посвящение и надеется, что ты — фейра. Но если ты не фейра...

Эрик перевел дыхание.

— Что за фейра такая? — Василиса вспомнила, что уже слышала это слово от Елены.

— Фейра — бездарная, то есть без часового дара рожденная. Рожденная человеком и... Слушай, — всполошился Эрик, — я не должен тебе много рассказывать! Меня могут сильно наказать. — Он поежился.

— Ладно.

Василиса решила, что надо действовать осторожно: может, тогда она разберется, где же тут подвох. Поэтому она сказала:

— Ты говоришь, что девочка не может быть наследницей, но ведь, кроме меня, есть Дейла!

С минуту они молча смотрели друг на друга.

— О Дейле разговор не шел, — пожал плечами Эрик, отводя глаза.

— Может, этот Марк просто пошутил?

— Таким не шутят.

— С чего бы это Марку меня убивать? — Разговор все больше раздражал Василису. Кажется, Эрик затянул с розыгрышем.

— Не Марку, — еле слышно произнес Эрик. — А... слушай, верь мне и все.

— Ну-ну. Тебя тоже убьют, если твоя степень будет выше?

Эрик вновь отвел глаза.

— У меня нет способностей, — очень тихо сказал он. Так тихо, что Василиса еле расслышала. — После посвящения я все забуду.

— Да что это за дурацкое посвящение?! — не выдержала Василиса. — Что оно означает?

— Слушай, хватит меня расспрашивать! — вдруг взорвался Эрик. — Я не должен был тебе ничего рассказывать! Какое мне вообще до тебя дело... Оставь меня в покое!

Брат развернулся и побежал прочь. Хлопнула дверь.

У Василисы глаза полезли на лоб: что это с ним? Сейчас он больше всего походил на ненормального: говорил какой-то бред, угрожал убийством...

Василиса с опозданием подумала, что стоило еще поспрашивать брата, например о Елене и этом Марке.

Неожиданно дверь вновь открылась, пропуская Эрика обратно.

— Спрячь часы! — Эрик скривился, как от зубной боли. — Скорее!

Только Василиса сунула золотые часики в задний карман джинсов, как дверь распахнулась под мощным ударом, Эрик отлетел к шкафам, распластавшись на полу.

На пороге нарисовался Норт.

— Ничего ему не говори! — выкрикнул Эрик, приподнимаясь на локтях.

Взгляд Норты не предвещал ничего хорошего.

— Что за секреты, а? — прошипел он. — Эрик, ты что, забыл, что нам говорил отец?

— Ничего я не забыл!

Норт подступил к Василисе:

— О чем он тебе рассказал?! — И размахнулся изо всех сил, намереваясь ударить ее.

Но Василиса успела первой и нанесла, практически бессознательно, короткий и точный удар в Нортovo правое ухо.

Брат пошатнулся и побледнел. Но его глаза опасно сузились.

— Тебе конец, — процедил он, вновь замахиваясь.

И тут Эрик набросился на Норту сзади, обхватив за плечи; они покатались по полу. Эрик, на миг оказавшись сверху, принялся яростно колотить брата кулаками.

— Вот тебе за все! Я тебя ненавижу!!! Не-на-вижу!

— Отпусти, идиот... — хрипел Норт, пытаясь вырваться.

— Я тебя ненавижу, ненавижу отца... вас всех ненавижу! — У Эрика из глаз покатались слезы и потекли ручьями по щекам.

Онемев от изумления, Василиса решительно не знала, что ей предпринять. К счастью, на шум прибежала госпожа Азалия, а за ней — господин Эрн. Последний и разнял, не без усилия, дерущихся братьев.

— Придурок! — кричал разъяренный Норт, пробуя вырваться из стальных клещей, в которые заключил его грозный шофер. — Ты все ей выболтал! Бездарный!

— Неправда! — вскричал Эрик, плача навзрыд. — Мы совсем не о том говорили...

Няня обменялась с господином Эрном тревожным взглядом.

— О чем же вы говорили, Эрик? — вкрадчиво спросила она, подступая к младшему брату. — Что ты ей рассказал?

— Ничего он мне не рассказывал, — хмурясь, заверила Василиса. Кажется, здесь действительно происходит что-то серьезное.

— Эрик? — Няня пропустила ее реплику мимо ушей.

— Ни о чем не говорили, — ответил тот, внезапно успокоившись. — Я просто хотел поцеловать ее.

Воцарилась изумленная тишина.

У Василисы отвисла челюсть. Норт тоже выглядел ошарашенным.

— Да врет все... — заявил он, но уже не так уверенно.

Первой опомнилась госпожа Азалия, она резко шагнула к девочке, схватила ее за ухо и повела вон из библиотеки.

От удивления Василиса даже не сопротивлялась и позволила довести себя в таком положении до самой комнаты.

Раскрыв одной рукой двери, госпожа Азалия отпустила наконец Василисино ухо, не забыв подтолкнуть девочку в спину. После чего ушла, так и не произнеся ни слова.

Оставшись одна, Василиса решила разобраться с мыслями, успокоиться, взять себя в руки.

Поведение Эрика ошарашило ее. И не само заявление о дурацком поцелуе. На девочку куда большее впечатление произвело то, с какой ненавистью Эрик колотил Норта, кричал на него... А она-то думала, что младший во всем слушается старшего брата.

Загадки семьи окружили Василису плотным кольцом, и ни одна из них не хотела разъясняться.

Поэтому девочка вытащила на свет золотые часики — пожалуй, единственный, имеющийся у нее ключ к семейным секретам.

Ничего страшного не случится, если она подует на них и потрет стекло...

Крохотные часики легко выпрыгнули из рук и завертелись в воздухе, словно висели на невидимой ниточке. Вращение убыстрялось, сливаясь в одно сплошное золотое кольцо. Кольцо начало расширяться, пока не превратилось в сверкающий солнечный обруч. В середине его неожиданно засеребрился легкий дымок, словно запотело стекло в окне, и вдруг проявилось четкое изображение: смуглое лицо какого-то пацана.

Василиса не сдержалась и ахнула. Мальчишка озабоченно хмурил лоб, чесал затылок, стриженный ежиком, и глядел куда-то вниз. И вдруг он поднял взгляд: глаза у него оказались большие, темно-карие.

— Привет, мальчик! — радостно ляпнула Василиса и сразу же покраснела. Ну надо же так сказать!

— Привет, девочка! — Мальчишка широко улыбнулся. — Ты хочешь сделать заказ моему отцу? Часолист сломался, да?

— Э-э, а кто твой отец?

Темные брови мальчика сложились домиком.

— Мой отец — Константин Лазарев, — произнес он после некоторых раздумий. — Часовых дел мастер. Самый лучший.

— Часовщик?

— Да нет же. — Мальчишка все больше удивлялся. — Он просто... мастер. Делает всякие часовые штучки. А еще он советник. А меня зовут Ник. Ник Лазарев. А ты кто такая?

— Василиса... Огнева.

— Какая еще Огнева?

Василиса пожала плечами.

— Просто Огнева.

— Ты где живешь? — Мальчик озадаченно потер лоб и глянул вниз. — Мой инерциоид не может определить, где ты находишься.

— Да здесь живу, на... — И тут Василису осенила догадка: — Послушай, а твоя страна как называется?

— Какая-такая страна? Есть долины и города. Например, я живу в Астрограде — лучшем городе на целой Эфларе. Мой дом находится в Ратуше... над тем самым Лазорем. — Мальчишка гордо выпрямился.

Василиса вздохнула: опять что-то новое и непонятное.

— Так ты говоришь, что с той самой Эфлары? — уточнила она.

— Из Астрограда, — поправил мальчик, все более удивляясь. — А твой отец кто? Кем работает?

— Не знаю...

— Как это?

Василиса подумала, что действительно странно выглядит — не знать, кем работает твой собственный отец.

— Понимаешь, я не знаю, — произнесла она расстроенно. — Сегодня у нас посвящение на часы, э-э, ну, то есть...

— Часовую степень? — Глаза у мальчика расширились. — Так ты можешь стать часовщиком?! Ну, то есть часовщицей. Значит, ты из знаменитой, благородной семьи, и я должен был про тебя слышать.

— Думаешь? — удивилась Василиса.

— Ого... — Кажется, мальчик с той стороны нажимал некие кнопки, ибо плечи его двигались. — Я проследил твой путь... Так ты живешь на Остале! У меня первый раз связь с Осталой! Надо Фэшу рассказать, вот удивится... Раньше это было почти невозможно, но теперь, когда расстояние между мирами уменьшается... это просто здорово! — Ник явно был счастлив.

Василиса, однако, не разделяла его радужного настроения. Она так ничего и не узнала толком.

В ту же минуту в коридоре послышались чьи-то неторопливые шаги. Кажется, сюда кто-то направлялся.

Шаги замерли у самой двери. Василиса прислушалась... Тихо.

— Ты знаешь, я не уверена... — прошептала она Нику, опасливо оглядываясь, — но вроде мне угрожает серьезная опасность.

— Так вроде или действительно угрожает? — Ник выглядел заинтересованным.

— Мне так сказал один... друг. И вручил эти часики. Пожалуй, мне надо сбежать отсюда... Ты можешь мне в этом помочь?

— У тебя очень сильная связь, — неуверенно сказал Ник. — В общем-то, я могу перетащить тебя ко мне... если тебе действительно угрожает опасность. Я дам тебе часовой пароль. Только отцу это совсем не понравится.

— Давай быстрее, — поторопила Василиса. — Ко мне идут, и я не знаю, получится ли у меня опять выйти на связь.

— Запоминай, — решил Ник и продекламировал:

— Тридцать три
Ступени в небо,
Вверх смотри,
Где раньше не был.

Василиса несколько раз повторила про себя. Стишок был легким и быстро запомнился.

— А потом мысленно считаешь от тридцати трех до нуля, понятно?

Василиса кивнула: понятно. Хотя и странно.

— Только, чтобы переместиться, надо быть на открытой местности, а еще лучше — на возвышении...

— Слушай, а как это вообще — перемещаться, а?

— Да просто, — удивился Ник. — Ты какой транспорт обычно используешь?

— Я?!

— Ну не я же, — резонно заметил Ник. — Твои часики кто изготовил? Если они протягивают такие серьезные коридоры между Эфларой и Осталой, тут явно работал сильный мастер.

— Не знаю я, — расстроилась Василиса. Разговаривая с Ником, она одновременно пыталась слушать, что происходит в коридоре, но посторонних звуков больше не было.

— Как это, используешь такие сильные вещи и ничего не знаешь? — Удивление Ника сменилось подозрительностью. — Так кто же ты такая?

За дверью опять зашуршали. Василиса замерла и прислушалась.

— И как зовут твоего отца? — напомнил о себе Ник. — Это он дал тебе такой сильный механизм?

Ручка двери начала медленно поворачиваться; Василиса схватилась за края обруча, пытаясь скрыть его; «экран» зашипел, озадаченное лицо Ника мигом исчезло. Не прошло и

двух секунд, как в руке у девочки вновь оказались теплые песочные часики, и она мигом спрятала их в карман.

Оказывается, уединение Василисы нарушила госпожа Азалия.

— Иди за мной, — приказала она, и девочке не осталось ничего другого, как последовать за ней. — Будь на виду, — заявила няня, когда они очутились во дворе. — Садись на лавку, под яблонями. И ни на шаг в сторону!

— Можно мне хотя бы книгу, пожалуйста, — попросила Василиса, и няня, как ни странно, кивнула в знак согласия.

Как только няня удалилась, Василиса уныло оглядела «место заключения». Яблони давно расцвели — тонкие ветки с белыми цветами красиво наклонялись над лавочкой, как будто стремились заключить в объятия и спрятать сей укромный уголок от чужих глаз.

Вернулась няня, вручив Василисе потрепанную книгу — «Занимательная физика». Кисло поблагодарив, Василиса раскрыла наугад страницу и начала читать первое, что попало, — как ни странно, это была биография Исаака Ньютона.

«Эх, — рассеянно подумала она, — вот упало бы мне на голову яблоко, может, я сразу бы поняла, что происходит. А надо мной одни цветки...»

Василиса видела, как на полянке Норт с братьями играют в футбол. Эрик выглядел обычно: что-то весело кричал Норту, когда пасовал ему, покрикивал на толстяка Ноеля, красного и громко пыхтевшего. Как будто Эрик и не дрался только что с братом, не кричал: «Я вас всех ненавижу!»

У Дейлы тоже было серьезное занятие: она ловила бабочек и отрывала им крылышки. Иногда она искоса поглядывала на Василису но подходить, к счастью, не решалась. Господин Эрн сидел на крыльце, курил с задумчивым видом и в этот раз по-настоящему читал газету.

Василиса пыталась изобразить, что поглощена чтением физики. Но мысли то и дело возвращались к мальчику Нику, часикам и загадочному стиху-пароллю, который девочка иногда повторяла, на всякий случай.

Норту надоело играть в футбол. Бросив мяч далеко в кусты, он переключился на более интересное, на его взгляд, занятие: начал кидаться в Василису комьями влажной грязи, взятой с клумбы. Дейла, Эрик и Ноель присоединились к нему, и вскоре вокруг лавочки засвистели опасные земляные шарики. Когда особенно большой комок грязи попал прямо в учебник, которым Василиса прикрывала лицо, она не сдержалась. Отлепив комок от обложки, Василиса послала ответный удар и попала Дейле в глаз, хотя, в общем-то, целилась в Норта, но последний успел пригнуться.

Вот тогда вмешалась госпожа Азалия и увела двойняшек, а вместе с ними и Эрика с Ноелем куда-то в дом.

Василиса подозревала, что на обед, и это окончательно подтвердилось, когда через минут сорок вышли Норт, довольно поглаживающий себя по животу, и Ноель, громко отрыгивающий.

Когда небесную синь наконец-то приглушили вечерние краски и ленивое майское солнце подошло к самому краю горизонта, Василисе до чертиков наскучило сидеть на лавке. Эх, если бы не господин Эрн, которому почему-то не надоело крыльцо, газета и сигары.

И вот когда почти стемнело, Василиса услышала радостный писк Дейлы:

— Отец приехал!

Девочка тут же вострепнулась. Меньше всего на свете она хотела бы попасться на глаза Нортону-старшему. Пока все радостно кинулись к воротам, чтобы встретить отца, и даже господин Эрн покинул свой пост, Василиса незаметно проскользнула в дом. Она намеревалась добраться до комнаты и сделать вид, что уже спит.

По пути она не удержалась и заглянула на кухню. И вот чудо! На столе возвышалась огромная ваза свежее испеченного глазированного печенья. А рядом никого не было.

Соблазн был слишком велик!

Быстро оглянувшись, Василиса набрала полные руки печенья и пулей понеслась к

лестнице, ведущей на второй этаж.

Но пробраться незамеченной ей не удалось. Окрик Нортон-старшего застиг ее на середине лестницы:

— Василиса!!!

От неожиданности девочка споткнулась и выронила все печенье. Оно весело поскакало по ступенькам, прямо к ногам озадаченного отца.

Воцарилось гнетущее молчание.

Василиса так и стояла на лестнице, а снизу на нее взидала вся семья. Нортон-старший нахмурился, лицо няни стало розовым, и лишь Норт с остальными детьми радостно ухмылялись, предвкушая интересное зрелище.

— О боже! Она стащила печенье! — наконец нарушила тишину госпожа Азалия.

Василиса промолчала, чувствуя, что лицо предательски меняется, приобретая помидорный оттенок.

— Что еще можно ожидать от фейры?.. — раздался вкрадчивый низкий голос. — Малодушные, слабовольные создания.

Василиса подняла голову и чуть не свалилась с лестницы, встретившись глазами с Еленой.

Женщина была одета в зеленое бархатное платье, длинное и пышное, и такого же цвета изящную широкополую шляпу с белым пером. Рядом с ней стоял улыбающийся Марк. На нем были простые джинсы и вязаный голубой свитер, и потому его одежда как-то резко контрастировала с чопорным нарядом Елены.

— Вороватые и бесхарактерные существа эти фейры, — подхватил реплику Елены Марк и осклабился.

— Я думаю, — медленно произнес Нортон-старший, — что не стоит портить такой важный вечер из-за глупого поступка... Всем в гостиную! — обратился он к детям.

Те, немного разочарованные, повиновались. Василиса осталась стоять на лестнице.

— Все в гостиную! — повторил отец, глядя на Василису.

На секунду глаза их встретились, и девочке захотелось стать очень и очень маленькой, чтобы спрятаться от холодного отцовского взгляда куда-нибудь подальше.

— Азалия, — обратился к няне Нортон-старший, — все готово?

— Да, господин, — подобострастно прошелестел нянин голос. — Все убрано соответственно случаю, камин давно растоплен, сундучок на столе...

— Прекрасно, Азалия, вы можете идти, — кивнул Огнев. — Елена, пройдите с Марком в гостиную, я буду через миг...

Елена легко кивнула и, больше не обращая на Василису внимания, пошла по коридору. Марк послушно последовал за ней.

Василиса осталась с отцом наедине.

— Что ты наделала? — тихо произнес отец и шагнул к лестнице. — Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

— Я сейчас все уберу. — Василиса быстро спустилась вниз и собралась уже подбирать раскиданное по всему полу печенье, как вдруг отец грубо схватил ее за руку.

— Я не об этом дурацком печенье, — прошипел он ей в ухо. — Я знаю, что кто-то лазит там, где не следует!

— Я не понимаю, о чем вы говорите... — Василиса старалась высвободиться, но отец сам резко отпустил ее, и девочка еле смогла удержаться на ногах.

— Не понимаешь... — Нортон-старший продолжал сверлить Василису взглядом. — Ты вчера вечером была в библиотеке?

— Нет, не была... — Девочка низко опустила голову.

— Дейла мне сказала, что хотела спросить тебя о чем-то, но не смогла найти.

— Я была в саду. — Василиса старалась выглядеть честно. — Мне не хотелось разговаривать ни с кем... тем более с Дейлой.

Отец хмыкнул.

— Не жалуют тебя сестра с братьями, да? — Он насмешливо скривился. — Норт говорил, что и в школе у тебя нет друзей... Ты плохо уживаешься с людьми, что неудивительно.

— Может, это из-за того, что родной отец подает им плохой пример? — выпалила Василиса.

Она в страхе закусил губу.

Взгляд отца потемнел.

— Ты слишком любопытная... задаешь глупые вопросы. — Он снова скривился. — Я последний раз спрашиваю, как ты пробралась в тайный ход? А особенно — как смогла выбраться обратно?

— Я ничего не знаю... — При упоминании о тайном ходе сердце Василисы учащенно забилось. — Я гуляла в саду, честное слово...

— Ты не могла быть снаружи! — взорвался вдруг Нортон-старший. — На двери охранный эфер, и ни один... — Он осекся.

У Василисы округлились глаза:

— Что на двери?

— Ничего. — Отец хмуро взглянул на нее. Внезапно лицо его посветлело. — Узнаешь?

И отец сунул ей в руки... маленькую заколку-гребень с синим цветком.

У Василисы все поплыло перед глазами: она поняла, что забыла заколку перед зеркальной дверью.

— Ну! — Глаза отца торжествующе блеснули. — Что теперь?

Василиса решила тянуть до последнего.

— Спасибо, — сказала она убитым голосом, — и где же она была?

Некоторое время отец с дочерью молча смотрели друг на друга. Внезапно Нортон-старший резко шагнул к Василисе и, больно захватив прядь ее волос, заколот их гребнем.

— Хорошо. — Он задумчиво оглядел дочь. — Сейчас и так все прояснится... Что с тобой?

Василиса изо всех сил старалась задержать катившиеся из глаз градины.

— Неужели это слезы? — холодно спросил Нортон-старший и вдруг присел перед ней на колени. Глаза его насмешливо сузились.

Неожиданно отец ласковым жестом взял ее руки в свои. Его ладони были холодные как лед, и Василису озноб пробрал по спине. Ей стало по-настоящему страшно.

— Так жалко себя, да? — Голос отца прозвучал вкрадчиво, даже издевательски. — Вокруг незнакомые люди, говорят странные вещи... И конечно, надо во всем разобраться, проследить, подслушать, подсмотреть.

При этих словах губы у Василисы предательски задрожали.

— Ужасный отец, — продолжил Нортон-старший, — а еще эта Елена... она кажется тебе сумасшедшей? А ведь ты ей не нравишься. Очень не нравишься... Может, она даже хочет убить тебя. Почему ты вздрагиваешь? Тебя это страшит?

— Да, страшит... — тихо произнесла Василиса. — Мне всего двенадцать, и меня это страшит...

— Тебе уже тринадцать, — равнодушно поправил отец. — Что поделать, настали смутные времена, многие из нас не доживают и до этого возраста... — Отец хмыкнул. — Кто знает, может, твои неприятности только начинаются. Так что бояться пока рано... Рано.

Василиса громко всхлипнула. По сути, она ведь действительно была тринадцатилетней девчонкой, и слова отца сильно встревожили ее.

— Отпустите меня, — неожиданно попросила она. — Я не хочу находиться здесь. Я уйду.

Нортон-старший прищурился.

— И куда, позвошь спросить?

Василиса неопределенно пожала плечами, думая, что Лешка поможет ей первое время устроиться, переночевать где-нибудь, а потом... Лишь бы выбраться отсюда.

— Я не могу тебя отпустить, — скучающим голосом произнес Нортон-старший. — Видишь ли, как только ты выйдешь за ворота, тебя сразу же убьют.

— Почему? — изумилась Василиса. — Я никому ничего плохого...

— Разве для того, чтобы кто-то желал твоей смерти, обязательно сделать что-то плохое? Знала бы ты, — задумчиво добавил он, — как ты нам всем мешаешь...

— И моя мама тоже мешала? — внезапно обозлилась Василиса. — Что с ней случилось? Она тоже умерла?

Отец замер. Василисе вдруг показалось, что он впервые заглянул ей прямо в глаза.

Воцарилось молчание. Стало так тихо, что Василиса слышала, как бешено стучит ее сердце.

— Твоя мать... О да, она еще больше мечтала бы избавиться от тебя, чем я. — Отец улыбнулся как ни в чем не бывало. Но в черных зрачках его глаз заблестели злые огоньки. — К счастью, — добавил он, — она умерла вскоре после твоего рождения. Сразу после того, как сбежала. Но успела подкинуть твою маленькую душу под дверь.

— Иногда мне кажется, — вдруг произнесла Василиса, — что она... Мама не умерла.

Возникла пауза.

— В этом случае для тебя было бы лучше обратное.

Василиса дернула головой, но сдержалась. Да, такого ответа она не ожидала.

— Сегодня ты пройдешь испытание на часовую степень, — продолжал Нортон-старший. — И я бы хотел, чтобы ты оказалась просто фейрой, не способной к часодействию... Но если у тебя проскользнет хотя бы вторая степень... Значит, такова твоя судьба.

И отец вновь усмехнулся. После чего встал во весь рост и заложил руки за спину.

Василиса внезапно успокоилась.

— Странно, — она поглядела отцу прямо в глаза, — что Марта Михайловна попала в больницу тогда, когда ты захотел обо мне вспомнить.

Она и не заметила, как перешла в разговоре с отцом на «ты».

— Ничего странного, — заверил Нортон-старший. Его взгляд устремился вдаль, куда-то мимо Василисы. — Простой расчет. Тому, кто знает секреты времени, легко управлять чужой судьбой.

— И своей? — вырвалось у Василисы. Она даже удивилась, что так сказала.

Светло-серые глаза с широкими темными зрачками опять сфокусировались на ее лице.

— И твоей.

Василиса неожиданно громко икнула.

— Вспоминают, — произнес Нортон-старший без тени улыбки на лице. — Попрошу в гостиную. И быстро, пока я действительно не разозлился.

Василиса мотнула головой и прошмыгнула в коридор, прилегающий к гостиной. Отец бесшумно последовал за ней.

ГЛАВА 4 ЧАСОВОЕ ЗЕЛЬЕ

В гостиной царила тишина, лишь весело потрескивал камин да тикали изящные часы-домик на стене. Василиса с удивлением оглядывалась: от вчерашнего праздника не осталось и следа. Мало того, комната вновь уменьшилась до привычных размеров, а если точнее — стала раз в десять меньше, чем на балу. Неужели дело только в зеркалах? Но куда же делись огромные хрустальные люстры со свечами?

Теперь здесь находился все тот же диван, накрытый синим плюшевым покрывалом, три больших кресла возле самого камина и кофейный столик в углу. На полу между ними была расстелена бурая медвежья шкура с темными подпалинами. А ведь вчера в этой зале танцевало несколько десятков пар...

Василисе очень хотелось поподробнее расспросить, как такое возможно, но она не решилась. Казалось, воздух уплотнился от витавшего в комнате напряжения.

Елена сидела в кресле, аккуратно расправив складки изумрудного платья. Марк восседал рядом на трехногой табуретке. Сложив руки на груди, он со скучающим видом рассматривал единственный канделябр на потолке.

Напротив этой парочки разместились на диване все дети. Они выглядели необычно притихшими. Госпожи Азалии и господина Эрна не было: вероятно, прислугу не пустили на столь торжественное мероприятие.

Но в комнате присутствовал еще один человек. Он расположился возле самого камина в углу, за креслом Елены и, кажется, дремал. Одет незнакомец был странновато: в серый потрепанный плащ-накидку и чудную шляпу с широкими полями, на три четверти скрывавшую лицо.

На появление Василисы никто особенно не отреагировал, только Норт ехидно прищурился, заметив ее подпухшее лицо. На диване оставалось свободное место, рядом с Ноелем. Девочка хотела присесть рядом, но младший брат широко расставил руки, занимая все свободное пространство. Это удалось ему без труда, ведь он был весьма крупным мальчиком. Все остальные захихикали, и даже Елена слегка улыбнулась. Человек в шляпе не шевельнулся.

Василиса, стиснув зубы от злости, просто встала рядом. Честно говоря, она уже еле держалась на ногах: волнения этого дня давали о себе знать, кроме того, ужасно хотелось есть. Но она не могла не заметить, что Эрик вел себя более чем странно: что-то шептал Норту, подобострастно заглядывая ему в глаза, будто и не дрался с ним утром в библиотеке. Создавалось впечатление, будто сцена утренней драки начисто вылетела у него из головы.

Вошел Нортон-старший. Не говоря ни слова, он кивнул человеку в шляпе, который даже чуть привстал в знак приветствия. После отец шепнул что-то Елене, и она сердито качнула головой. Нортон-старший еще что-то тихо добавил, а затем, облокотившись на спинку ее кресла, обратился к детям.

— Наступил важный вечер, — начал он. — Вечер, который изменит вашу жизнь... Будем надеяться, что к лучшему. После сегодняшнего дня Эфлара наконец-то откроется для нас. После долгих двенадцати лет... Господин Мандигор! — Нортон-старший указал на человека в углу. Тот слегка приподнялся и кивнул собравшимся. — Господин Мандигор засвидетельствует результаты посвящения официально. Помимо этого, сегодня окончательно прояснится право наследия.

— Наследником должен быть Норт, — вмешалась Елена. — Я уверена, что часы лишь подтвердят это.

— А если нет? — произнес Норт дрожащим голосом. Кажется, он сильно нервничал.

Все взгляды обратились к отцу, дети ожидали дальнейших его слов. Василиса, которой надоело стоять, незаметно присела на диванный валик.

Нортон-старший улыбнулся:

— Не бойся, Норт... Я уверен, что ты покажешь блестящий результат. Вы уже знаете, что в нашем роду, из поколения в поколение, передается некая сила, — продолжил отец. — Особая, удивительная. Обладать ею — редкое счастье, удел избранных... Бывает, что эта сила проявляет себя раньше, до испытания. Поэтому, согласно традиции, я должен спросить, не было ли у вас необычайных проявлений? При вспышке радости или гнева — неяркое свечение, россыпь искр, а может, нечто похожее на огненные цифры? — Он медленно обвел детей взглядом.

Василису вопрос застал врасплох, потому что она плохо слушала, все еще переживая недавний разговор с отцом.

— У меня такое было, — внезапно сказал Норт, — сегодня. После того... м-м-м... В общем, я немного разозлился, мои ладони вдруг стали очень горячими и как полыхнули фиолетовым огнем! Честно говоря, я... даже немного испугался.

Нортон-старший обменялся с Еленой быстрым взглядом. Лицо женщины осветилось радостной улыбкой. Марк присвистнул, за что получил от госпожи Мортиновой строгий взгляд. Человек в кресле одобрительно крикнул.

Странно... Уж не после драки ли Норта «озарило»? И что значит, интересно, этот фиолетовый огонь? Само собой, Василиса не задала вопрос вслух, хотя ей тоже захотелось рассказать о своих мерцающих ладонях и цифрах, окрещенных Эриком часовым флером, чтобы стереть с лица Норта самодовольную улыбку.

— Больше никто не испытал столь радостного знамения? — Нортон-старший обвел детей взглядом и остановился на Василисе.

— В моей жизни никогда не было радостных знамений, — ответила ему Василиса. — Особенно в последние месяцы.

Ничего она не будет рассказывать.

Елена скривилась и вопросительно глянула на старшего Огнева: мол, не много ли позволяет себе дочурка?

— Ну что ж... — Отец отвел взгляд, обошел кресло Елены и приблизился к столику. — Тогда начнем испытание...

Только теперь Василиса заметила, что на маленьком столике возле камина стоит объемистый черный сундучок на четырех изогнутых ножках, с красивой резной крышкой. Отец нажал на крышку, и она открылась с легким щелчком. В середине, на мягком яркосинем бархате, лежала большая пузатая бутылка из темного стекла и несколько серебряных кубков.

«Мы что, будем пить вино?» — подумала про себя Василиса. Остальные дети также обменялись недоуменными взглядами.

Отец вынимал кубки один за другим и раздавал детям. Свой кубок Василиса получила в последнюю очередь. Он оказался тяжелым и теплым, словно нагрелся на солнце. По краю шел причудливый узор из самоцветных камней. Василиса первый раз видела такую красивую драгоценную вещь.

— Но папа, — пропищала Дейла, — что нам надо делать?

— Вам предстоит выпить напиток. — Отец указал на бутылку. — Все очень просто.

Василиса тоже решила задать вопрос:

— А если у нас не окажется этой силы?

Елена гневно поджала губы, метнув на Огнева молниеносный взгляд. Однако Нортон-старший ответил:

— Если у кого-то из вас не окажется ни капли этой силы, он просто заснет... И никогда не вспомнит о сегодняшнем вечере. С этого момента пути наши могут разойтись. — Отец вновь взглянул на Василису. — Но не будем о грустном, — продолжил он, вновь светлея лицом. — Пришло время открыть семейное часовое зелье.

Василиса украдкой посмотрела на остальных: Норт побледнел и чуть не трясся от волнения, по лицу Дейлы блуждала глупая улыбка. Эрик, наоборот, стал каким-то хмурым, и только Ноель пытался скрыть зевок — похоже, бедняга уже спал.

Отец вытащил пробку.

В гостиной прошелестел изумленный вздох: из горлышка бутылки поднялось легкое золотистое облачко и тут же развеялось по комнате, усеяв воздух бледно-желтыми мерцающими искрами. Нортон-старший слегка дунул на них, и они закружились в хороводе, образуя сверкающее кольцо. И вот, когда у Василисы от чудного мельтешения порядком зарябило в глазах, движение искр остановилось.

Перед изумленными детьми прямо в воздухе зависли огромные золотые часы с прозрачным циферблатом и тонкими черными изогнутыми стрелками. Цифры, обозначающие время, были арабские; они переливались черным и золотым, словно маленькие извивающиеся змейки, и оттого казалось, что часы дышат и пульсируют, словно живые.

— Подойди сюда!

Василиса обернулась на голос отца. Нортон-старший смотрел именно на нее. В руках он держал бутылку с зельем.

Василиса встала и медленно двинулась через комнату, не сводя глаз с бутылки. Что за

напиток скрывается в этой мрачной посудине? А если... если ее сейчас просто отравят?! Девочка тряхнула головой, пытаясь отогнать дурацкие мысли. Конечно, никто не будет ее травить, все будет хорошо... Во всяком случае, она очень на это надеялась.

— Норт! — внезапно выкрикнула Елена, резко выпрямившись в кресле. — Первым должен идти твой старший сын! — выпалила она, задыхаясь от возмущения. — Согласно традиции, по старшинству...

— Все правильно, Елена. — Нортон-старший криво усмехнулся. — Я стал забывать обычаи. И я не сомневаюсь — Норт проявит себя более чем достойно. Норт! Подойди, пожалуйста, сюда.

Норт-младший не заставил себя упрашивать, он тут же вскочил с дивана и быстро подошел к столику, оттолкнув при этом Василису локтем.

Отец наполнил его кубок густой темной жидкостью из бутылки. Казалось, из горлышка вылился вязкий черный сироп.

У Норта так задрожали руки, что он чуть не расплескал свой напиток.

— Не бойся, пей. — Нортон-старший осторожно придвинул кубок сыну.

Василиса, потирая плечо, тихонько отошла назад, к дивану. На нее никто не обращал внимания, все смотрели на Норта. Промелькнула мысль: а что, если она сейчас незаметно выберется из комнаты, не будет участвовать в этом странном испытании... Возможно, ей удастся убежать. Василиса даже сделала несколько аккуратных шажков к двери, но тут встретила взгляд Марка. Он насмешливо улыбнулся и кивнул головой на остальных детей: возвращайся, мол, никуда тебе не деться.

Нахмурившись, Василиса вернулась к дивану и уселась возле Ноеля. Тот не препятствовал, всецело поглощенный испытанием. Норт так и стоял возле часов и ничего с ним не происходило.

Воцарилось напряженное ожидание.

Вскоре Василисе надоело затянувшееся молчание, и она закрыла глаза. Интересно, подумалось ей, как из этой маленькой бутылки выплыли такие огромные часы? И как они могут держаться в воздухе? И еще, как же все-таки гостиния смогла увеличиться на время праздника, а потом обратно уменьшиться? Вокруг происходило столько необыкновенных вещей, но никто не удивлялся этому! Здесь, в отцовском доме, все было как-то не так, необычно. Здесь царил совершенно другой мир, и девочка все больше ощущала его волшебное влияние.

Внезапно раздался тонкий, скулящий звук. Василиса очнулась от своих мыслей и открыла глаза.

Ее взору предстало удивительное зрелище: Норт стоял на коленях, скрючившись в три погибели, и протяжно завывал, словно брошенная собака. Дейла, Эрик и Ноель не сводили с него испуганных глаз. Елена подалась вперед, крепко вцепившись пальцами в подлокотники кресла. Марк прищурился, уголки его губ поползли вверх.

Нортон-старший покачал головой.

— Кажется, доза велика... — пробормотал он. Неожиданно Огнев рывком поставил сына на ноги и повернул лицом к прозрачному циферблату.

И вот чудо: стрелки дернулись и медленно завращались по кругу, пока длинная стрелка не остановилась на двенадцати, а короткая толстая... Стрелка подползла, будто нехотя, к черно-золотой цифре девять и замерла.

Воздух разорвали громкие аплодисменты. Это Елена и Марк захлопали в ладоши.

— Первая степень! — победно воскликнула Елена. — Норт — наследник по праву! — Ее лицо просто лучилось счастьем.

Нортон-старший также позволил себе гордую, радостную улыбку.

— Лучше, чем я мог предположить. Но действие напитка плохо сказалось на нем... Кажется, у него есть аллергия, непереносимость эфирного напитка. Азалия! — Нортон-старший обернулся к дверям.

В проеме тут же возникла фигура няни, словно она только и ждала, когда ее позовут.

— Азалия, отведи Норта в его комнату, пускай теперь отдохнет...

Няня кинулась к Норту и осторожно приподняла его за плечи. Выглядел братец очень плохо: его лицо посерело, даже синяк, казалось, стал бледнее. Таким образом, еле передвигаясь, они с няней вышли из комнаты. Подождав, пока за ними закроется дверь, отец поманил рукой Эрика. Тот, весь дрожа от страха, подошел к столику и протянул свой кубок. Василиса заметила, что отец налил ему очень мало, на самое доньшко.

Эрик медленно выпил свою порцию. Он опустил кубок, почмокал губами, расплылся в глупой улыбке и вдруг осел на пол, повалившись на бок. Нортон-старший метнулся к нему и тут же остановился — Эрик крепко спал. Мало того, он начал слегка похрапывать. Отец бережно перенес его обратно на диван.

— Ну, тут без сюрпризов, — сказал Нортон-старший. — К сожалению, наш Эрик не обладает ни каплей часодейного дара... Ноель! Твоя очередь!

Ноель повторил подвиг брата. Теперь они лежали рядышком на диване и храпели в унисон. Вернулась госпожа Азалия, увидела спящих, и лицо ее приняло расстроенное выражение, но Василисе показалось, что во взгляде няни промелькнуло и некое довольство.

Тем временем Дейла тоже получила свое зелье. Василиса с интересом наблюдала за ней: сестрица пила маленькими глоточками, испуганно поглядывая на отца.

Кубок со стуком упал на пол. Дейла схватилась за живот, лицо ее как-то странно позеленело, и она медленно осела на пол. Нортон-старший бережно приподнял дочь за плечи и развернул к часам.

Прошла долгая мучительная минута. Наконец толстая стрелка вздрогнула и понеслась по кругу, наращивая скорость... Первый круг, второй, третий...

Шестой. Короткая стрелка замерла на цифре шесть.

— Вторая степень, а может, и больше... Воистину неожиданно и очень похвально. — Нортон-старший выпрямился. — Азалия! Позаботься о Дейле, кажется, ее сейчас стошнит...

Дейла и впрямь выглядела неважно. Няня обхватила ее за плечи и осторожно вывела из комнаты.

Василиса осталась на диване одна, если не считать мирно посапывающих рядом братьев.

Нортон-старший неторопливо повернулся к Василисе. Глаза их встретились.

— Кубок! — приказал он.

Василиса медленно подошла. Ее рука чуть дрожала, когда она протягивала отцу кубок. Нортон-старший наполнил его до краев:

— Пей!

Елена неестественно выпрямилась, чуть подавшись вперед: голубые глаза опасно блестели. Марк хрустнул пальцами, выдавая немалый интерес к происходящему.

— А... это не слишком много? — спросила Василиса с опаской. Жидкость мрачно плескалась в кубке; кажется, отец налил ей раза в два больше, чем остальным.

— Не бойся. — Нортон-старший насмешливо скривился. — Часовым зельем нельзя отравиться.

Василиса поглядела на жидкость и внезапно осознала, что не хочет это пить. Ее охватило странное, волнительное чувство: казалось, выпей она это — жизнь неотвратимо изменится.

ВСЕ БУДЕТ ПО-ДРУГОМУ.

— Не буду пить! — И Василиса опустила кубок.

— Пей! — неожиданно рявкнула Елена. — Иначе я сама залью это зелье в твою глотку!

— Не буду! — зло выкрикнула Василиса и разжала пальцы. Но кубок не упал — он просто завис в воздухе, из него не вылилось ни капли зелья.

— Спасибо, Марк, — произнес Нортон-старший.

Марк кивнул, устало встряхивая кистями, как будто он только что играл на пианино.

— Ты будешь наказана за непослушание, после... — сказал Нортон-старший и добавил, обратившись к Елене: — Я попрошу вас с Марком выйти... Хочу поговорить с дочерью

наедине. Господин Мандигор, конечно, остается.

Елена явно хотела возразить, но передумала.

— Хорошо, — произнесла она ледяным тоном, кивнула Марку и, прошуршав бархатным подолом, скрылась за дверью. Марк, заинтересованно оглядываясь, вышел следом.

— Если ты не выпьешь зелье, — спокойно произнес Нортон-старший, — я не дам за твою жизнь и гроша. Каждый ребенок в нашей семье проходит испытание на часовую степень. Таков закон.

— Я не из вашей семьи! — выпалила Василиса. — Я ничего не понимаю, все вокруг говорят загадками, угрожают... Мне здесь не рады! Поэтому я хочу знать, почему ты вдруг решил вспомнить обо мне? Зачем? — Василиса от волнения опять перешла на «ты».

— Прекрати истерику, — посоветовал Нортон-старший, усаживаясь в кресло, где только что сидела Елена. — Если бы ты не была членом нашей семьи, то не присутствовала бы на посвящении. И не забывай, у тебя моя фамилия... Я не мог воспитывать тебя здесь, со своими детьми, чтобы уберечь. Можно даже сказать, что я спас тебя.

— Здесь что-то не так, — сказала Василиса, но уже не так уверенно.

— Если ты выпьешь наконец зелье, все будет хорошо... Ты мне веришь?

Василиса взглянула на отца: да, ей бы хотелось ему верить. Но теперь она больше доверяла словам Эрика.

— Я хочу знать, что будет со мной дальше, — произнесла Василиса. — Что будет, если я тоже буду иметь какую-то там степень.

— Позвольте, я расскажу об этом, — неожиданно вмешался человек в шляпе.

— Сделайте одолжение, Мандигор, — кивнул Огнев, устало откидываясь на спинку кресла.

Господин Мандигор снял шляпу в свете канделябра сверкнула лысина.

«Так вот почему он носит шляпу», — невольно подумала Василиса.

— Маленькая леди, вы принадлежите к очень известной и знаменитой семье, — начал этот лысый благожелательным тоном. — Я наслышан об истории вашего рождения и уверен, когда придет время, ваш отец посвятит вас в подробности... Поверьте, многие эфларцы мечтали бы родиться в семье часовщика, чтобы иметь возможность пройти испытание на часовую степень.

— Кто такие часовщики? — мигом спросила Василиса. — И что за эфларцы?

— Часовщики — это те, кому посчастливилось родиться с даром, — терпеливо пояснил Мандигор. — Даром, мгновенно вводящим человека в сонм избранных. Часовщикам поклоняются все люди: ремесленники и крестьяне, торговцы и даже воины... А также все без исключения эферные существа — существа, созданные мыслью часовщика... Все они обязаны служить часовщику, потому как он — избранный Временем. Высший.

— И еще, если у тебя окажется часовая степень, — вмешался отец, — ты сможешь наконец увидеть Эфлару.

— Да-да, — подхватил Мандигор, — только часовщик может совершить переход по часовому мосту, лестнице или зеркальному пути... Простой человек может переместиться между мирами только с посторонней часовой помощью.

Отец не сводил с Василисы пристального взгляда. Лицо у нее опять начало заливаться предательской краской. Сердце бешено застучало, пытаясь выпрыгнуть из груди.

ОНА УЖЕ БЫЛА НА ЧАСОВОМ МОСТУ.

— Что опять с тобой? — вкрадчиво спросил отец.

— Я не хочу на Эфлару, — ответила Василиса, чувствуя, что лицо ее пылает. — Я хочу уйти отсюда. Хочу в школу, к друзьям, просто ходить на гимнастику, поехать в летний лагерь... Мне не нужна ваша Эфлара!

— К сожалению, теперь это уже невозможно.

Повисла напряженная пауза.

— Первый раз вижу такое нежелание обрести часовую степень! — Мандигор не терял

искренней надежды образумить Василису. — Если у тебя будет хотя бы третья, девочка моя, ты сможешь учиться в Школе светлых часов, пройти двенадцать эфирных кругов, стать великой часовщицей! Правда, каждый может, в силу личных причин, отказаться от испытания и просто заснуть — навсегда забыть о часодействе.

— Как Эрик и Ноель? — тут же спросила Василиса. — Я тоже так хочу.

Нортон-старший недовольно поморщился, кинув на Мандигора убийственный взгляд. Тот смутился и отступил к камину.

— Я всего лишь представитель Радосвета, — смиренно пробормотал Мандигор. — Решайте сами.

— Конечно, ты можешь, как сообщил почтенный Мандигор, отказаться от испытания. Но тогда я буду вынужден направить тебя в специальный приют до выявления твоих способностей. Думаю, госпожа Мортинова согласится лично заняться твоей судьбой.

Василиса почувствовала себя совершенно несчастной. Нет, только не Елена... Отец верно рассчитал: что угодно, лишь бы не оказаться во власти этой ужасной женщины.

— Хорошо, я выпью это кошмарное зелье, — угрюмо сообщила Василиса.

Мандигор облегченно вздохнул, а отец кивнул, скрестив руки на груди.

Василиса взглянула на прозрачные часы, схватила продолжавший висеть в воздухе кубок и в несколько глотков осушила его. Как ни странно, напиток оказался тягучим и ароматным, похожим на сироп, но не сладкий.

— Сделано! — подвел итог довольный Мандигор.

Нортон-старший прищурился.

— Как ты себя чувствуешь? — Лицо отца осветила злорадная улыбка.

Василиса прислушивалась к внутренним ощущениям. Жидкость приятно разлилась по телу, тепло заструилось по венам... словно каждая клеточка наполнялась дивным, радостным светом.

— Поразительные свойства у этого напитка, — внезапно произнес Нортон-старший, не сводя с Василисы внимательного взгляда. — Знаешь, как оно называлось раньше? До того как стало известно, что часовое зелье максимально точно определяет часовую степень? Эликсир правды. Он позволит рассказать все, что знаешь. Раскрыть все секреты, самые глубокие твои тайны... Он сможет распахнуть створки наипотаеннейших уголков сознания, выявить любую правду или обнаружить ложь... Где ты была вчера вечером?

Василиса хотела промолчать, но слова как будто сами полезли наружу:

— В библиотеке... — Она в ужасе зажала руками рот, но это не помогло. — Я прошла по мосту с часами и попала в зеркальный коридор...

Нортон-старший вскочил с кресла. Глаза его яростно сузились.

— Дальше?

— Я видела и слышала... — Василиса отчаянно боролась с собой. — Слышала, как Астрагор...

— Достаточно! — оборвал Нортон-старший.

— Нортон, — удивленно произнес Мандигор. — Не значит ли это, что девочка сама шла по часовому мосту и...

— Перешла на Эфлару и слышала слова Астрагора, — закончил Нортон-старший. — И еще много того, что может выдать нас с головой. Например, твое имя, уважаемый Мандигор.

— Необходимо стереть ей память, — заволновался Мандигор, опасливо косясь на Василису. — Если Астариус узнает об этом, ему не составит труда залезть в сознание твоей дочери...

— Еще долго нельзя применять эферы к испытуемому, ты забыл, Мандигор? Но можешь не беспокоиться об этом, моя дочь не скоро переступит порог дома...

Нортон-старший подошел к Василисе и, схватив за плечи, с такой силой подтолкнул к часам, что она чуть не ударилась лбом о прозрачный циферблат.

— Ну, какие еще сюрпризы ты нам приготовила? — услышала Василиса, но голос отца шел издалека, будто через толстый слой ваты.

Начало происходить нечто странное: часы и вся мебель в комнате принялись подпрыгивать, будто собрались танцевать.

— Чудно, — прошелестел тихий голос Нортон-старшего, — стрелка не двигается с места... Неужели Елена оказалась права?

Василиса промолчала. Честно говоря, ей стало совсем худо... Мебель заплясала вокруг в неистовом танце, а ее саму начала бить крупная дрожь: затрясло, словно в лихорадке. Мало того, Василиса и сама начала подпрыгивать, словно ее тормозили и дергали вверх сотни детских ручек. Отец пораженно наблюдал за ней. У Мандигора отвисла челюсть.

Раз! Сильный рывок, и пол ушел из-под ног. «Я падаю!» — мелькнула мысль в голове Василисы. Она еще успела увидеть, как толстая часовая стрелка вздрогнула и понеслась по кругу с бешеной скоростью.

Василиса неторопливо перекрутилась вокруг себя, словно делала сальто, но как в замедленной съемке, и вдруг осознала, что висит в воздухе.

«Ого!» — только и успела подумать она, как ее пронзила сильная, резкая боль в спине, будто что-то хрустнуло в позвоночнике. От боли у Василисы потемнело в глазах, и она рухнула вниз.

Василиса лежала на полу и не могла даже пошевелиться. Ой, как голова болит... Она чувствовала, как ее переворачивают на спину, и совершила огромное усилие, чтобы чуть приоткрыть глаза: в смутном тумане предстало хмурое лицо отца и счастливое — Мандигора.

— Поздравляю, Нортон, — потрясенно произнес последний, — две стрелки стоят на двенадцати. Двенадцать кругов! Теперь у Астариуса не будет возражений против твоей кандидатуры... Твоя дочь имеет высшую степень, и по закону ты можешь войти в Радосвет без голосования! Возможно ли было представить, что так повезет?

— Конечно, ей это не понравится, — задумчиво произнес отец. — Да, действительно вышел сюрприз.

— Кому не понравится? — удивился Мандигор. — Для нашего Ордена большая честь открыть такую одаренную часовщицу, пусть и... э-э...

— Все не так просто, Мандигор. Но думаю, тебе пора сообщить об испытании Радосвету.

— Да, да, с превеликой радостью...

Послышался звук открываемой двери, прошуршала ткань платья.

— Она спит! — радостно воскликнула Елена.

— Нет, она не спит.

Раздался жуткий, полный ярости вопль: кажется, Елена увидела, где находятся стрелки. Больше Василиса ничего не услышала, потому что потеряла сознание.

ГЛАВА 5 ПЕРЕХОД

Василиса открыла глаза. Мерцал на тумбочке огонек свечи, отражаясь на потолке тусклыми причудливыми бликами. Сразу же вспомнился сон: красочный, отчетливый. Будто сидит Василиса в стеклянном шаре, а вокруг — тысячи разноцветных бабочек, и все они стремятся пробиться к ней через тонкую оболочку. Множество быстрых, порхающих крыльев: черных, белых, красных...

Что сегодня... Воскресенье? Ой, почему так болит все тело? И откуда здесь свеча?

Мысли путались и вертелись, словно бабочки из сна.

Василиса приподнялась на локте и осторожно свесила с кровати одну ногу.

Послышался тихий смех.

Тени в углу зашевелились, и перед изумленной девочкой предстали те, кого она меньше всего желала видеть: Норт и Дейла.

— Куда это собралась, сестричка? — осведомился Норт, придвигая два стула к ее

кровати. Они с Дейлой сразу же уселись на них и уставились на Василису.

— Что вы здесь делаете? — Василиса вновь укрывшись одеялом по самые глаза.

Видимо, ее голос отразил разочарование, потому как Норт усмехнулся:

— Что, не рада нас видеть?

— Чего забыли здесь? — Василису немного знобило, а вид двух ухмыляющихся рож тем более не приносил облегчения.

— Мы вот переживаем за тебя, беспокоимся, — пропищала Дейла, рассматривая свои ногти. — А ты грубишь...

— Уходите!

— Мы не можем, — произнес Норт с ухмылочкой. — Отец велел присмотреть за тобой. Он почему-то решил, что ты попытаешься сбежать.

Сердце Василисы упало куда-то вниз. События вчерашнего испытания ярко вспыхнули в памяти. Елена и Марк, Мандигор, часы в воздухе, высшая степень... Ник.

— Выглядишь ты неважно, — посочувствовал Норт, внимательно наблюдавший за ней. — Бледная такая...

— А где отец? — перебила его Василиса.

— Его нет, — ответила Дейла, — он уехал еще утром. А госпожа Мортинова здесь, в комнате для гостей. И Марк остался. — Дейла мечтательно закатила глаза. — Такой красавчик...

Норт хмыкнул, снисходительно покосившись на сестру.

— Ха, со второй степенью тебе до него не добраться. — Он показал ей язык. — Марк — часовщик Высшего Круга, как и я.

Дейла нахмурилась. А Норт внезапно пододвинулся к Василисе ближе.

— Послушай, — вкрадчиво начал он, — может, расскажешь... как прошло твоё испытание?

Сразу стало понятно, что брат с сестрой давно желали задать этот вопрос: глаза их пристально изучали Василисино лицо, будто они решили загипнотизировать ее.

Василиса молчала, раздумывая, стоит ли рассказывать им о подробностях вчерашнего посвящения.

— Ну, так что же было? — не выдержал Норт. — Может, тебя стошнило, как Дейлу?

— Или ты скулила, как щенок? — отпаривала та.

Некоторое время двойняшки в ярости смотрели друг на друга, а потом одновременно обернулись к Василисе.

— Ну... — нехотя начала та, несколько встревоженная выражением их лиц, — я взлетела...

— Что? — разинула рот Дейла.

— Как это? — Норт вытаращил глаза. — Не может быть!

— Не может, — согласилась Василиса. Она вдруг пожалела, что сказала об этом.

— Какая у тебя степень? — продолжил допрос Норт, подозрительно смерив Василису взглядом.

— Ну... — медлила Василиса, — я потеряла сознание и не помню...

— А я знаю, какая у тебя степень, — неожиданно произнесла Дейла. Ее круглое личико скривилось, как будто она съела что-то кислое. — Первая, да?

Василиса оторопела:

— Почему ты так думаешь?

— А вот у меня только вторая...

Норт нахмурился. Василиса злорадно наблюдала за ним. Но про то, что у нее высшая степень, решила не говорить: кто знает, как отреагирует Норт на такое известие.

Дейла отвернулась к окну.

— Отец сказал, — начала она, — что любая степень позволит быть часовщиком... Главное — у нас есть часодейный дар, в отличие от Эрика и Ноеля. Но это несправедливо! — вдруг перебила она саму себя и резко повернулась к Василисе: — Почему это у тебя первая

степень?! Ты же тупая, ничего не знаешь и вообще рыжая!

Ее глаза горели ненавистью.

— Значит, не такая тупая, — усмехнулась Василиса. — Кроме того, должно быть и у меня что-то лучшее...

Она подумала, как же они надоели ей за все это время. И как хорошо было бы обсудить удивительные события с Лешкой — ее единственным настоящим другом... Или даже с тем мальчиком, Ником.

Василиса замерла: как же она сразу не подумала? Вот кто поможет ей во всем разобраться! Надо попробовать опять задействовать удивительные часики... Она расскажет все этому Нику и по-настоящему попросит помощи.

— Вы не устали? — мягко спросила Василиса. — Я хочу отдохнуть, может, поспать...

— Никуда мы не уйдем — и не мечтай! — Норт грубо толкнул ее в плечо. — Отец приказал нам стеречь тебя, пока он не придет, и никуда не выпускать...

Норт откинулся на спинку стула и провел рукой по волосам, словно раздумывая над чем-то.

Василиса заметила, как на его правом запястье блеснул золотой браслет. Присмотревшись, она увидела на браслете черный циферблат с серебряными стрелками и цифрами.

— Откуда у тебя это? — удивилась она.

— Это знак Школы темночасов, — напыщенно произнес Норт. — Я буду там учиться.

— А-а-а...

— Отец вручил мне утром. И точно такой же браслет есть у Марка... В Школе темных часов учатся мальчишки, а девчонки — в Школе светлых часов. Часовой браслет сразу же дарится тем, у кого первая степень, но вообще-то есть у всех учеников.

«Да, часики очень красивые... — невольно подумала Василиса. — Интересно, мне такие дадут?»

— Вот Дейле, ха-ха, придется начинать со второго Круга... — вел дальше Норт. — Не повезло, а? Пстой, а где же твой часовой браслет?

Василиса хлопнула глазами.

— А ну, покажи руки, — тут же потребовал Норт.

Василиса нехотя вытянула руки из-под одеяла: само собой, на ее запястьях не было никаких браслетов. Зато у нее были часики, которые лежали сейчас в заднем кармане джинсов, аккуратно повешенных на спинку кровати. И до которых ну никак было не добраться. Вот если бы испробовать их... Возможно, она смогла бы убежать!

— Ты наврала! — торжествующе воскликнул Норт, присаживаясь к ней на кровать и отрезая единственный путь к джинсам. — У тебя нет часодейного знака! А значит — и степени.

— Нет, она не врет, — неожиданно вмешалась Дейла. Она тоже подошла и села по другую сторону от сестры.

Слева был Норт, настроенный более чем агрессивно, справа — нахмуренная Дейла, и Василисе ничего не оставалось, как поплотнее закутаться в одеяло и вжаться поглубже в стену.

— Сегодня утром я слышала, как отец громко ссорился с Еленой... — Дейла поджала губы. — Они говорили о том, кто должен унаследовать земли отца. Что посвящение перевернуло все с ног на голову. Елена доказывала отцу, что именно ты должен стать наследником несмотря ни на что.

— Я и есть наследник! — уверенно сказал Норт. — Я старший сын, и у меня первая степень... Ох, не может быть...

Лицо Норты посерело.

— Она тоже претендует на... — Норт так люто взглянул на Василису, что ее лихорадка усилилась.

— Елена доказывала отцу, что он должен освободиться от этой. — Дейла кивнула в

сторону Василисы. — Просила, чтобы он отдал ей право распоряжаться судьбой фейры — так она ее все время называла. Но отец страшно разозлился! Я его таким никогда не видела... Он сказал, что благодаря этой сможет оказаться в парламенте безо всяких хитростей. А еще — благодаря тайному плану избавиться от Лазарева.

— От Лазарева? — вырвалось у Василисы.

Дейла недоуменно прищурилась.

— Да... Ты знаешь, кто это?

— Нет, я ничего не знаю, — спохватившись, Василиса замотала головой. — Просто фамилия странная...

— Чего же в ней странного? — пожала плечами Дейла. — Это твое имя ненормальное. Наверное, тебя так называли, потому что живешь на Остале, — здесь многие с чудными именами.

— Так вы тоже здесь живете! — Василиса сделала особое ударение на слове «здесь».

— Нет. — Глаза у Дейлы блеснули. — Мы живем на Эфларе.

— Как это?

— Сегодня, после посвящения, мы навсегда переместимся на Эфлару, — сказал Норт. — В замок Черновод, принадлежащий нашему отцу... Наконец-то мы сможем нормально летать в школу и не тратить столько времени на перемещения. А Эрик и Ноель останутся жить здесь, с Азалией и Эрном. И будут считать себя их детьми. Мы больше никогда не встретимся с ними. Я рад, что Эрик наконец-то перестанет меня доставать! — Лицо Норта осветилось злорадной улыбкой.

— Как так? — Василиса недоуменно воззрилась на брата. — Ведь они же ваши братья! Наши, — поправила она. — Разве семья не должна жить вместе?

— Нет, они — остальные, поэтому должны жить в своем мире. А мы — другие, и будем жить на Эфларе. В нашей семье остаются только высшие эфларцы. Часовщики.

— Но это ведь так ужасно!

У Василисы округлились глаза. Ей, когда-то мечтавшей хотя бы об одном брате или сестричке (конечно, не о таких!), казалось невероятным, что из-за каких-то там способностей семья должна навеки разделиться.

— А Эфлара... она далеко? — решила спросить Василиса.

Норт презрительно хмыкнул.

— Ты что, совсем ничего не знаешь? — удивилась Дейла. — Что тебе отец рассказывал?

— Ничего.

— Я уверен, ты знаешь больше, чем показываешь. — Глаза у Норта опасно сощурились. — Например, тебя не удивляет собственная первая степень... А ведь это действительно очень круто! Это значит, что ты стоишь на Высшем Круге!

И Василиса не удержалась.

— А если степень высшая, это какой круг? — спросила она.

— Это большая редкость, — снисходительно усмехнулся Норт. — Высшая степень бывает только у фей, лютов или людей-полудухов, а у часовщиков она встречается крайне редко... Говорили, что у высших крылья сами растут, представляешь? — обратился Норт поверх Василисиной головы к Дейле. — Будто они сразу же после посвящения могут летать...

— Я знаю, что у Елены — высшая степень, — благоговейно сообщила Дейла. — Говорят, она самая сильная часовщица в мире.

— Как и отец... У него ведь тоже высшая. Потому они такие важные и могущественные. У них — настоящие, всамделишные крылья.

— Какие еще крылья?!

Норт с Дейлой обернулись к Василисе.

— Послушай... — медленно произнес Норт, — а часолист тебе выдал?

Василисе показалось, что она уже слышала это слово.

— А что это?

Норт присвистнул.

— Если тебе не выдали часолист, я опять начинаю сомневаться, — подозрительно произнес он. — У тебя первая степень и...

— Слушай, обойдусь я без всяких часолистов, — перебила его Василиса. — Мне это не интересно.

— Сначала посмотри, а потом уже говори тут, — возразил Норт.

Он вдруг резко взмахнул правой рукой. Золотой браслет змейкой перетек ему в ладонь и с легким звоном выпрямился, превратившись в острую стрелу с кружком-циферблатом на конце.

— Это часовая стрела, — гордо произнес Норт. — Без нее часовщику никуда... Конечно, я пока не умею так быстро ее выхватывать из браслета, как Марк, но скоро научусь. В основном она помогает работать со Временем, но и как оружие годится.

Василиса завороченно уставилась на золотую стрелу в руке брата. Ей вдруг очень захотелось обладать такой же: наверное, это все-таки интересно — быть часовщиком.

— И почему у меня только вторая степень! — с завистью воскликнула Дейла, не сводя жадного взгляда с удивительной стрелы. — Ничего, мне подарят серебряный браслет... — пробормотала она и грустно вздохнула.

— Сейчас я вызову свой часолист, — продолжал Норт, гордо выпрямившись. — Смотрите!

Часовая стрела в его руке описала круг, тут же вспыхнувший золотым кольцом. Из него, словно из отверстия люка, выплыла тонкая черная книга с торчащей из-за плотных страниц закладкой-шнурком с золотой кисточкой. Норт бережно взял книгу в руки и поставил на колени, повернув к себе таким образом, словно собирался смотреть детскую книжку-театр, то есть торцом от себя.

На обложке красовался яркий золотой обод циферблата с тонкими золотыми цифрами и одной стрелкой — по всей видимости, часовой.

Норт приложил свою стрелу на место минутной. Обе стрелки вздрогнули и заворачивались, книга раскрылась.

Василиса сильно вытянула шею, стремясь получше разглядеть, что же там такое. Но на страницах книги клубился серый туман.

— Вообще-то я пока не знаю, что и как тут делать, — нехотя признался Норт. — Но скоро наверстаю...

Внезапно туман на верхней странице сгустился и какой-то голос прокаркал:

— Вам письмо от Маркуса Ляхтича... Желаете принять?

— Желаю! — Норт важно кивнул.

Из тумана выплыл свиток бумаги и развернулся перед ним.

— Что там такое? — Дейла заглянула через плечо брата.

— Марк допытывается, все ли у нас в порядке и зачем я вызвал часолист... — Норт порозовел.

Дейла тут же захихикала:

— Ха-ха, у кого-то появился личный воспитатель!

— Заткнись, — процедил Норт и расстроено захлопнул часолист.

Книга тут же растворилась в воздухе, а стрела обвилась вокруг запястья Норта, вновь превратившись в браслет.

— Марк помогает мне подготовиться к Часовому Кругу, поняла? — накинулся Норт на Дейлу. — Он знает такие вещи, которые и многим взрослым часовщикам не снились. Недаром он стал лучшим учеником Школы темночасов и завоевал право носить ЗлатоКлюч.

— Еще неизвестно, будешь ли ты сам участвовать в Часовом Круге! — Дейла показала брату язык.

— Отец сказал, что все уладит, и я буду владеть каким-то Ключом, ясно?!

И вдруг Норт замер.

— Отец запретил ей что-либо рассказывать, помнишь? — резко произнес он, тыча в Василису пальцем.

— Угу, — со страхом согласилась Дейла. — Но может, теперь все изменилось? Раз у нее первая степень? Знаешь, отец даже защищал рыжую перед Еленой. А та требовала вспомнить о какой-то клятве.

— А еще что? — жадно спросил Норт. — Они говорили что-то про меня?

— Да... — Дейла неуверенно глянула на брата. — Но тебе это не понравится.

— И что это? — медленно произнес Норт.

Василиса лихорадочно соображала. До двери каких-то три метра... Если она оттолкнет Норта... Но у нее совсем нет сил!

— Елена сказала странные слова: «Раз Марк стал ключником, то Норт, как наследник, просто обязан стать ключником, а фейра должна исчезнуть». А отец ответил: «Не беспокойся, я отлично понимаю, что Василиса наступает брату на горло своей степенью».

— И что? — Лицо Норта перекосилось от бешенства.

— Что он не позволит решать за себя никому, даже Елене... Все.

Воцарилось молчание. Василиса чувствовала, как бешено стучит сердце, как пульсирует кровь в висках. Она ввязалась в странную игру, где правила были ей неизвестны. И главное — она совсем не хотела играть в нее.

— А может, ты нам не сестра, — произнесла вдруг Дейла. — Меня всегда удивляло, почему отец так плохо относится к тебе?

Но «играть», как видно, придется.

— Я очень хочу в туалет, — произнесла Василиса как можно жалобнее.

— Врешь! — Дейла прищурилась.

— Если вы должны караулить меня, — смиренно ответила Василиса, — сходишь со мной и посторожишь возле дверей.

— Отец сказал, что, если рыжая захочет выйти по какому-либо поводу, надо позвать Марка. — Норт был непреклонен.

— Ну, это уже слишком, — возмутилась Василиса. — Я просто хочу в туалет!

— Нет, я должен его позвать, ясно? — Норт крутанул часовой циферблат на браслете, словно колесико, — раздался тихий гудок.

— Все, он уже в курсе, — довольно сообщил Норт. — Классная штука этот браслет!

«Значит, браслет работает еще как быстрое средство связи? Здорово!...»

Но теперь Василисе придется действовать куда быстрее.

— Раз главный надзиратель уже идет, не могли бы вы оставить меня одну, чтобы я могла переодеться? — Василиса старалась говорить как можно невиннее. — Две минутки, а? Времени было в обрез. Если Норт с Дейлой хоть что-то заподозрят — план рухнет.

— Одна минута, — равнодушно бросил Норт, думая о чем-то своем. Он соскочил с кровати и первым вышел в коридор.

Дейла вяло кивнула и поплелась следом.

Василиса прислушалась.

Тихо.

Рывком скинув одеяло, она быстро натянула джинсы и сразу же проверила содержимое заднего кармана: часики были на месте. Тогда она прошла к окну и тихонечко потянула на себя защелку.

За окномплыли сиреневые сумерки, зажигались первые звезды. Странно, а ведь Василиса думала, что сейчас утро. Оказывается, она проспала почти целые сутки...

Девочка попыталась открыть окно как можно тише: осторожно потянула на себя оконную раму, но петли предательски скрипнули. Тогда она рывком распахнула окно и вскочила на подоконник. Внизу никого не было.

Шум слышали; дверь открылась, пропуская встревоженного Норта. Но Василиса уже никуда не смотрела: сильно размахнувшись, она прыгнула и, уцепившись за толстую ветку дуба, подтянулась на руках. Небольшая заминка, чтобы сохранить равновесие, — и девочка

полезла наверх.

— Она убежала! — ахнула Дейла.

— Тише, — цыкнул на нее Норт. — Никуда она не денется... Она же на дереве.

В проеме окна нарисовались сразу три головы.

— И куда ты собралась бежать? — ехидно спросил старший брат. Говорил он шепотом. Наверное, боялся, что раскроют бегство Василисы. — Вокруг — ограда, тебе не пробраться за нее.

«Посмотрим», — злорадно подумала Василиса и достала часики.

— Слазь немедленно! — Норт чуть повысил голос. — Если узнают, что ты пыталась сбежать, тебе несдобровать.

— Вам тоже, — отозвалась Василиса. Честно говоря, она не решалась воспользоваться часиками: ей вдруг стало страшно. Кто знает, что будет после того, как она произнесет стишок-пароль?

— Ты что там делаешь? — спросил Норт рассерженным шепотом. — А ну слезай!

— Мне кажется, она правильно делает, что убегает, — неожиданно произнес Марк. Говорил он тихо, но четко. — Я бы на ее месте сделал то же самое.

— Почему это? — не удержавшись, спросила Василиса сверху.

— Потому что ты всем мешаешь, — охотно пояснил Марк. — Рассказать?

— Ну, расскажи.

У Василисы возникло стойкое ощущение, что Марк ведет какую-то свою игру, словно говорит по заранее продуманному сценарию. Он уверенно вовлек Василису в разговор, зная, на что «давить». Было похоже на то, что Марк собирался заговаривать ей зубы. С этим мальчишкой надо быть настороже. На всякий случай Василиса залезла повыше, держась за самые тоненькие и опасные верхние ветки.

— Ты мешаешь Норту стать наследником — это раз, — неторопливо начал Марк. — Ты мешаешь Елене приблизиться к Огневу — это два.

— Как это? — не поняла Василиса.

— Так это! — Марк насмешливо хмыкнул. — Ни для кого не секрет, что Елена влюблена в твоего отца... Возможно, они скоро заключат не только политический союз. Но она никогда не согласится на такую дочь, как ты. А в-третьих, ты мешаешь своему же отцу.

— Почему мешаю?

— А чего это я должен тебе рассказывать? — вкрадчиво проговорил Марк. — Сама спроси у отца. Или у тех, к кому собираешься.

— Что? — Василиса крепко сжала часики в руке. Она пыталась разглядеть лицо Марка, но в темноте оно едва белело невыразительным пятном.

И тогда она услышала едва уловимый шелест: какой-то человек бесшумно полз по стволу дуба, цепляясь за ветки, словно настоящая обезьяна.

— Скорее! — поторопили внизу. — Сними ее, Кардаш!

Василиса с замиранием сердца узнала голос Елены. Пока Марк развлекал беглянку разговорами, снизу подоспела помощь.

Но Василиса знала, что делать. Она с силой потерла стекло. Часики вспыхнули ярким золотистым светом, и девочка выкрикнула:

— Тридцать три
Ступени в небо,
Вверх смотри,
Где раньше не был.

Голоса внизу смолкли. Прошла секунда-другая, но ничего не происходило.

— Вот уж не знал, что ты любишь читать глупые стишки, — издевательски произнес Марк.

Но Василиса не слушала его: она напряженно вглядывалась в безликое ночное небо.

— Послушай, а ты не боишься? — не отставал Марк. — Кто знает, что свалится тебе

сейчас на голову?

— Я ничего не боюсь, — ответила ему Василиса.

Она уже считала мысленно от тридцати трех до нуля — необходимое условие для перемещения, сообщенное ей мальчиком Ником.

И вдруг небесный свод перечеркнула огненная полоса, за ней другая, третья, четвертая... Полоски возникали ниоткуда, ярко вспыхивали прямоугольными гранями и ложились параллельно друг к другу. Казалось, будто проступает, горя пламенем, доселе невидимая винтовая лестница... Ступеньки продолжали загораться одна за другой, из-за чего казалось, будто это гигантская огненная спираль собирается ввинтиться в нашу бедную землю.

Внезапно кто-то крепко схватил Василису за ногу — захваченная удивительным зрелищем, она совсем забыла о преследователе.

— Не уйдешь! — хрипло выкрикнул человек, борясь с одышкой.

Снизу раздались торжествующие вопли.

Висок обдавало приятным теплом, огненная лестница завертелась прямо у вершины дерева. Последняя ступенька зависла на уровне глаз Василисы.

— На тебе! — Девочка, изловчившись, двинула преследователя свободной ногой по голове.

От неожиданности он, чертыхаясь, полетел вниз, и только на нижних ветках ему удалось кое-как зацепиться. Убедившись, что этот человек не сильно пострадал, Василиса поднялась еще выше. Веточки были совсем уж тонкими и опасно дрожали под ней, пламенная ступенька нетерпеливо вздрагивала и искрилась. Василиса все никак не отваживалась поставить на нее ногу.

— Скорей, она хочет переместиться! — зло вскрикнула Елена.

Человек опять полез наверх.

И Василиса решилась. Оттолкнувшись от ветки, она сделала небывалый прыжок прямо в огонь.

«Я же сейчас сгорю!» — мелькнула страшная мысль.

Но этот огонь не обжигал. Казалось, Василиса очутилась на теплом коврикe, немного нагревшемся на солнце. Едва она коснулась огненных ступенек, как лестница-спираль изогнулась, словно исполинская змея, и заскользила вверх, прорываясь к звездному небу. В ушах засвистел ветер — лестница набирала скорость, и Василиса зажмурилась, не в силах вынести множества красок, нахлынувших на нее отовсюду, — вокруг плясали в быстром хороводе звезды, исполняя бешеные танцы, тугие воздушные струи со свистом проникали в уши, заставляя дрожать барабанные перепонки, и били по лицу с неистовой силой, не давая дышать.

«Когда же это кончится?!» — подумала Василиса, отчаянно цепляясь за гладкие теплые ступеньки. Ее дико мотало в разные стороны, но свалиться она не могла: каждый раз огненный край изгибался, не давая соскользнуть в бездну. И вот, когда Василиса поняла, что больше не выдержит такой пытки, сумасшедшее путешествие прекратилось.

Не осталось ни звука, ни движения.

Одна лишь пустота.

ГЛАВА 6 ЭФЛАРА

Василиса приоткрыла глаза и повернула голову. Она лежала на теплом и мягком слепяще-белом песке. А перед ней, куда ни глянь, простиралась бескрайняя водная гладь. Выплюнув изо рта немалое количество этого самого белого песка, Василиса кое-как поднялась на ноги.

— Ну вот, — расстроено произнесла она, оглядываясь.

Волны лениво облизывали берег, оставляя на песке причудливые пенистые узоры.

Алый солнечный кружок только-только выглядывал из-за горизонта, окрашивая море в серебристо-розовый цвет.

В том, что это было море, Василиса не сомневалась. Много раз она видела его на картинках в книгах. Вид огромного бесконечного пространства поражал великими размерами. Нахлынуло новое, дикое ощущение — чувство полной свободы. Где-то далеко остались страхи, тревоги и неприятности, все казалось мелким и незначительным здесь, на берегу моря.

Солнце, красуясь, поднялось выше, освещая не только море, но и неизвестные горы вдали. Василиса решила просто пойти вдоль берега, она выйдет к какому-нибудь человеческому жилью и там разузнает, что же с ней приключилось и куда она попала.

Неожиданно Василиса заметила, что далеко-далеко, почти у линии горизонта, быстро движется яркая светящаяся точка. Она приближалась с бешеной скоростью, перерастая во что-то белое и сверкающее, похожее на... коня?

Да, это был конь. С развевающейся серебряной гривой, мчащийся во весь опор прямо на нее. Он быстро приближался, и вскоре Василиса смогла различить на лбу прекрасного животного тонкий, как кинжал, витой серебристый рог. Что за чудный зверь?!

Между тем удивительный конь приблизился и застыл как вкопанный всего лишь в нескольких шагах от Василисы. Девочка замерла на месте, боясь пошевелиться. А конь вдруг склонил ноги в изящном поклоне, как будто приглашая залезть к нему на спину.

Василиса восхищенно замерла.

Но тут произошло кое-что другое, еще более непредвиденное, — возле чудесного единорога материализовался мальчишка. Просто возник из воздуха.

Василиса сразу узнала его: это был Ник.

Теперь она получше разглядела мальчишку: среднего роста, смуглый, вернее, загорелый, черна, а волосы и брови — белесые, выгоревшие на солнце, и те же самые большие карие глаза. На нем была простая белая рубаша с косым вырезом и очень широкими рукавами, сужающимися у запястья, и прямые черные штаны, чем-то похожие на джинсы. Мальчишка был босиком.

— Здравствуй, — улыбнулся Ник. — Ну тебя и забросило! Пришлось Белорожка брать на помощь — он легко чувствует иномирных.

Ник подошел и, остановившись на расстоянии в два шага, вдруг отвесил Василисе низкий поклон.

— Как прошел переход, уважаемая часовщица? — Глаза мальчишки пытливо изучали ее.

Василиса оторопела от подобной учтивости. Возможно, здесь так принято здороваться? Поразмыслив, она тоже поклонилась.

У мальчишки глаза на лоб полезли.

— Ты не должна мне кланяться, — недоуменно произнес он. — Я же не часовщик...

— Да? — растерялась Василиса. — Ну а я не знаю, точно ли я часовщица...

— Ты же говорила, что из семьи часовщиков! — удивился Ник. — Ты смогла вызвать лестницу и переместиться — значит, ты часовщица. Ты же прошла испытание на степени?

— Э-э... ну да. — Щеки девочки превратились в два горячих угля. Она чувствовала себя очень неловко.

Мальчик оглядел Василису пытливым взглядом.

— А почему ты босиком? — спросил он.

— Потому что, — буркнула Василиса. — Не успела взять с собой кроссовки.

— Часовщикам нельзя же без обуви ходить... Так тебе действительно угрожала опасность? — Замешательство Ника росло.

— Думаю, что да, — ответила Василиса немного с вызовом, глядя ему прямо в глаза.

— То есть ты не совсем уверена? — Выгоревшие брови Ника сложились домиком. В его взгляде промелькнула подозрительность.

— Послушай, Ник, — решительно начала Василиса, — мы можем где-нибудь

нормально поговорить? Мне действительно угрожали, я убежала от собственного отца и ничегошеньки не понимаю, что происходит. Но хочу, наконец, во всем разобраться.

— Да, это можно. — Ник с облегчением вздохнули улыбнулся. — Поедем к нам в дом. Мой отец — очень хороший человек, и он поможет тебе... ну-у, в любом случае.

— О, это было бы здорово!

Василиса переступила с ноги на ногу. Ее немного подташнивало от голода, и она подумала, что неплохо бы заодно napроситься на обед к мальчишке. Но с этим явно придется обождать: во взгляде Ника осталась недоверчивость. Вроде бы тот немного жалел, что стал помогать Василисе.

И будто в подтверждение ее мыслей, мальчишка произнес делано-радостным тоном:

— Но сначала заедем за Фэшем — моим другом... Он тоже часовщик, причем с очень высокой часовщиной.

— С чем?

— С часовщиной. — Мальчик скосил глаза на Василису. — С часовой степенью то есть. Откровенно говоря, ты такая странная... Говоришь, что часовщица, а сама... послушай, у тебя какая степень?

— Разве можно говорить?

Василиса улыбнулась: уж про это она знала из памятного разговора с Еленой.

Уши Ника стали малиновыми.

— Ну да... Просто, мм, по-дружески можно ведь сообщать? Вот Фэш мне сразу сказал, да и... Хотя, конечно, ты не обязана...

— У меня высшая степень.

— Что?!

— Высшая, — повторила Василиса, немного раздражаясь. — Это тоже странно?

Мальчик нахмурился. Некоторое время он молча разглядывал ее и, решившись, сухо произнес:

— Послушай, я сказал тебе пароль перехода, думая, что тебе действительно угрожает опасность. Мне за это может серьезно влететь. И если ты будешь врать мне...

— Я не вру!

Однако мальчишка сердито поджал губы и жестом указал на спину Белорожка.

— Поедем на тонкорожке. Он незаметно провезет нас сквозь стены Воздушного замка...

— Как это?!

— Это же тонкорог! — Мальчишка нахмурился еще больше и глянул на Василису с таким изумлением, будто она только что превратилась в дракона. — Ведь тонкорог может перемещаться даже между мирами, поэтому стены для него — вообще не помеха. И если попросить его, он сделает всадника невидимым, а когда почует опасность — делается прозрачным и сам.

После такой речи Василиса не без опаски залезла на спину к Белорожку и осторожно ухватилась за серебристую гриву.

— Обними его за шею, — посоветовал Ник. — И покрепче, он любит скорость... Через пять минут будем в Замке.

Василиса кивнула, мгновенно последовав совету: ухватилась за шею тонкороба, почти зарывшись лицом в мягкое серебро гривы. Ник последовал за ней, осторожно обняв девочку за талию.

Белорожек топнул точеным серебристым копытцем и резко сорвался с места.

Он быстро мчался вдоль берега, словно летел по воздуху, — копыта едва касались земли. Ветер трепал Василисе волосы, зато приятно обвевал лицо. Оказалось, это совсем не страшно — скакать во весь опор на чудесном тонкорожке.

Не прошло и нескольких минут, как впереди показался высокий скалистый мыс; он гордо выступал в море, словно корабль, едва отошедший от пристани. На самой вершине покоился прекрасный замок из белого камня. Его многочисленные башни и башенки с

тонкими, острыми шпильями упирались в рассветное небо, исчезая среди розовых облаков.

Раскинувшаяся перед ними картина сверкала удивительными красками, словно открылась страница любимой книги, с изображением дворца доброго и могущественного волшебника.

— Это Воздушный замок! — гордо сообщил Ник. — Мы его так называем, потому что издали кажется, будто он лежит на облаках... Правда красиво?

Василиса восхищенно кивнула.

— Я бы очень хотел научиться строить такие замки, — прозвенел голос Ника за ее спиной. — Но для этого надо быть часовщиком... да и папа хочет, чтобы я стал часовых дел мастером, как он, но я не особо люблю механику. — В голосе мальчика появились грустные нотки.

Василиса хотела расспросить поподробнее, почему надо обязательно быть часовщиком, чтобы строить волшебные замки, но вдруг увидела перед собой крепкую каменную стену.

Не успела она испугаться, как стена расплылась, будто рисунок на бумаге, на который плеснули много воды. И вдруг стала какой-то нереальной, словно обрывочное, суматошное видение из сна.

В следующий миг Василиса с удивлением осознала, что Белорожек давно мчится сквозь стены: по бокам то и дело мелькали плотно прилегающие друг к другу камни. Тонкорог пронесся через туманный и неотчетливый круглый дворик с фонтаном посередине, еще одну стену, длинный темный коридор, стену, коридор, лестницу... Вновь стена, опять коридор... Через некоторое время Василисе начало казаться, будто она сошла с ума или видит страшный сон. Но внезапно картинка выровнялась, очертания предметов стали более отчетливыми, перестали колыхаться и, уплотнившись, застыли в привычном безразличии неодушевленных вещей.

Это была маленькая комната в бело-золотых тонах. С красивой, но слишком вычурной мебелью. Кажется, где-то тикали часы.

Василиса легко соскочила, сразу же за ней — Ник. Белорожек, перебирая стройными ногами, нетерпеливо затоптался на месте.

— Вот, подождем здесь. — Ник сдержанно улыбнулся Василисе. — А Белорожек сообщит о нашем прибытии Фэшу, своему хозяину. И все будет в порядке.

По-видимому, Белорожек только и ждал этих слов: нагнул сереброгривую голову с тонким рогом, коротко заржал и растаял в воздухе.

Василиса внимательно оглядела комнату. После темных коридоров и переходов, мелькавших по дороге, эта маленькая, но светлая комната казалась очень уютной. На широких окнах — белоснежные занавески, вышитые огромными золотыми лилиями, в углу белый резной шкаф с книгами... Посередине круглый стол со стеклянной столешницей, тонконогие стулья и пушистый коврик возле окна.

Василиса не увидела ни одной электрической лампы или бра, зато заметила с десятков высоких золотых подсвечников, расставленных повсюду: наверное, в замке тоже предпочитали живое пламя, как и в доме отца.

— Садись. — Ник подошел к столу. Отодвинул стулья с высокими кружевными, словно увенчанными морской пеной спинками.

Василиса аккуратно присела на краешек стула.

Некоторое время они помолчали, не зная, о чем говорить.

— Послушай, Ник... — решила наконец Василиса, — а кто здесь живет, в этом Воздушном замке?

— Это замок Радосвета. Он имеет два крыла: западное, крыло Радосвета, или крыло часовых совещаний, и Часодейное крыло, или, попросту говоря, школьное.

Ник явно был рад прервать затянувшееся молчание.

— Ты сказал Часодейное крыло? — осторожно переспросила Василиса.

— Да, это школа, где учатся часовщики со всей Эфлары — те, чья степень выше второй. Послушай, разве твои родители не рассказывали об этом?

— У меня есть только отец.

— У меня тоже... — Ник нахмурился.

Василиса не решилась его расспрашивать. Через некоторое время мальчик продолжил:

— Часодейное крыло делится на половину темных часов и половину светлых часов.

— О, про это я немного слышала, — кивнула Василиса. — Послушай, расскажи мне еще о крыльях — что это?

— Крылья — это крылья! — удивился Ник. И, прищурившись, хмуро добавил: — Слушай, ты меня не разыгрываешь?

— Конечно нет, — честно ответила Василиса и опять спросила: — Крылья — какой-то часодейный знак, как браслет?

И тут Ника осенило:

— А где же твой браслет, а? Если у тебя высокая степень — должен быть браслет!

— Ничего у меня нет. — Василиса окончательно расстроилась. — Может, и вправду — степени тоже нет...

— Так все-таки ты наврала!

— Ничего я не врала!

— Я знаю всех, у кого есть высшая степень, — спокойно сказал Ник. — Всех учеников... Могу перечислить наизусть, потому что их очень мало. Твоего же имени я раньше не слышал.

— Понимаешь... — Василиса смутилась. — Ну, в общем, я всю жизнь жила у своей бабушки Марты Михайловны, думала, что она моя единственная родственница. Хотя вообще-то она была просто опекуницей, но относилась ко мне куда лучше, чем... — Чувствуя, что запутывается, Василиса мотнула головой. — Короче, вдруг появился отец. Как снег на голову...

— Слушай, ты точно очень странная, — перебил Василису Ник. — Сейчас придет Фэш, и тогда начнешь рассказывать, а то я вообще не соображаю...

Василиса, насупившись, отвернулась к окну. Казалось, небо нахмурилось вместе с ней: на солнце набежали тучи, стало пасмурно.

— Ты не обижайся, ладно? — произнес Ник более мягким тоном. — Просто я действительно серьезно рисковал, позволив тебе воспользоваться отцовским паролем перехода. И если кто-нибудь узнает... Но у тебя было такое испуганное лицо.

— Послушай, а твой отец кто вообще? — Василиса поежилась.

— Мой отец — Часовых дел мастер... Я тебе уже говорил.

— Часовщик?

— Нет, Часовой мастер, — поправил Ник, хмуро косясь на Василису. — А еще, с недавнего времени, Глава мастерского цеха... Представляет общину астроградских часовых мастеров в Радосвете.

— Константин Лазарев, — вспомнила Василиса. — Я слышала про него...

— Ну, хоть про моего отца ты слышала, — прошептал Ник и кинул быстрый взгляд на дверь.

Василиса поняла, что мальчишка ждет помощи друга и, кажется, немного напуган.

— Ник, если честно, ты тоже ведешь себя очень странно, — сказала она напрямую. — Я попросила у тебя помощи, потому как мне пришлось убежать из дома после этого дурацкого посвящения, вырваться из рук полусумасшедшей женщины и отца, который... я даже не знаю, кто он и чем занимается!

Последние слова Василиса выкрикнула чуть не плача: и вправду, на глаза навернулись слезы. Увидев, что она сейчас разревется, Ник окончательно смягчился и забормотал куда более примирительно:

— Ну да ладно, чего ты... Сейчас придет Фэш и поможет разобраться во всем. Только знаешь, э-э... — Ник запнулся, по всей видимости выискивая наиболее подходящие слова для того, что собирался сказать. — Ты, короче, не говори ему про то, что у тебя высшая степень... Он — человек вспыльчивый. И как отреагирует, не могу знать даже я, его лучший

друг. Он же часовщик — еще наэферничает тут, потом расхлебывай.

— Наэферничает? — Опять новое слово. — А это что?

Ник отвел глаза: к нему явно вернулась подозрительность.

Но тут занавеска, скрывающая дверь, колыхнулась, пропуская вперед невысокого мальчика.

На вид — лет тринадцати-четырнадцати, с темными, слегка вьющимися волосами и большими голубыми, прямо-таки ангельскими глазами. Одет он был несколько странно: черные широкие брюки и такого же цвета рубашка с воротником-стойкой и белыми широкими манжетами. По воротнику и низу одеяния шла серебристая узорчатая кайма с тисненными арабскими цифрами. Обувь тоже была, мягко говоря, диковинной: тапочки из какой-то темной ткани с чуть вытянутыми, словно у турецких туфель, носками.

Мальчик радостно улыбнулся, отчего на щеках заиграли ямочки.

— Я примчался, как только увидел Белорожка. — Он не сразу заметил Василису целиком скрытую узорной спинкой стула. — Ну, и зачем тебе понадобился тонкорожек? И вообще, что за странная история?

— Фэш... — Ник виновато улыбнулся. — Ты знаешь, тут такое дело... В общем, познакомься.

Только теперь мальчик заметил Василису, и улыбка сползла с его лица.

— Василиса, это Фэш... Фэш, это Василиса. — Голос Ника звучал несколько напряженно. — Она перенеслась с Остала... э-э... немного с моей помощью.

— Привет! — Василиса как можно доброжелательнее улыбнулась мальчику.

Но тот даже не отреагировал на приветствие. Глаза его потемнели, а лицо словно сковало каменной маской.

ГЛАВА 7 ТРЕУГЛЫ

— Ник, давай разберемся. — От тихого голоса Фэша у Василисы побежали мурашки по спине. — Ты воспользовался служебным паролем отца, чтобы протащить по переходу эту девчонку? Погоди, но как тебе удалось?

— У нее были очень мощные часы, сильнющие. Вообще-то Василиса сама совершила переход. Я только дал пароль.

— Да?.. Какой вид транспорта?

— Огненная лестница.

— Что-о?!

Фэш развернулся и шагнул к совершенно растерявшейся Василисе.

— Ты кто такая?! — потребовал он объяснений.

— Я — Василиса... Огнева, — пролепетала она, краснея. — Мой брат Эрик, ну... в общем, он дал мне эти часики и сказал, что...

— Какая Огнева? — не понял Фэш. — Ты где живешь? Чем занимаешься? Что тебе надо от Ника?

— Да ничего мне не надо от него! — выкрикнула в сердцах Василиса.

Ух, до чего наглый мальчишка! Даже Норт по сравнению с ним — милый ангелочек.

— Она говорит, что из семьи часовщиков, — вмешался Ник.

— Вот как? — прищурился Фэш. — Ну, тут тебе вряд ли удастся меня обмануть. Я знаю всех более-менее знаменитых часовщиков Эфлары... Кто твои родители?

— У меня только отец, — хмуро ответила Василиса.

Этот Фэш ей абсолютно не понравился. Она бы не удивилась, окажись он лучшим другом Марка в этом мире.

— Фэш, знаешь, давай помягче, — подходя к ним поближе, опять вмешался Ник. — Ты все-таки с девчонкой разговариваешь.

— Куда уж мягче, — вкрадчиво произнес Фэш и, облокотившись на спинку

Василисиного стула, опять занялся расспросами: — Так кто твой отец, а? Как его зовут? Говори!

— Его зовут... — Василиса зябко повела плечами. Ей не очень понравилось, что Фэш стоит за спиной и она не видит его лица. — Его зовут Нортон Огнев.

— Огнев... — задумался Фэш. — Огнев, Остала... Огнев?

— Подожди, как ты сказала? Твой отец — Нортон Огнев? — Глаза у Ника округлились. — Фэш, я пропал!

Краски разом схлынули с лица Ника — он смертельно побледнел.

— Ты что-то путаешь, девочка. — Фэш вышел из-за кресла и вновь приблизился к Василисе. Его голубые глаза внимательно изучали ее лицо. — Твой отец не может быть самым Огневым.

— Конечно, не может, — зло процедила в ответ Василиса. — Он просто Огнев.

— И чем докажешь?

— Ничем. — Василиса встала. — В общем, я пойду...

— Иди, — согласился Фэш и сделал Нику какой-то знак рукой. Тот нахмурился, но промолчал.

Василиса шумно вздохнула, не спеша двинулась к двери и остановилась в нерешительности. Она вдруг подумала: как ей выбраться из замка, если она даже не знает, куда именно идти? Но остаться здесь...

Ни за что.

— Ну, до свиданья! Ник... спасибо за помощь.

Она решительно толкнула дверь и уже собиралась сделать шаг за порог, как дверь неожиданно полетела на нее и резко захлопнулась. Василиса отпрыгнула назад, машинально сделав гимнастический элемент — страховку на спину. Оттолкнувшись руками от пола, она аккуратно приземлилась на ноги — как на тренировках.

Мальчишки с удивлением наблюдали за ее акробатическими действиями.

— Ты что, в цирке выступаешь? — удивленно поднял брови Фэш.

— Я не виновата, что дверь ни с того ни с сего захлопнулась, — разозлилась Василиса. — А на спину лучше падать в страховке, чем просто так.

— Странно, что ты вообще дверь открывала, — задумчиво произнес Фэш. — Я запечатал ее эфером: простой человек не смог бы открыть... Ага! Значит, тебе дали немного часовой силы искусственным путем. Ты пила какое-нибудь силовое зелье?

— Так я могу уйти? — не выдержала Василиса, пропуская вопрос мимо ушей. — Если вы мне не хотите помочь, я сама найду выход.

«Правда, совсем не знаю, как», — подумалось ей.

— Конечно, мы тебя не отпустим, — снисходительно произнес Фэш. — Если ты действительно дочь того самого Огнева, значит, ты... шпионка!

В темных зрачках, окруженных голубой радужкой, полыхнули очень злобные огоньки.

Ник погрузился еще больше, на него жалко было смотреть.

У Василисы же глаза на лоб полезли от удивления:

— Кто?!

— Огнев подослал тебя, чтобы навредить отцу Ника, — продолжал объяснять Фэш. — Всем известно, что Лазарев чуть ли не единственный, кто осмеливается противиться желанию твоего отца-преступника вновь стать советником. Так что тебе придется все выложить, пока мы тебя не сдали кому следует.

— Это кому? — испугалась Василиса.

— Кому следует, — зловеще повторил Фэш.

— Знаешь что, — окончательно рассердилась Василиса, — я обратилась к Нику, а не к тебе. И думала, он сможет помочь мне убежать, а получается — попала вообще неизвестно куда и выслушиваю тут всякие бредни глупого, заносчивого мальчишки!

— Если будешь оскорблять меня, — бледнея, произнес Фэш, — я тогда...

— Фэш, только без эферов, я тебя прошу! — Ник подбежал и заслонил Василису собой.

— Эта шпионка себе много позволяет! — Фэш попытался отодвинуть Ника, но тот был неумолим.

— Я не шпионка! — выкрикнула Василиса из-за плеча Ника.

— Шпионка!

— Да пошел ты к черту!!!

Василиса чувствовала, что вот сейчас точно расплчется.

— Только не надо реветь, — предупредил Фэш, но голос его звучал уже не так грозно. — Нас этим не разжалобишь...

Но его слова припозднились — из глаз девочки градом хлынули слезы. Василисе было неловко и стыдно, но ничего с собой поделать она уже не могла.

— Эй, перестань! — Ник осторожно взял ее за плечи, усадил на стул и даже дал носовой платок.

— А все ты со своими испытаниями, — укорил он друга, — довел девчонку до слез.

Фэш нахмурился и промолчал.

— Откуда мы знаем, что она задумала?! Ну ладно... — Он неопределенно махнул рукой. — Что с ней на самом деле произошло? Пусть все расскажет, а после решим, шпионка она или нет.

— Я расскажу все Нику, — сказала Василиса, внезапно успокоившись. — Но если ты уйдешь.

— Василиса, давай по порядку... Что с тобой случилось? — спросил Ник. — А на Фэша не обращай внимания — часовщики все такие. Он немного покипятится еще, а потом остынет. И, надеюсь, поможет нам! — Последние два слова Ник произнес громче.

Фэш нахмурился, но ничего не сказал. Кажется, он тоже был не прочь услышать историю «шпионки».

Василиса рассказала все с самого начала: как приехал господин Эрн и забрал ее в отцовский дом, как Норт и остальные травили ее, как она встретила с отцом, как наткнулась во время праздника в гостиной на Елену...

— Какую Елену? — спросил Фэш, в его глазах засверкали искорки любопытства. — Саму госпожу Мортинову? Главу Школы светлых часов?

Но Василиса не удостоила его даже взглядом.

— Елена предлагала мне учиться в ее школе, а потом вдруг стала кричать и обзывать фейрой.

— Фейрой?! — воскликнули оба мальчика.

— Так ты фейра?.. — Фэш вскочил со стула и медленно, по-кошачьи, обошел вокруг Василисы. — Нет, не могу увидеть, — разочарованно сказал он. — У нее нет мерцающего флера. Но сразу после посвящения может и не быть, особенно... Послушай, так, значит, твоя мать — фея?

— Что?!

— Ну, фея! — терпеливо пояснил Фэш. — Такие создания, хм... с шестью крылышками.

— Только не надо меня разыгрывать, — холодно предупредила Василиса. — Я никогда не видала маму, — печально добавила девочка. — Отец сказал, что она погибла давно, сразу после моего рождения...

— Но феи не гибнут! — воскликнул Фэш. — Они бессмертны и могут лишь заснуть... Очень надолго.

— При чем тут феи?!

Ник с Фэшем обменялись быстрым взглядом. Ник чуть заметно покачал головой. Василисе это переглядывание совсем не понравилось.

— Расскажи о посвящении, — попросил Ник, уходя от темы. Может, намеренно, а может, тема не стоила внимания.

Василиса раздумывала, стоит ли рассказывать о входе за большими часами и о тайном собрании Ордена... И решила, пожалуй, повременить с этим. Вместо этого она подробно

описала семейное посвящение: как появились часы, как сначала подошел Норт, потом Дейла, а после младшие — Эрик и Ноель. И как они заснули, а потом...

— И отец сказал, что, кажется, у меня... — Василиса запнулась, вспомнив, что ей говорил Ник. — П-первая степень.

Фэш уставился на нее не мигая. Василисе даже показалось, будто на нее смотрит большая и очень хищная голубоглазая сова.

— И после этого ты будешь говорить, что она не врет? — обернулся он к Нику. — А еще взлетела она, понимаешь...

Василиса разозлилась. Если на то пошло, она действительно соврала про степень. Но про то, что поднялась в воздух, — нет!

— Да, а где же тогда твой часовой знак? — внезапно спросил Фэш. — Вот этот. — Он закатал рукав, и из-под широкой манжеты с цифрами выглянул золотой браслет с часами. Циферблат был черным, а циферки на нем — серебряные.

— Точно такой браслет есть у моего брата Норта, — хмуро проговорила Василиса. — И у Марка. А у меня — нет.

— Какого еще Марка? — удивленно спросил Фэш.

— А, он тоже был на посвящении, — пожала плечами Василиса. — Я не помню его фамилии.

— Ладно, рассказывай дальше, — вмешался Ник. — Только ничего не упусти.

Василиса кивнула и поведала о том, как Эрик вручил ей маленькие песочные часы и предупредил об опасности, грозящей в доме. Как она решила испробовать эти часики и, таким образом, связалась с Ником. И что после посвящения очнулась в своей комнате, где ее стерегли Норт и Дейла. И как они позвали Марка, а она сумела перехитрить их и забралась на дерево. Дальше — огненная лестница, и вот...

— Прямо удивительно, до чего же у тебя все гладко, — не выдержал, чтобы не съехидничать, Фэш. — Почему эти часы были настроены именно на инерциод Ника, а?

— А что такое инерциод?

— Ты и это не знаешь?! Шар связи, что еще... — Подозрительность Фэша все росла. — Так почему ты попала именно к Нику?

— Откуда я знаю? — раздраженно передернула плечами Василиса. — Может, вы мне скажете.

— Василиса, — решительно начал Ник, морща лоб, — ты все нам честно рассказала, ничего не утаив (Василиса порозовела), и поэтому я тебе тоже кое-что расскажу... В общем, я слышал о тебе от отца. Я сначала не обратил внимания, а вот сейчас вспомнил... Мой отец тоже называл тебя фейрой.

— Как это? — удивилась Василиса. — Откуда твой отец знает обо мне?

— А что именно он говорил? — заинтересовался Фэш, сверкнув глазами.

— Что у Огнева есть, э-э, странная дочь...

— Точно странная, — ввернул Фэш, мгновенно заработав гневный взгляд от Василисы.

— Он говорил, что вряд ли Огнев позволит своей странной дочери показаться на Эфларе... Потому как Елена Мортинова не даст фейре долго прожить.

— Зачем Елене какая-то глупая девчонка?

— Не знаю, — пожал плечами Ник. — Я же не думал, что когда-нибудь увижу Василису... Тогда бы я слушал повнимательнее.

— Послушайте вот что! — Василиса решительно выпрямилась и, подняв палец для пущей убедительности, произнесла: — Меня не интересует ни ваша Эфлара, ни Елена, ни все ваши часовщинки и всякие там степени. Я хочу вернуться обратно, на... Остала, вроде бы так, да? — Волнуясь, девочка заложила прядь за ухо. — У меня там есть очень хороший друг, Лешка, и моя тренерша по гимнастике. Они меня устроят где-нибудь на первое время... В общем, помогут.

— Если ты часовщица, то должна учиться в часовой школе, — заметил Ник. — Тебе нельзя покидать Эфлару. Тем более, это не так просто сделать: придется забраться к

инерциоиду отца, а это...

— Тебе и так влетит от отца, и очень крепко, — встрял Фэш. — Давай упрячем ее в подземелье, и никто ни о чем не узнает.

Сердце Василисы пропустило один удар: кто знает, шутит проклятый мальчишка или нет?

— Фэш, перестань дурачиться, — отмахнулся Ник. — Василиса, — обратился он к девочке, — ты действительно хочешь вернуться на Осталу?

— Да, Ник. Я больше никогда в жизни не хочу встречаться с этой Еленой и со своим отцом... Который, как мне кажется, не очень меня любит.

Фэш кашлянул, пытаясь скрыть смехок.

Василиса вспыхнула.

— Ну и где же ты будешь жить там, на Остале? — забеспокоился Ник. — У тебя есть еще родственники?

Василиса невольно вспомнила о своей опекушке. О кошках и задачках, о непростом, но все же спокойном детстве. Но нет, в ту квартиру она больше не вернется.

— Мне помогут.

Василиса подумала, что через две недели — летний лагерь, а до этого она как-нибудь перебьется. Может, будет жить в спортзале, а Лешка будет носить ей еду... Главное — выбраться отсюда поскорее. Вспомнив о Лешке, Василиса приободрилась: нет, друг точно не оставит ее в беде.

— Я не хочу быть часовщицей, — решительно сказала Василиса. — Я хочу переместиться обратно, если это возможно, и все.

Ник ошарашенно взглянул на нее.

— Подумать только... — в недоумении произнес он. — Я всю жизнь хотел быть часовщиком, а ты... вот так вот запросто отказываешься.

Василиса промолчала. Ей вдруг пришло в голову, что если бы она жила на Эфларе с рождения, то, возможно, так же бы стремилась стать часовщиком... но она выросла совсем в другом мире.

Ник глубоко вздохнул, по-видимому принимая решение.

— Фэш, могу ли я попросить тебя, — обернулся он к другу. — Ты должен перенести нас к Ратуше.

— Нет, нет и нет. — Фэш так быстро замотал головой, что Василиса забеспокоилась, не отвалится ли она у него. — С чего это я должен помогать ей?! К тому же возле Ратуши полно народу: сегодня же праздник Первого летнего дня. Карнавалы и все такое... Даже феи прибывают на собрание Радосвета в Лазоре... Много народу придет поглазеть на них.

— Феи? — У Василисы загорелись глаза. — А что, они действительно существуют? А взглянуть можно?

— Она спрашивает, существуют ли феи. — Фэш закатил глаза к потолку. — Если ты сама фейра, значит, твоя мать — фея...

— Что за ерунду ты несешь? — разозлилась Василиса.

— Фейра рождена без часового дара, понятно? — ехидно продолжил Фэш. — Обычно от союза человека и феи получаются такие вот фейры — бездарные дети. И феи бросают таких отпрысков, потому что для них это большой позор.

Василиса беспомощно оглянулась на Ника:

— Что он несет?

— Фэш, у Василисы есть часовой дар, — напомнил Ник.

— Да врет она все! — вновь распалился Фэш. — Часового браслета нет, часолиста нет, а еще эти враки про полеты на посвящении... Обманщица она и шпионка!..

— Короче, так! Мы можем немножко посмотреть на фей, — перебил его Ник, улыбнувшись Василисе. Кажется, лед недоверия между ними потихоньку таял. — Праздник Первого летнего дня — удивительное зрелище. День мира между всеми обитателями Эфлары... Сегодня никто ни с кем не дерется и не борется, все отдыхают, танцуют и

веселятся. Правда, такой день только раз в году.

— А почему вы не на празднике? — спросила Василиса.

— Ну, я-то должен был присутствовать. А Фэш не любит всякие...

— Сборища, — закончил за него Фэш.

— Ремесленников, — продолжил, улыбаясь, Ник.

— И часовщиков тоже, — добавил Фэш. — Тем более, на что смотреть? Фей, что ли, не видели? А вот одно дело нас действительно ждет... После собрания твой отец должен поговорить с нами сам-знаешь-о-чем.

— Да, точно, — спохватился Ник. — Ну так что, Фэш, я могу рассчитывать на тебя?

— Назови мне хоть одну причину, по которой я должен согласиться на это сомнительное, противозаконное и опасное мероприятие?

— Три причины. — Ник поднялся со стула, подошел вплотную к Фэшу и оказался выше последнего на полголовы.

— Ну?

— Во-первых, ты поможешь симпатичной девчонке. — Ник подмигнул Василисе, а Фэш скептически хмыкнул. — Во-вторых, мы сможем испытать инерциоид отца для того, чтобы узнать, можем ли мы как-нибудь и сами совершать переход. Хотя я до сих пор не уверен, что все получится.

— Ну это, конечно, неплохо бы... — нехотя согласился Фэш. — А какая третья причина?

— Ты — мой друг, — просто сказал Ник.

Фэш скосил глаза на Василису, и от этого взгляда ей стало немного не по себе. В этом мальчишке, обычном с виду, чувствовалось нечто необъяснимое, пугающее, даже беспощадное. Такой взгляд был и у Марка: как будто они знают такие тайны, которые простым смертным и знать нельзя.

Василиса невольно поежилась.

— Хорошо-о, — медленно произнес Фэш. — Я помогу тебе, но только по третьей причине и — немного по второй.

— Отлично, — облегченно выдохнул Ник. — Так ты можешь еще раз одолжить нам с Василисой Белорожка?

— Нет, так не выйдет пробраться незамеченными. В Ратуше сейчас оченьлюдно и может встретиться сильный часовщик, который сумеет распознать наше перемещение на тонкорожке... К тому же если Астариус узнает, что я без спросу взял Белорожка из стойла... Думаю, к инерциоиду твоего отца лучше пробраться сверху, через крышу. Крыша — самое слабое место в защите Ратуши.

Ник улыбнулся:

— Надо будет обязательно сказать отцу.

— Слушай, я помогу именно тебе, — внезапно став очень серьезным, произнес Фэш. — Без часодейской помощи ты можешь серьезно влипнуть из-за этой девчонки. А если она действительно дочь того самого Огнева, твоему отцу могут грозить большие неприятности. Отправим ее на Осталу, и все. Тем более, нам лучше подумать о нашем деле. О нашем серьезном деле.

Ник кивнул:

— Хорошо... Сначала попробуем пробраться к инерциоиду, а если не получится — поговорим с отцом. Он сможет помочь Василисе переместиться в любом случае... Правда, тогда мне влетит.

— Я всю вину возьму на себя, — вмешалась Василиса. — Скажу, что выманила у тебя пароль.

Ник вдруг быстро отвел глаза, а Фэш скривился: ну конечно, они наверняка так и считали.

Василиса глубоко вздохнула. Голова у нее разболелась жутко — от пережитого и от голода.

— Ник, я очень есть хочу, — жалобно сказала она, краснея. — Давно ничего не ела... Можно мне хоть корочку хлеба?

Фэш тут же возмутился:

— О, только обеда нам не хватало! Скоро начнут возвращаться с праздника, и я уже не смогу провести эту... хм, в общем, или сейчас, или никогда.

— Да, надо бы поспешить, — поддержал его Ник. — Но обещаю: дома я сразу найду что-нибудь вкусное и...

— В общем, хватит пустых разговоров, — перебил Фэш. — Я пойду первым, проверю, что там и как, никого ли нет. Через две минуты жду... эту в коридоре. Ник, ты выберешься на крышу сам, хорошо? Только будь осторожен, чтобы тебя не поймали.

— Будь спокоен, — заверил Ник.

— Василиса, — сказал он, когда Фэш скрылся, — не обращай на него внимания. Вообще-то наш Драгоций — классный парень. И у него было такое себе детство, без родителей. Он вырос в очень странной семье... Но это неважно. Просто Фэш часовщик, а они все немного чокнутые! Ой, прости, ты ведь тоже часовщица. Наверное...

— Ник, я же говорила, что не собираюсь быть часовщицей, — напомнила Василиса. — Я хочу домой! Ну, то есть назад.

— Хорошо. Хотя мне странно, что ты так легко отказываешься от часодейного дара... Так не бывает!

Василиса решила не спорить. Вместо этого она спросила:

— Почему Фэш сказал, что феи не гибнут? Это шутка такая? Прикол, да?

Ник застыл, раздумывая над ответом.

— Но если я имею этот часовой дар, — продолжала спрашивать Василиса, — значит, моя мама была человеком?

— Именно так, — подтвердил Ник. — У фей и людей очень редко появляются общие дети — это всем известно, и никогда — одаренные способностями к часодействию. И если мой отец называл тебя фэйрой — это что-то да значит. В общем, потому, Василиса, мы тебе и не верим.

Лицо Ника выглядело очень решительным: видно, он давно хотел сказать это Василисе.

— Тогда я уже ничего не понимаю, — неслышно вздохнув, тихо произнесла девочка.

Фэш не обманул: ждал Василису в коридоре.

— Идем, — буркнул он и сразу же пошел вперед быстрым шагом. Василиса еле за ним поспевала.

Они прошли широким коридором мимо каменных стен, увешанных картинами в огромных золотых рамах, демонстрирующих пейзажи или портреты людей в королевских одеждах. Между полотнами крепились факелы и чаши-канделябры на цепях. Некоторые картины Василиса узнала.

«Интересно, это настоящие или кто-то тут перерисовывает картины с Осталы?»

Василиса хотела прочитать фамилию автора, но Фэш так рванул вперед, что ей ничего не оставалось, как тоже ускорить шаг.

Мальчик вел Василису бесчисленными коридорами и переходами, которые почему-то становились все уже. Да и лестницы, по которым они шли, чаще всего вели вниз. А насколько Василиса помнила, направлялись-то на крышу... К счастью, по дороге им никто не встретился.

Даже освещение делалось более скверным — факелы и канделябры на стенах попадались все реже, а ковровые дорожки исчезли, оголяя каменные плиты. Сначала Василиса с большим интересом рассматривала красочные рисунки и барельефы на стенах, представляющие в основном сцены из сражений, странные витиеватые надписи или колонки цифр и букв, как в уравнениях. Но обстановка вокруг становилась все мрачнее и мрачнее. Наконец Василиса не выдержала:

— Послушай, а мы туда идем?

Фэш не ответил и лишь ускорил шаг.

— Здесь точно никого нет? Так тихо тут, темно как-то... — Василиса не отставала. Молчание.

— Слушай, куда ты меня ведешь? — Василиса решила добиться правды чего бы то ни стоило. — Ты говорить не разучился?

Фэш резко остановился. Василиса еле успела затормозить рядом.

— Почему ты здесь? — Мальчик развернулся к ней. — Признавайся, что тебе надо?

— Мне ничего не надо... — растерялась Василиса.

— А я думаю, ты здесь не случайно. — Глаза Фэша недобро блеснули в полутьме. — Тебя твой отец подослал, да? Чтобы ты втерлась в доверие к Нику и навредила его отцу...

— Да ты просто ненормальный! — разозлилась Василиса. — Я здесь, потому что...

— Ну? Что еще соврет коварная фейра?

— Ты просто болван!

— Поосторожней со словами, — предупредил Фэш. — Я могу ведь и зачасовать тебя, в жабу превратить или мышью, скажем...

— Как в мышью? — У Василисы похолодело внутри: что-что, а серохвостых она недолюбливала.

— О, так мы боимся маленьких мышек! — Фэш, казалось, засветился от удовольствия.

— С чего это взял? — как можно равнодушнее произнесла Василиса, но Фэш еще больше расплылся в насмешливой улыбке.

— Твои глаза заполнены страхом... — произнес он басом. Вышло очень издевательски. — Какое, однако, совпадение... А кошек ты любишь?

— Послушай, раз взялся, то отведи меня куда надо! — рассердилась Василиса.

Но перед глазами уже неслись питомцы Марты Михайловны — все эти стрелки, маркизы и кузи...

Василиса вздрогнула, отгоняя неприятные воспоминания.

— А мы уже пришли. — Фэш неожиданно резко толкнул небольшую замаскированную дверь. — Прощу! — На его лице появилась наглая улыбка.

Василиса заглянула в темный проем. Оттуда пахло холодом и сыростью.

— А ты уверен...

В какую-то долю секунды Василиса почувствовала подвох, но, прежде чем Фэш успел втолкнуть ее в помещение, успела крепко ухватиться за манжету его рукава, и они кубарем полетели вниз, куда-то в темноту.

Дверь со скрежетом захлопнулась.

Тьма вокруг — кромешная.

Но Василиса была довольна собой — тем, что разгадала замысел Фэша. Время, проведенное под одной крышей с Нормом, научило бы осторожности любого...

Но Фэш не разделял ее веселья.

— Что ты наделала?! — В его голосе послышались нотки страха. — Дверь захлопнулась!

— А что, она не открывается?

— Только с той стороны... Дай сюда руку, — внезапно потребовал он.

— Ни за что!

— Дай сюда, быстро!

Василиса почувствовала, как он крепко схватил ее за запястье.

— Тут должны быть ступеньки...

Внезапно темнота вспыхнула сотнями алых огоньков, одновременно с этим послышались странные, скребущиеся звуки.

— Что это?

Василиса с опаской оглянулась. Фэш, не говоря ни слова, увлек ее по ступенькам вверх. Послышалось шелканье: мальчик дергал ручку двери.

— Не открывается... — Фэш в отчаянии стукнул по двери ногой.

Скрежетание усилилось, к нему добавилось злобное попискивание.

— Что это такое? — Василиса уже сама вцепилась Фэшу в руку.
— Треуглы. — Мальчик старался говорить спокойно. — Иглозубые кошки. Большая редкость... — Его голос дрогнул.

Василиса ужаснулась.

— Ты что, собирался запереть меня с этими ж... ж-животными?

— Это ты виновата! — рассердился вдруг Фэш. — Не надо было меня вталкивать за собой! Немного попугалась бы, и все...

— Попугалась?!

— Когда будут нападать — бей куда можешь, старайся скинуть их с себя... Придется часы задействовать, чтобы время назад перекрутить — в ту минуту, когда дверь была еще открыта. Эх, и влетит же мне от Астариуса!

Василиса его не слушала. Алые огоньки медленно приближались.

— Прошное, две минуты назад, — прошептал Фэш и что-то тихо пробормотал. Его правое запястье осветилось голубоватым светом. Мальчик приложил руку с часами к замку, послышался легкий щелчок.

Несколько треуглов прыгнули одновременно: Василиса вскрикнула — щеку больно царапнуло острым. Она заверещала, быстро махая руками, и в это же мгновение дверь распахнулась. Не соображая от ужаса, девочка лишь ощутила, как Фэш увлек ее за шею и вытолкнул наружу.

Василиса привстала на локти, все еще тяжело дыша. Правую щеку больно саднило.

Фэш поднялся на ноги. Он достал из кармана штанов сильно измятый платок и протянул его Василисе.

— У тебя кровь на щеке...

Василиса мрачно взглянула на него и отвернулась.

— Нам надо быстро отсюда выбираться, уважаемая фе-е-йра. — Последнее слово Фэш произнес, намеренно растягивая слоги.

И Василиса не захотела оставить все просто так.

— Перестань называть меня фейрой!

— Называю как хочу, имею право...

Василиса размахнулась и наотмашь ударила Фэша по щеке:

— Не имеешь!

Щека у Фэша вмиг покраснела — крепко приложила.

Он изумленно вытаращился на Василису.

Возникла гнетущая пауза.

Наконец растерянность Фэша сменилась холодной злобой.

— Если б ты была мальчишкой, я убил бы тебя за это! — Фэш развернулся и быстро пошел по коридору.

Немного помедлив, Василиса устремилась за ним. Уж лучше идти за ненормальным Фэшем, чем находиться одной в угрюмых и мрачных подземельях — кто знает, каких еще неведомых тварей тут держат.

Обратный путь занял меньше времени; они шли по пустым переходам замка, так и не встретив никого на пути. Василиса подивилась, что в таком большом замке никого нет, неужели все на празднике? Но расспрашивать Фэша совсем не хотелось.

Очередной коридор закончился узкой винтовой лестницей, ведущей куда-то высоко вверх.

— Не отставай, — не глядя на нее, процедил Фэш и полез первый.

Василиса поспешила за ним, чувствуя возрастающую неприязнь к другу Ника. Хотя... а вот интересно, этот Фэш действительно обладает чудесными способностями? Что это за браслет на его руке, который умеет открывать двери с помощью перехода в прошлое? Интересно, браслет Норта тоже способен на такие фокусы? А еще хотелось бы узнать, какая у этого заносчивого Драгоция часовая степень...

Лестница завершилась маленькой овальной площадкой, над которой чернел люк не

больше полуметра в диаметре.

— Надо подскочить, чтобы уцепиться, — произнес Фэш и тут же продемонстрировал, как это сделать. — Учти, я тебе помогать не собираюсь! — донеслось сверху.

Очень надо, подумалось Василисе. Уж такое простое упражнение ей точно по силам. Она с легкостью уцепилась за железные поручни, торчавшие по бокам люка, и быстро подтянулась.

Люк выходил прямо на чердак, заваленный всяким хламом: пустыми ящиками, лампами с мутным стеклом, полуистлевшими тканями с бахромой, похожими на старые шторы... Но больше всего здесь было часов: большие и маленькие циферблаты, деревянные, металлические или позолоченные корпуса, припорошенные пылью и в паутине... Василиса прислушалась: было тихо, ни одни часы не работали.

Девочка прошла к круглому окну с распахнутыми зарешеченными створками.

В лицо повеял легкий ветер. Василиса оказалась на одной из двух покатых, покрытых черепицей крыш; между ними пролегалo расстояние не меньше двух метров. Фэш поджидал Василису на другой стороне.

— Давай спускайся!

Василиса аккуратно вытянула одну ногу, потом вторую и так, шаг за шагом, съехала к самому бортику. Не утерпев, она глянула вниз: ого, какая высь! В проеме между башнями было темновато, и поэтому казалось, что он бездонный.

— Страшно? — Фэш заулыбался, отчего на его щеках вновь появились озорные ямочки. Но тут же спохватился, нахмурился и сердито добавил: — Ну что, давай прыгай!

— А если я не допрыгну?

Василиса еще раз глянула вниз, и ей стало немного не по себе. Силы ее совсем истощились. К тому же она так ничего и не съела. Вот разбежаться хотя бы...

— Я так и знал, — подзадорил Фэш. — Может, полетишь, как на испытании, а?

Василиса не ответила. Прикинула расстояние: ух, далеко...

— Ладно, — смиловился Фэш. — Сейчас я перенесу тебя, так уж и быть!

И Василиса прыгнула. Изo всех сил оттолкнувшись, она взмыла в прыжке, но лишь больно чиркнула коленками по бортику другой стороны, чудом успев уцепиться за острый край пальцами...

Последнее, что Василиса увидела, прежде чем разжала пальцы, — за спиной Фэша всколыхнулись две огромные черные тени. После чего она скользнула вниз.

ГЛАВА 8 ПОЛЕТ К РАТУШЕ

Сквозь неясную дымку вырисовывались настороженные голубые глаза. Кто-то бережно приподнял Василисе голову и побрызгал в лицо водой.

— Фу, очухалась, — облегченно произнес Фэш. — Помогла водичка.

— Ну, слава древним часам! — Рядом оказалось лицо Ника. — А то я так переживал, не угробил ли тебя этот идиот.

— Откуда я знал, что она прыгнет? — дернул щекой Фэш. — Раньше никто не велся...

Ник помог Василисе подняться.

Босые ступни приятно грела шершавая черепица. Взгляд прояснялся, проступали очертания тонких высоких башенок вокруг, улыбающееся лицо Ника на фоне сумеречного неба...

Ого, кажется, наступает вечер.

Девочка перевела взгляд на Фэша и громко вскрикнула. За спиной у мальчишки трепетали на ветру два огромных черных крыла с серебристыми острыми краями, величиной приблизительно в его рост, — в подкрадывающейся вечерней темноте он казался грозным мифическим призраком.

Василиса чуть опять не упала в обморок, но Ник успел подхватить ее.

— Слушай, какая-то она совсем слабоватая, — недоуменно сощурился Фэш. — Все время падает...

— У него... крылья! — Василиса протерла глаза, но черные крылья не исчезли. Фэш для наглядности еще и помахал ими. — Ой, мамочки!

— Слушай, похоже, она действительно никогда не видела крыльев.

Ник вновь сложил брови домиком. Судя по всему, он всегда так делал, когда сильно удивлялся.

— Я начинаю думать, что она совсем не шпионка, — задумчиво произнес Фэш, лениво обмахиваясь крыльями. — Она просто немного того...

— Да она же не ела ничего! — Ник осторожно усадил Василису спиной к стене башенки. — погоди, я сейчас что-то принесу...

— Давай я наэферю, — махнул крылом Фэш. — Перенесу что-нибудь с кухни.

Не успела Василиса и глазом моргнуть, как перед ней появилась тарелка с горячими, еще дымящимися пирожками.

— Спасибо, — буркнула девочка.

Считая, что любезностей вполне хватит, она жадно схватила пирожок. Тот оказался с малиной, и это было здорово, ради такого пирожка Василиса могла простить мальчишке что угодно, даже опасные дурацкие розыгрыши или крылья за спиной.

— Да не за что, — мрачно усмехнулся Фэш, наблюдая, как она ест. — Тарелку только оставь... Ее вернуть на кухню надо.

— А как ты перенес тарелку? — решила спросить Василиса. — Тоже часовой браслет помог?

— Ну а что еще? — искренне удивился Фэш. — Только браслет может менять время и пространство... Я смоделировал новое будущее этой тарелки с пирожками, представил, что несу ее с кухни на крышу... А после отмотаю эту смоделированную ветку времени назад — верну все как было.

— Но пирожки-то не останутся на тарелке? — Василиса так заинтересовалась, что даже перестала есть.

— Так я пирожки и не трогал, — на щеках Фэша засветились ямочки. — Я менял судьбу тарелки. Ее будущее с пирожками я поменял на будущее без пирожков.

Они с Ником одновременно прыснули.

Глядя на них, Василиса подумала, что часодейство не только интересная, но и довольно опасная штука. А еще она подумала, что Фэшу веселость идет куда больше, чем злость или надменность.

Чтобы отвлечься от глупых мыслей, она схватила следующий пирожок и тут же надкусила его.

— Кстати! Пока вы летали, я уже площадь два раза успел обежать, — произнес Ник и тоже взял пирожок. — Народу — тьмища! А в Лазоре вот-вот начнется заседание... Да, феи — ни белые, ни люты — не прилетели на совет, представляешь?

— Правда? — Брови Фэша взметнулись. — Могли бы уже и одарить своим присутствием. — Он скривился. — Судьба мира решается все-таки... Ненавижу фей.

— А сам к ним собрался! — Ник закатил глаза к небу, покачал головой и повернулся к Василисе: — Кстати, Елена Мортинова и Огнев тоже присутствуют... Мой отец хмурится — я видел его издали. Мортинова такая вся заносчивая и надменная, как и все эти высшие часовщики, а твой отец так вообще...

— Перестань, Ник! — одернул друга Фэш. — Не все часовщики надменные и заносчивые, как Огнев, и не все мастера отважные и смелые, как твой отец.

Василиса же подумала, что если встретится с Еленой на празднике, то не переживет этого во всех смыслах — как в буквальном, так и в переносном.

— Знаете, я передумала насчет праздника, — сказала она, дожидаясь очередной пирожок. — Давайте сразу к переходу. Чем скорее, тем лучше.

Ник задумался.

— Можно попробовать пробраться к инерциоиду... Но в Ратуше, внизу, в Лазоре, сейчас начнется совет. Разве тихонечко пробраться... Ох и влетит мне, если отец обо всем узнает!

— Если он узнает, кого ты привел в дом, еще больше влетит, — резонно заметил Фэш. — Ну, если ты наелась, советую поторопиться.

— Василиса, откуда у тебя царапина? — внезапно спросил Ник, указывая на ее щеку.

Фэш нахмурился и опустил глаза. Василиса тоже отвела взгляд в сторону.

— Так... что произошло? Василиса?

— Да все в порядке, — хмуро произнесла девочка. — Оцарапалась, когда лезла через люк на крыше...

— У люка и крышка, и поручни идеально гладкие, — сразу же заметил Ник.

Василиса не стала спорить. Она поднялась на ноги. После пирожков жизнь предстала в более веселых красках.

— Ну что, идем? Я хочу побыстрее назад, на Осталу.

«У нас мальчишки, к счастью, не летают», — подумалось ей.

Ник уже пытался открыть замаскированную под черепицу круглую дверцу — прямо в стене одной из башенок. У него что-то не ладилось с замком. Фэш повернулся к Василисе спиной, и девочка, не удержавшись, коснулась острого серебристого края: крыло казалось легким и невесомым, словно сотканное не из материала, а из темного воздуха.

Фэш почувствовал прикосновение.

— Ты чего меня трогаешь? — грозно спросил он, оборачиваясь.

Василиса покраснела до корней волос.

— Э-э, проверить, острые или нет...

— Острые, не сомневайся, — заверил Фэш. — Порезать могут основательно... Такое видела?

Мальчик разбежался и, сложив крылья вместе, прыгнул, совершив подобие бокового сальто. Острые края крыльев чиркнули — на деревянной стене башни пролегли свежие белые полосы.

— Ого! — вырвалось у Василисы.

Про себя она подумала, что Фэш отлично прыгает.

— У всех часовщиков есть крылья? — решила спросить девочка.

— Нет, только у тех, кто из Высшего Круга, — гордо произнес мальчик.

— Я бы хотел такие иметь, — мечтательно произнес Ник. — Тогда бы я смог построить город своей мечты. Поднимался бы на высоту и оглядывал окрестности, чтобы знать, где что поставить, пристроить, возвести заново...

— Как только смогу, то подарю тебе эфирный ковер, — улыбнулся Фэш. — А когда вырасту, клянусь, что доверю тебе строить свой замок... А часовщику крылья нужны, чтобы сражаться.

— А я думала, крылья нужны для того, чтобы летать, — удивилась Василиса.

Мальчики разом посмотрели на нее.

— Летать можно и на ковриках, а в бою без крыльев проиграешь, — снисходительно произнес Фэш.

— Можно подумать, ты только и делаешь, что сражаешься!

— Всякое бывает, — без тени улыбки произнес мальчик.

— Послушай, Василиса, — вмешался Ник, — скажи, а на Остале знают что-нибудь об Эфларе? Ну, хотя бы догадываются?

Василиса задумалась.

— Ну, люди пишут там всякие истории о параллельных мирах, — сказала она. — Но чаще думают, что жизнь существует на других планетах.

— Вот смешные, — хмыкнул Фэш. — Нет чтобы к собственной планете присмотреться...

— На Эфларе тоже не все знают о существовании планеты-близнеца, — заметил

Ник. — Мало того, многие считают планету Осталу выдумкой. И уж тем более мало кто догадывается о приближающемся Поглощении. Не всех же посвящают в великие тайны...

— Не начинай, ладно? — резко перебил Фэш. — На мой взгляд, чем меньше знают о существовании Осталы, тем лучше. И дело тут совсем не во вражде часовщиков и ремесленников. Если простые люди узнают, что есть другой мир да еще такой близкий, начнется переселение жуликов всяких, просто недовольных жизнью... Я уж молчу об остальных! Наверняка эфларское часодействие понравится им настолько, что они начнут с его помощью решать свои проблемы. Недаром когда-то часовщики сотворили Временной Разрыв и убежали на Эфлару.

— Не убежали, а переселились, — возразил Ник.

— Убежали, — в тон ему ответил Фэш. — Убежали от Духов.

— От каких еще Духов? — удивилась Василиса, внимательно вслушивающаяся в разговор.

Ник переглянулся с Фэшем, тот зачем-то пожал плечами. Мол, мне все равно, говори.

— Есть такие часовщики, — начал Ник, — которые обладают большой часодейной силой... Их называют Духами, они и сейчас живут на Остале. Духи не могут пройти временным коридором, потому что они не люди... Вернее, полулюди.

— Сверхлюди, — неожиданно добавил Фэш.

Ник хмыкнул, но продолжил:

— Они, к счастью, не смогут перебраться на Эфлару. Когда-то Духи хотели превратить всех часовщиков в себе подобных.

— Как это превратить? — не поняла Василиса.

— Ну, есть довольно, э-э, болезненный обряд. — Ник почему-то не отрывал глаз от Фэша. — Целая серия испытаний... Правда, Духов можно сотворить только из полудухов — людей, в чьих жилах уже течет «духовная» кровь. И чем сильнее часовщик-полудух, тем легче превратить его в Духа.

— А это ужасно — превратиться в Духа?

Ник пожал плечами.

— Нет... Даже наоборот — ты приобретаешь большую силу. Но взамен теряешь кое-что ценное, человеческое...

— Не хотели они никого превратить, — вдруг жестко перебил Фэш. — Духи хотели просто уничтожить часовщиков, чтобы самим властвовать над людьми. Поэтому часовщики и переселились в отдельный мир, зная, что сами Духи не могут перемещаться во времени, хоть и повелевают им. Так что часовщики спаслись бегством. И правильно сделали.

— В истории не так записано, ну да кто точно знает... — Ник вздохнул и замолчал.

— А как они выглядят, эти Духи?

Василисино воображение сразу нарисовало ей страшные, искаженные и уродливые лица в языках пламени...

— Как только не выглядят, — хмыкнул Ник, за что получил странный взгляд от Фэша — какой-то злой и обидчивый одновременно.

Ник, заметив настроение друга, тут же смутился.

— А эти Духи не могут как-нибудь да пройти на Эфлару? — вновь спросила Василиса.

— Мне кажется, мы засиделись, — поторопил Фэш. — Ник, пробуй сам открыть дверь. А то я сегодня уже открывал браслетом... кое-что.

Крылья за его спиной куда-то исчезли, и Василиса смогла наконец успокоиться. Все-таки странно было разговаривать с крылатым мальчишкой.

Пока Ник хлопотал над замком, Василиса огляделась. Они находились на круглой и плоской крыше, увенчанной по краям маленькими башенками с острыми шпилями, — получалась огороженная площадка. Посередине высилась большая круглая башня, в которую они и собирались попасть. На ее шпиле гордо реял странный кусок фиолетовой ткани, наверное флаг: на нем были изображены две черные перекрещивающиеся стрелки на золотом круге.

Наконец Ник открыл круглую дверцу. Шли по очереди: сначала Ник, потом Василиса, за ней — Фэш.

— Сейчас мы находимся в центральной башне, — объяснял Ник, пока они спускались по крутым ступенькам железной винтовой лестницы. — В самой Ратуше два этажа. На верхнем — жилые комнаты, а внизу — мастерские и библиотека с Лазорем... О! В подвале есть Зеркальное Кольцо, предназначенное для долговременных часодейных переходов. Но, конечно, туда не попасть просто так.

Василиса вспомнила зеркальный коридор и потому спросила:

— А что это за Зеркальное Кольцо?

— Коридор моментальных переходов между замками всей Эфлары, — монотонно пробубнил из-за ее спины Фэш. — Только простой фейре про такие коридоры знать ни к чему.

У Василисы было свое мнение насчет этого, но выразить его она не успела.

Послышался тонкий режущий свист. Василиса схватилась за уши: казалось, звук столь высокой частоты проникает в самый мозг. Похожий свист был тогда, на тайном собрании Ордена, когда отец водил рукой в воздухе.

— Что это?!

— Хваткий вихрь! — прокричал Фэш. — Кого-то ищут! Ник, давай сюда...

Но было поздно. Вокруг них завертелся настоящий смерч, Василисе уши заложило от пронзительного свиста. Неожиданно ноги девочки оторвались от поверхности, и она полетела, увлекаемая этим странным свистящим ветром. Но кто-то крепко схватил ее за ногу, ей удалось остаться на месте и даже схватиться за перила лестницы.

И вдруг все прекратилось.

— Еле увернулись, — шумно выдохнул Фэш. Сидя на полу, он пораженно вертел головой. — Вставайте! — приказал он Василисе и Нику, который по-прежнему держал ее за ногу.

— Что это было? Уф, чуть не оглох...

Вставая, Ник подозрительно огляделся в поиске новой опасности.

— Хваткий вихрь, что ж еще? — нахмурился Фэш. — Кого-то в Ратуше ищут... плохо.

— Не нравится мне это, — согласился Ник. — И знаешь... пожалуй, надо все-все рассказать моему отцу.

— Вот именно!

Но Василиса заволновалась:

— Послушай... Как ты думаешь, твой отец нормально ко мне отнесется? Если он действительно не любит моего...

— Не любит?! — Фэш присвистнул. — Это мягко сказано. Да они мечтают убить друг друга с самого...

— Фэш!!!

Ник выглядел очень рассерженным, и Василиса поспешила вмешаться:

— Думаю, теперь в любом случае надо идти к твоему отцу — Константину Лазареву.

Ник хмуро кивнул.

И они пошли по круглому коридору второго этажа. Под ногами блестел разноцветной плиткой пол, с потолка свисали красивые лампы в виде хрустальных шаров. По бокам то и дело мелькали круглые темные двери, обитые коваными полосами в узорах из тонких завитушек.

Василиса на ходу разглядывала чудной коридор, а заодно размышляла.

А если зря она убежала из дома? Кто знает, возможно, у нее наладилось бы с отцом... Она бы пошла вместе с Нортон и Дейлой в Школу часов, стала бы часовщицей... Нет-нет, все явно не так гладко. К тому же Василиса со своей высшей степенью должна стать наследницей! А отец желает видеть на этом месте Норта, и Елена — она тоже говорила про это...

— Что с тобой, Василиса? — оглянувшись, спросил Ник. — У тебя такое странное

лицо...

— Послушай, — обратилась к нему Василиса, — мой отец очень богат?

Не оборачиваясь, мальчик хмыкнул.

— Только не говори, что ты не знаешь, чем владеет твой отец... — произнес он. — Великолепный замок Черновод и Рубиновый Шпиль, Лунный лес, Долина серебристых плавников, Сияющие рудники — и это только в Астрограде...

— А еще все то, что твоему отцу отдадут сегодня, — заметил Фэш. — Всем известно, что остальные его богатства надежно берегла Елена Мортинова...

— Говорят, что Золотой Механизм — одна из лучших мастерских по производству часов, тоже его собственность, — добавил Ник.

Он замедлил шаг, чтобы продолжить беседу с Василисой.

— Однако не переживай, семья Драгоциев куда богаче твоего отца. — Он бросил хитрый взгляд на Фэша.

— Это вряд ли, — ввернул Фэш, тоже поравнявшись с ними. — За последнюю войну с феями Огнев много награбастал. Куда моему дяде... Хорошо, что хоть двенадцать лет Эфлара отдыхала от жадности твоего отца, фейра. Но теперь, когда срок наказания истек, людям и феям вновь надо быть начеку...

— А что это было за наказание?

Василиса захлопала глазами. По красноречивым взглядам мальчишек она поняла, что сказала очень большую глупость.

— Ну, и после этого ей можно верить? — обернулся к Нику Фэш. — Она явная самозванка...

— Так шпионка или самозванка? — зло уточнила Василиса. — Ты бы определился.

Фэш явно хотел сказать что-то обидное, но Ник опередил его:

— Твой отец, Василиса, был дипломатом...

— Шпионом, — ввернул Фэш.

Василиса подумала не без злости, что мальчишку явно «заклинило» на теме шпиономании.

— Неважно, — отмахнулся Ник и продолжил: — Огнев должен был договориться с белыми феями и черными феями — лютами, проживающими в Хрустальной Долине. Договориться о перемирии... Вместо этого он окончательно рассорил двух королей — Черную и Белую, а в суматохе сумел выкрасть целых три Ключа из сокровищницы фей. Теперь феи и часовщики еще больше ненавидят друг друга, а Черная и Белая Королевы навеки перессорились. И вообще неизвестно, запустят ли Часовой Круг — ведь для этого надо семь Ключей! А феи злы на часовщиков за кражу и могут не захотеть объединиться с нами даже ради спасения мира. Эта Черная Королева, повелительница лютов, даже слышать ничего не хочет. А ведь у нее, как подозревают, находится самый ценный Черный Ключ, или, как его называют люты, ЧерноКлюч. Ты знаешь про Ключи?

— Кое-что, — наморщила лоб Василиса. — Я слышала про Ключи...

И она процитировала:

— Серебряный, Бронзовый и Золотой будут соперничать между собой. Железный откроет цветения тайну, Расколотый Замок укажет Хрустальный. Рубиновый Ключ все секреты расскажет, а Черный — путь к самому сердцу укажет...

— Откуда это? — Фэш резко остановился. — Откуда ты про это знаешь?!

Ник тоже замер.

— Это ведь тайное послание, — бледнея, произнес Фэш. — Даже Ник об этом не знал, потому как строго-настрого запрещено об этом рассказывать... И после этого ты будешь говорить, что она не шпионка?

Василиса уже мысленно прокляла себя за то, что сболтнула лишнее.

— Вы все равно не поверите, — вздохнула она.

— Видишь! — мрачно возликовал Фэш. — От нее надо избавиться! Твой отец не должен о ней знать, иначе у нас будут неприятности. И у него тоже!

— Да я сама хочу переместиться назад! — в сердцах выкрикнула Василиса. — Вы мне надоели со своими подозрениями!

Ник потоптался на месте.

— Тогда... ну тогда идем сразу в папину мастерскую.

Он резко повернулся и зашагал по коридору.

Василиса поспешила за Ником, опасаясь Фэша, следовавшего позади нее с очень грозным видом.

Мастерская оказалась большой круглой комнатой, где совсем не было окон. Зато на стене висели тысячи часов — от маленьких, еле заметных циферблатов до больших, будто снятых со старинного вокзала. Были здесь и часы с башенками, с фигурками кукол, с фонтанами и светильниками, с домиками для кукушки и даже огромные, с маятником и гирьками-шишечками. И тем не менее все это разнообразное тиканье, жужжание и позвякивание сливалось в один стройный и мелодичный гул.

Посреди комнаты стоял большущий, занимавший чуть ли не половину пространства стол, нагруженный бумагами, линейками и карандашами. Вперемешку с этим кучами валялись маленькие, не больше наручных, часы, некоторые — со вскрытыми корпусами. А еще — горы мелких деталей и деталек: колесики, пружинки, зубчики и шестеренки — чего здесь только не было.

Василиса, позабыв про неприятности, восхищенно оглядывалась.

Ник разгреб ворох бумаг, извлекая на белый свет тяжелый хрустальный шар, размером не больше футбольного мяча.

— Быстро оживи инерциод, — порывисто произнес Фэш. — А ты давай садись сюда. — Он указал Василисе на потертое кресло, находящееся прямо перед шаром.

Как видно, ему не терпелось поскорее избавиться от шпионки.

Василиса повиновалась, молясь, чтобы перемещение произошло как можно скорее и, главное, безопасно.

Но вдруг прозрачный шар на столе вспыхнул сам — Ник даже притронуться к нему не успел, и засветился изнутри сине-зеленым светом.

— Опоздали! — жалобно ахнул мальчик.

Фэш застыл, глаза его неотрывно следили за шаром.

— Ник, сынок... — послышался далекий голос. — Спустись в Лазурную залу.

— Но там же совет? — Ник растерянно оглянулся на Фэша, тот неуверенно пожал плечами.

— Немедленно.

— Хорошо, папа. — Ник кинулся было к двери, но голос отца продолжил:

— И захвати с собой Василису Огневу.

Ребята в страхе переглянулись.

— ...Хорошо, папа.

Некоторое время шар молчал.

— Так это правда, сынок? Эта девочка с тобой? — Голос погрузнел.

— Да... Так вышло, что...

— Немедленно вниз. Твой друг Фэш рядом? Пусть тоже спустится.

Раздался щелчок. Шар окутался туманом и потускнел: видимо, связь прервалась.

— Ну вот, доигрались, — помрачнел Фэш.

— У отца был странный голос, — задумчиво произнес Ник. — Идем, и поскорее!

Василиса кивнула и поднялась. Странно, откуда отец Ника узнал, что Василиса здесь, в Ратуше, с Ником?

— Идем, — вскинулся Фэш. — И если что-то будет не так, я первым задушу фейру!

— Я тебя сама задушу, — огрызнулась Василиса, оборачиваясь в дверях. — Что ты пристал ко мне?!

— Помолчите, а?

Ник вновь пошел первым, за ним Василиса. Фэш замыкал шествие, и девочке казалось,

что он прожжет взглядом дырку в ее спине.

Пришлось пойти по той самой винтовой лестнице, сходящей с крыши, и продолжить спуск.

ГЛАВА 9 ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ

Огромные деревянные двери тяжело распахнулись, пропуская троих ребят.

Лазурная зала оказалась круглой и невероятно огромной, а еще имела куполообразный потолок, уходящий далеко ввысь, в темноту. Василиса тут же подумала: куда делся второй этаж? Ведь высота лестницы между первым и вторым этажом была равна восьми-десяти метрам, а потолок залы уходил вверх на добрую сотню... Надо бы расспросить у Ника, как такое может быть? Неужели то самое чародейство, вернее, часодейство, дающее возможность расширять помещения неким хитрым образом? Ведь часовщики могут повелевать не только временем, но и пространством... Василиса вспомнила увеличившуюся на время праздника гостиную в отцовском доме. Наверное, тут что-то в этом роде.

Все трое остановились возле книжного шкафа. Его полки с книгами ровными рядами простирались далеко-далеко вперед.

— Мы должны здесь подождать, — сказал Василисе Ник. — Пока за нами кто-нибудь придет и проведет в Лазорь.

— Куда?

— Лазурная зала состоит из библиотеки и круга для совещаний, — начал пояснять Ник. — Мы сейчас пойдем вдоль длинных шкафов с книгами. Видишь, все шкафы располагаются лучами, сходясь в центре зала и образуя Лазорь — ровный очерченный круг, окруженный несколькими ярусами лоджий. В Лазоре проходят общие советы, когда мастера и часовщики должны принять совместные решения... Сама же Лазурная зала имеет удивительную волшебную историю.

— Волшебную?

— Часодейную, — тут же поправил Фэш.

— Да-да, — кивнул Ник, и глаза его заблестели от гордости. — Ратушу построили очень давно, еще до Эпохи Часов. Здесь до сих пор таится древнее часодейство. Говорят, еще первые часодеи строили... Те самые, что первыми разгадали секрет Времени.

— Потрясающе здесь, — кивнула Василиса. — И книг столько...

Фэш хмыкнул.

— Если бы ты действительно была часовщицей, — снисходительно проговорил он, — то увидела бы, сколько же здесь в пространстве букв, слов и цифр... Иногда мелькают целые ленты фраз. Лазурная зала — это особенное место, источник большой жизненной силы, где оживают вещи и предметы... Некоторым книгам более двух тысяч лет, и все они стремятся рассказать свою историю.

Ник глубоко вздохнул. Как видно, ему очень хотелось стать часовщиком и увидеть заветные буквы, а Василиса подумала, что Фэш наверняка привирает. Однако прищурилась, пытаясь разглядеть что-нибудь в пространстве над шкафами.

— Вот и опять встретились, фейра, — раздался тихий и донельзя нахальный голос прямо у нее над ухом. Голос, плохо скрывавший торжество. Василиса оторвала взгляд от бесконечного потолка и увидела знакомые черные глаза на узком лице.

Она не смогла сдержать удивленного восклицания: это же Марк! А он как здесь очутился?! Теперь мальчишка был одет в такую же широкую черную рубашку и штаны, как у Фэша, а на ногах имел точно такие же остроносые туфли. Пепельные вьющиеся волосы были зачесаны назад и собраны в небольшой хвостик. Марк держал в руке странный жезл, похожий на длинную стрелку от громадных часов или маленькое копье. Василиса уже набрала в грудь воздуха, чтобы обрушиться на Марка гневной тирадой, как Фэш опередил ее:

— Ты что забыл здесь? — Голубые глаза смотрели презрительно и настороженно.

Василиса изумилась: они что, друг друга знают?!

— Не твое дело, Драгоций. — Губы Марка расплылись в ухмылке. — Скажу лишь — твоего дружка ремесленника ждет большой сюрприз... Следуйте за мной.

— С какой это стати? — процедил Фэш.

— Мне поручено встретить вас и провести на заседание РадоСвета. — Марк сощурился. — По приказу господина Мандигора. Вас ждут в Лазоре.

— Так ты на побегушках у высокого часовщика? — не унимался Фэш. — У Мандигора? Или нет, дай-ка угадаю... наверняка у госпожи Мортиновой!

Марк на секунду замер и резко повернулся в сторону Фэша.

— Тебе не дает покоя моя победа, Драгоций? — свистящим шепотом произнес он. — Что я, а не ты назван лучшим учеником темночасов! Ты провалил испытание, и с этим уже ничего не поделаешь, малыш...

— Ты прекрасно знаешь, почему я провалил испытание! — Глаза Фэша полыхнули недобрым огоньком. — Кто-то подставил меня, и не надо долго думать, кому это было выгодно.

Василиса с изумлением увидела, как за его спиной шевельнулись, быстро проявляясь, две крылатые тени.

— Ты проиграл, потому что водишься со всяким сбродом, — процедил Марк.

За его спиной также за клубился воздух, обретая очертания больших черных крыльев. Василиса успела заметить, что по краю Марковых крыльев вырисовывается кроваво-фиолетовая кайма.

Но тут вмешался Ник.

— Вы что, собрались драться в Лазурной зале?! — в отчаянии воскликнул он. — Фэш, нас всех арестуют!

Его крик возымел действие: черные крылья обоих разом начали бледнеть, быстро растворяясь в воздухе.

— Твой дружок ремесленник прав, — медленно произнес Марк. — После продолжим...

— Как-нибудь, — процедил Фэш.

— Прошу следовать за мной, — сухо отчеканил Марк и пошел вперед быстрым шагом. Ребятам ничего не оставалось, как последовать за ним.

Ноги Василису еле слушались. Честно говоря, она порядком испугалась, и Фэшу пришлось раза два немного подтолкнуть ее в спину.

Их действительно ждали. Как только они вошли через небольшую арку в освещенный круг Лазоря, воцарилось всеобщее молчание.

Василиса удивленно огляделась. Казалось, будто они вчетвером попали на арену цирка. По кругу шли трибуны, очевидно скрывавшие ряды со скамейками.

На скамейках располагались люди, много людей. Их лица выделялись в полумраке лоджий неяркими бело-серыми пятнами.

Неожиданно зал осветился голубоватым сиянием, и Василиса смогла получше разглядеть присутствующих. Они различались по одежде: были тут и черные длинные одеяния, похожие на монашеские рясы, и кроваво-красные мантии, и даже пестрые наряды дам с широкополыми шляпами или узкими колпаками со шлейфами. Некоторые были одеты, как Фэш с Марком: в длинные рубашки с широкими белыми манжетами и черные брюки — причем и мужчины, и женщины. Но одна из трибун резко отличалась на общем фоне: цвет одежды людей, расположившихся в ней, был идеально белым. Прямо над ними располагалась высокая и длинная лоджия из белого дерева. Василиса не заметила рядом лесенки или другой какой-либо возможности забраться туда. Там, на стульях с высокими спинками, восседали особенные люди: на их головах сверкали серебристые или золотые обручи.

«Наверное, это самые главные», — подумала девочка.

От количества пристальных взглядов, обращенных к ней, Василиса смутилась и, уставившись в пол, принялась рассматривать узорные прожилки голубоватых каменных плиток.

Между тем Марк отвесил низкий поклон и, злорадно оглянувшись на ребят, отошел в сторону.

— Как тебя зовут, девочка?

Один из белоснежных поднялся и вышел к ним, на середину круга. Василиса сразу узнала его, несмотря на новую белую одежду — Мандигор. Правда, глаза его как-то странно бегали, а руки нервно сжимали белый жезл — такой же, как у Марка, но подлиннее да и побольше в размерах.

«Он же знает, как меня зовут», — подумала девочка, но тем не менее ответила:

— Василиса Огнева.

Люди на скамейках зашевелились, зашумели, кое-где раздались удивленные и гневные восклицания.

— Господин Лазарев, вы обвиняетесь в похищении малолетней дочери господина Нортон Огнева, — сухо отчеканил Мандигор. — Ваше слово для оправдания?

Василиса растерялась.

Из толпы белоснежных людей поднялся еще один человек, сидевший на самом первом ряду, его руки тоже крепко сжимали длинный белый жезл.

Мужчина был смугл, и у него были такие же веселые темно-карие глаза, как у Ника.

— Папа, — прошептал Ник, порываясь подойти к отцу, но тот остановил его быстрым движением.

— Я первый раз вижу эту девочку! — сообщил старший Лазарев, с большим любопытством разглядывая Василису.

— И я в первый раз вижу этого человека, — громко заверила Василиса.

— Расскажи, как ты совершила переход на Эфлару, девочка? — ласково попросил Мандигор.

— На этой... — Василиса мучительно покраснела под перекрестием взглядов. — На огненной лестнице. С помощью таких маленьких часиков, которые дал мне...

— Твой переход на Эфлару был зафиксирован по адресу инерциоида, записанного на имя Ника Лазарева, — перебил Мандигор.

— Ник дал мне свой пароль... — пролепетала несчастная Василиса. — Дело в том, что я... что мне угрожали...

— Лазарев тебе угрожал, девочка? — тут же переспросил Мандигор.

— Да нет же! — Василиса совсем запуталась. — Мне надо было срочно убежать из дома!

Ее щеки густо залились красным: Василиса вдруг подумала, что на самом деле ей никто не угрожал. Одни слова, загадочные фразы, полунамеки... Но прямой угрозы для ее жизни не было!

В освещенный круг вышло еще двое: мужчина в темном плаще и женщина в узком и длинном, идеально белом платье. У Василисы упало сердце: к ним приближались Нортон-старший и госпожа Мортинова. Последняя улыбалась, не скрывая победного торжества.

Но что же происходит?! Василиса в замешательстве отступила на шаг и наступила на ногу Фэшу.

— Я еще доберусь до тебя, шпионка! — прошептал он ей в ухо, больно схватив за руку. — Ты подставила Ника! Твой отец подослал тебя, проклятая феяра...

— Неправда!

— Я обвиняю господина Лазарева в похищении моей дочери Василисы, — проговорил Огнев безжизненным голосом.

— И зачем мне это? — поразился старший Лазарев. — Что ты затеял, Огнев? Если ты уберешь меня из Радосвета, не факт, что тебя возьмут на мое место...

Елена ослабилась.

— Я подтверждаю, — сказала она, — что Василиса Огнева была похищена из дома сразу после посвящения. Очень высокого, между прочим, посвящения.

Елена повернулась к Василисе, голубые глаза ее светились нежностью и теплотой.

— Девочка прожила всю жизнь на Остале, вдали от часодейства, — проговорила Елена, искрясь сочувствием. — Она очень плохо перенесла посвящение, и мы вынуждены были отвести ее в комнату, чтобы она отдохнула. Младшая Огнева была так напугана... И тут ее похищают! И все ради политики, своих ужасных, хитромерзких игр вмешать ребенка... Переход мог убить девочку!

Голос Елены звенел праведным гневом.

— Господин Огнев, — обратился к отцу Василисы Мандигор, — подтверждаете ли вы тот факт, что ваша дочь была похищена тридцать первого мая этого года в десять часов вечера?

— Да, подтверждаю, — кивнул старший Огнев.

— Василиса Огнева, — обратился Мандигор к девочке, — подтверждаете ли вы, что в ночь с тридцать первого мая на первое июня совершили вынужденный переход с Осталы на Эфлару, доселе незнакомую вам?

— Да, наверное... — озадаченно проговорила Василиса. — Но все было не так! Ник, он встретил меня и...

— Лазарев подговорил собственного ребенка, чтобы совершить сие непростительное злодеяние! — вскричала Елена. — Позор для часового мастера!

Ник побледнел, а Фэш одарил Василису полным ненависти взглядом.

— Нет, я сама попросила его дать пароль! — в отчаянии выкрикнула Василиса.

Но ее крик утонул в общем галдеже: люди качали головами, возмущенно перешептывались, некоторые выкрикивали что-то злобное и оскорбительное в адрес старшего Лазарева.

— Я требую справедливого суда, — ровным голосом произнес Константин Лазарев. — Требую созвать Особый Совет.

— А разве сейчас мы не на Особом Совете? — Елена плавным движением руки обвела зал.

— Да какая же тут справедливость! — гневно воскликнула черноволосая женщина, также сидевшая в первом ряду белоснежной лоджии. Она резко поднялась во весь рост и оказалась очень высокой и довольно крепкого телосложения. Толстые, волнистые пряди волос великанши рассыпались по широким плечам, словно черные змеи, а большие темные глаза пылали великим гневом. — Зачем Лазареву красть ребенка у Огнева?! — яростно продолжила она речь. — Лазарев — член Радосвета, а Огнев — лишь жалкий преступник! Обвинение советнику имеет право выдвигать лишь равный...

— Господин Огнев — свободный человек, и с него полностью сняты все обвинения. — Мандигор перевел дух и продолжил: — Дерзну напомнить Совету, что три великих Ключа, за изъятие которых Огнев был осужден, дают часовщикам право решать судьбу нашего мира наравне с феями. Которые, кстати, даже не соизволили прийти на переговоры... Кроме того, сегодня утром господину Огневу было назначено место в Совете. — Мандигор обвел присутствующих довольным взглядом. — И еще... господин Огнев теперь имеет право предложить свою кандидатуру в главный Радосвет.

— Это какое же такое право? — тут же возмутилась великанша. — Каким образом преступник...

— Согласно древнему закону, уважаемая госпожа Дэлш, — перебил ее Мандигор, — если у часовщика есть ребенок, получивший высшую степень на посвящении, он может войти в состав Радосвета без голосования.

Стало очень тихо.

— Среди твоих детей есть высокорожденный часовщик, Огнев? — нервно спросила госпожа Дэлш. — И кто же это?

— Моя дочь, присутствующая здесь, — равнодушно произнес Нортон-старший.

— Именно так, — кивнул Мандигор. — Василиса Огнева получила высшую степень — стрелки ее часов остановились ровно на двенадцати. Я лично имел честь присутствовать на этом знаменательном посвящении.

— Значит ли это, — подал голос седой старик с длинной бородой, восседавший рядом с госпожой Дэлш, — что Лазарев имел вескую причину для злодеяния — похитить дочь Огнева, чтобы помешать тому войти в Радосвет? Господин Огнев, вы предъявляете обвинение господину Лазареву?

— Да, — сказал отец Василисы. — Я предъявляю обвинение ремесленнику Лазареву. Последние слова Огнев произнес резко, с издевкой, выделяя слово «ремесленник».

— Господин Лазарев, сдайте жезл, — сухо сказал Мандигор.

— Четко сработано, Огнев, — тихо произнес старший Лазарев. Так тихо, что его слышали только стоящие в круге. — Ты очень ловко воспользовался отсутствием высокоуважаемого Астариуса и провернул ложное обвинение, но не думай, что ты победил...

— А я думаю, что победил, — произнес Нортон-старший без тени улыбки на лице. — Приятно было тебя повидать, Лазарев. Жаль, больше не увидимся.

За спиной отца Ника неслышно возникли двое людей. Они были одеты в длинные тускло-серебристые плащи, а их руки сжимали крепкие копыя с тонкими стальными остриями.

Старший Лазарев молча отдал жезл Мандигору.

— Я готов, — сказал он и ободряюще кивнул Нику.

Тот тихо застонал, закрыв лицо руками. Фэш успокаивающе стиснул ему локоть. Василиса ничего не понимала, но почувствовала всеобщее напряжение.

Мандигор поднял белое копье и направил его на Константина Лазарева.

— Старение! Пятьдесят лет.

Внезапно лицо Лазарева покрылось сеткой мелких морщин, словно старый, потрескавшийся от времени алебастр, а волосы его начали стремительно сесть. Василиса стояла рядом и все видела очень отчетливо. Спина осужденного сильно сгорбилась, руки вытянулись вперед и покрылись темными пятнами, под враз побледневшей кожей резче проступили вены. Не в силах смотреть на это, Василиса перевела взгляд на своего отца и ужаснулась: Нортон-старший явно наслаждался сценой, его лицо светилось довольством.

Вскоре на месте крепкого и здорового мужчины стоял немощный старик, еле держащийся на ногах.

— Константин Лазарев, вы пробудете в таком виде до выяснения обстоятельств по вашему делу. Вас вернут к нормальному облику, если вы окажетесь невиновны. Вы принимаете это?

— Да, принимаю.

Услышав старческий, дребезжащий голос, Ник, не сдержавшись, всхлипнул.

— И куда теперь, Мандигор? — осведомился Лазарев.

— Вас отведут домой под стражей...

— Домой? — усмехнулся Лазарев. — Я уже дома.

— На второй этаж Ратуши, — уточнил Мандигор. — До выяснения обстоятельств, способствующих успешному решению дела.

Лазарев, неопределенно пожав поникшими плечами, кивнул. Стражники молча встали по бокам, и вся троица вышла из круга. За ними поплелся бледный как полотно, Ник, он даже не взглянул на Василису.

— Я тебя найду, фейра, — процедил вместо него Фэш и кинулся догонять процессию.

— Отец Ника ни в чем не виноват! — изо всех выкрикнула Василиса, бросаясь за ними, но Елена быстро преградила ей дорогу. — Я сама совершила переход!

Старший Лазарев услышал это и остановился.

— Не старайся, Василиса, — сказал он, обратив к ней все те же веселые карие глаза, казавшиеся чужими на старческом, морщинистом лице. — Ты ничего не сможешь изменить.

Конечно, ты ни в чем не виновата.

Ник удивленно взглянул на отца, лицо Фэша приняло нахмуренно-недоумевающее выражение. Но старший Лазарев больше ничего не сказал, повернулся сгорбленной спиной, и шествие возобновило прерванный путь.

В Лазоре воцарилось молчание. В освещенном круге остались хмурый Мандигор, невозмутимый Огнев, торжествующая Елена и сама Василиса — напуганная и расстроенная.

— Ну что ж, если дело разъяснилось... — нарушил молчание Мандигор. — Господин Огнев, вы можете занять свое законное место в Радосвете.

Нортон-старший кивнул и выпрямился. Внезапно его одежда с черной начала медленно меняться на белую, будто покрывалась иголочками инея. Вскоре он уже стоял в белоснежной мантии с воротничком-стойкой, глухо закрывающем горло, как и у остальных членов Радосвета. На ногах же его остались черные остроносые туфли: наверное, здесь была такая мода на обувь. Мандигор почтительно поднес белый жезл Огневу и тот принял его надменным жестом.

Озадаченная метаморфозой отца, Василиса и не заметила, как чья-то цепкая рука ухватила ее за плечо.

— Я позабочусь о девочке, — произнесла Елена сладким голосом. — Она должна отдохнуть после таких ужасных, таких невероятных приключений... В замке Черновод, семейном поместье Огневых, уже приготовлена для нее Зеленая комната.

— Погодите, — воскликнула темноволосая женщина, все это время хранившая угрюмое молчание, — я не видела имя девочки в списках первочасников! Неужели высокочтимый Огнев не желает обучить дочь часодейству?

— Только если она сама захочет, — невозмутимо ответил Огнев. — Она прожила всю жизнь на Остале, и учеба может повредить ее ослабленному здоровью. И еще... Неужели у Совета нет вопросов поважнее, чем забота о будущем моей дочери?

— Может, мы у нее спросим, желает ли она учиться? — продолжала настаивать госпожа Дэлш.

— Нет! — выкрикнула Елена. — Девочка не готова, — добавила она более спокойным тоном, — ей нужно лечение и покой...

— Мне не нужно лечение! — возмутилась Василиса, пытаясь высвободиться, но Елена крепко держала ее, будто бы опасаясь, что она вновь сбежит. — Я знаю, вы меня ненавидите... Отпустите меня!

— Все это очень странно, Огнев. — Госпожа Дэлш прищурилась, внимательно следя за выражением лица Нортон-старшего. — Почему ты не хочешь включать свою дочь в списки? Двое других твоих детей, как я слышала, давно заявлены.

— Она не будет учиться в Школе светлых часов! — громко и четко произнес Нортон Огнев. — Хотя бы потому, что я не провел для нее посвящения.

По залу пронеслись изумленные вздохи и восклицания.

— Ты не собираешься проводить посвящение для своей дочери? — Госпожа Дэлш не скрывала возмущения. — Но это же бессердечно! Сила может иссякнуть, если не давать ей выход... С такой высокой степенью твоя дочь более чем кто-либо имеет право быть часовщицей!

Люди на скамейках как будто пробудились ото сна. Черные и белые фигуры зашевелились, зашумели, удивленно перешептываясь, словно рой пчел пронесся по залу.

— Нет, почему же, — медленно произнес Огнев. — Когда-нибудь, через год, через два... Когда она выздоровеет, оправится от пережитого, от свалившегося на ее голову чужого мира...

— Ты не имеешь права забирать у нее столь высокий дар, — перебила госпожа Дэлш. — Но я знаю, почему ты хочешь так поступить!

Рука Елены так сильно вцепилась Василисе в плечо, что девочка вскрикнула.

Нортон-старший молчал, однако над белым воротничком по его шее пошли красные пятна.

— По какому такому праву ты смеешь судить о моих решениях, госпожа советница? — обратился он к темноволосой, повышая голос с каждым словом. — И все же я отвечу тебе: моя дочь не хочет быть часовщицей. Не правда ли? — И отец повернулся к Василисе.

Светло-серые глаза окинули ее насмешливым, презрительным взглядом: отец и все присутствующие в Лазоре замерли, ожидая ответа.

Василиса размышляла. Она совершенно растерялась и не знала, что же ей делать дальше. Кажется, у отца Ника случились из-за нее большие неприятности... Ему надо помочь! Но что делать, если она действительно не желает оставаться на Эфларе?

— Девочке надо отдохнуть, — вновь пропела Елена сладким голосом. — Она растеряна, подавлена и не совсем здорова...

— У меня отличное здоровье! — возмутилась Василиса, резко высвобождаясь из цепких пальцев Елены. — И я хочу быть часовщицей!

Последнюю фразу Василиса выкрикнула не задумываясь. Вот как-то неожиданно вырвалось, и все.

Летний лагерь, лица Лешки и строгой, но добродушной тренерши Ольги Михайловны начали таять, уплывая куда-то далеко-далеко под гром аплодисментов: трибуна, где стояла госпожа Дэлш, взорвалась овациями.

Елена же была готова испепелить Василису взглядом. А вот отец, как ни странно, усмехался.

— Раз Василиса Огнева выразила согласие, — медленно произнесла госпожа Дэлш, — я имею право включить ее в списки.

— Как угодно, — сухо заключил старший Огнев. — А теперь, когда, надеюсь, вопросов к моей дочери больше нет, разрешите ей отправиться домой. Где ее давно и с нетерпением ожидают брат и сестра.

Отец, больше не глядя на Василису, коротко кивнул Елене. Госпожа Мортинова легко поклонилась белоснежной лоджии. После чего резко шагнула к Василисе, обхватив девочку за плечи. Вокруг них вспыхнуло кольцо серебристого огня, закрывая их от окружающих... И они исчезли.

ГЛАВА 10 ЧЕРНОВОД

В туманной дымке бледных облаков скользила луна, отбрасывая дрожащие отблески на воду. Далеко-далеко, раскинувшись длинной полосой, красиво светились огни берега. Правда, очарование ночного моря Василиса наблюдала всего лишь через узкое окошко кареты. Да и полностью насладиться морским пейзажем девочка не смогла бы: напротив, откинувшись на мягкие подушки сиденья, полулежала госпожа Мортинова и не сводила с младшей Огневой пристального взгляда.

Карету вертело и шатало, поскрипывал дощатый пол под ковриком. Слышался близкий шум множества крыльев, и Василиса боялась предположить, кто же везет их по воздуху над темной водой.

— Это малевалы, черные тонкорogi, — словно угадав ход ее мыслей, произнесла Елена. — Карету тянут малевалы.

Василиса неопределенно пожала плечами: она не знала, как ей вести себя с Еленой. Глаза госпожи Мортиновой недобро сверкали в полутьме кареты, и, если бы не полет над бескрайним морем, Василиса давно рискнула бы выпрыгнуть на ходу.

— А ты меня удивила, — внезапно проговорила Елена. — Я думала, ты захочешь вернуться к прежней жизни, а ты полезла в самые дебри.

— Это почему же в дебри? — не удержалась Василиса.

Елена холодно улыбнулась, но не ответила. Закрыла глаза, словно потеряв к беседе интерес.

Но Василиса решила не отступать.

— А почему вы меня так ненавидите? — спросила она в лоб. — Это связано с моей мамой?

Ни один мускул не дрогнул на лице Елены, она даже не открыла глаз.

— Понятно, — как будто бы для себя сказала Василиса. — Вы давно уже влюблены в отца, а он предпочел другую, более веселую и красивую...

Договорить Василиса не успела: цепкие пальцы Елены быстро сомкнулись на ее горле и близко-близко засверкали льдисто-голубые глаза.

— Твоей матери давно нет в живых, — прошипела госпожа Мортинова, не ослабляя хватки. — А тебе лучше подумать о себе... Да, сейчас ты летишь в родовой замок, где уже готовят прекрасную комнату для маленькой госпожи, как здорово! Не переживай, у тебя все будет: и слуги, и шикарная одежда, изысканная еда, книги и настольные игры... Но из замка Черновод ты не выйдешь никогда.

Руки соскользнули с горла Василисы, и она смогла, наконец, глотнуть побольше воздуха.

— Но госпожа Дэлш записала меня в какую-то школу — тихо прошептала Василиса, когда вновь смогла говорить.

— Конечно, тебя свозят глянуть на школу, — отозвалась Елена. — Но без посвящения тебе нечего там делать, и госпожа Дэлш прекрасно это знает. Твой дар лежит в тебе, как в закрытом сундучке, и без ключа ты не сможешь им воспользоваться. Будь уверена, ты не станешь часовщицей.

Василиса промолчала: горло все еще болело.

Внезапно лицо Елены осветилось торжеством.

— Ну, конечно! — вскричала она. — Теперь я понимаю, почему Огнев медлит! Наверное, он хочет забрать твои крылья и отдать их Дейле. А даже если нет, я с радостью подскажу ему эту мысль.

— У меня нет крыльев!

— Как я могла забыть... — продолжала Елена, словно в полубытьи. — Можно передать часть своей силы любому кровному родственнику, но сделать это можно лишь до посвящения... Конечно, это незаконно, а еще очень-очень больно... Великолепный план! Без силы ты не будешь представлять ни малейшего интереса для Нортон. — Казалось, госпоже Мортинову сильно лихорадит. — Какая-нибудь болезнь для виду, никто не придерется... Бедняжка, не смогла вынести, так и не прижилась... и вот тогда...

— Мой отец не убьет меня, — испуганно прошептала Василиса.

— О да-а, он слишком щепетилен в таких вопросах. — Голубые глаза вновь приблизились к лицу девочки. — А вот я могу.

Воцарилось молчание.

Василиса не могла отвести глаз от лица Елены, в полутьме казавшегося жуткой маской.

Но госпожа Мортинова вновь стала безучастной.

— Подъезжаем, — произнесла она равнодушно и выпрямилась, расправляя складки дорожного платья.

Надо сказать, наряд был чудесный: голубой бархат платья, украшенный серебристо-черными оборками, — наверняка Елена очень богата, раз может так быстро менять наряды.

Елена бросила еще один презрительный взгляд на Василису, но внезапно ее губы расплылись в злорадной ухмылке. Она неожиданно резко вскинула руку и направила на девочку указательный палец, увенчанный длинным и острым серебристым ногтем.

Сначала Василиса почувствовала легкую дрожь, будто кто-то принялся быстро щекотать ее. Она опустила глаза и с изумлением увидела, как ее простая синяя футболка, а затем и джинсы меняются на что-то розовое и пышное в рюшечках и бантиках. У девочки зашевелились волосы на голове. Она подумала было, что это от страха, но оказалось, что темно-рыжие пряди Василисы действительно начали быстро переплетаться друг с другом, образуя довольно замысловатую прическу. Судя по удовлетворенному выражению лица Елены, выглядела Василиса очень смешно.

— О, сейчас спадет защита! — неожиданно пропела Елена, со злорадством наблюдая, как Василиса безуспешно пытается распутать волосы.

Услышав о защите, девочка прильнула к окну.

И тут же произошло чудо.

Край черного покрывала словно откинулся на миг, и через всю небесную темень прорезался великолепный, ярко освещенный огнями замок. Он поднимался прямо из воды, стены и башни его поблескивали красным, будто бы освещаемые лучами закатного солнца... Но когда они подлетели ближе, Василиса разглядела, что замок был построен из некоего ярко-красного, сияющего изнутри камня.

— Я хочу, чтобы ты хорошенько взглянула на замок твоего отца! — прошептала Елена Василисе прямо в ухо. — Черновод выдолблен прямо в громадном коралловом рифе... Очень дорогой часодейный проект — полвека строили!

Карета понеслась вдоль красной стены, мимо тонких и узких башенок со светящимися оконцами. После чего промчалась над пристанью, возле которой покачивалось на воде несколько десятков пришвартованных кораблей. Паруса их были спущены, а на мачтах развевались разноцветные флаги.

«Интересно, — подумала Василиса, — Ник бывал в Черноводе? Ему бы здесь так понравилось...»

— А вот и дом родной, — ехидно прошептала Елена.

Василиса глянула в окошко и обмерла: карета, не сбавляя хода, неслась прямо на кованые, наглухо закрытые ворота. Они же сейчас разобьются!

Госпожа Мортинова с усмешкой наблюдала за Василисой, а та не могла оторвать взгляда от приближающегося препятствия. И вот, когда столкновение казалось неизбежным, ворота расплылись в воздухе. Карета проскочила сквозь них, словно через туман.

Ну конечно, карету же тонкорогии тянут, только черные... Василиса подумала, что случилось бы, если бы такие животные водились в ее мире, на Земле, то есть на Остале. Это была бы катастрофа, ужас! Над головой летели бы тысячи карет, зато дороги стали бы наконец сугубо пешеходными.

Их же карета сделала большой скачок, жалобно скрипнув рессорами, дернулась несколько раз, замедляя ход, и остановилась.

— Твой выход, — произнесла Елена.

Василиса не заставила себя упрашивать и, распахнув дверцу, выпрыгнула из кареты. Елена не спеша вылезла вслед за ней, расправила платье, коснулась прически, любясь в зеркало, возникшее неизвестно откуда. Вокруг было полутемно и сыро, словно в подzemелье. Василиса же всю разглядывала черных тонкорогов: те грозно вздували желваки под тонкими скулами и нетерпеливо били копытами, искрящимися в золотой пыли. Один из зверей глянул на девочку злым желтым глазом и громко всхрапнул, словно простая обеспокоенная лошадь. Василису это особенно восхитило: ей вдруг остро захотелось прокатиться на резвом и злобном малевале.

Но Елена хлопнула в ладоши, и карета исчезла вместе с тонкорогам и зеркалом.

Она еще раз хлопнула в ладоши.

В глаза ударил яркий свет тысячи канделябров, свисающих с потолка хрустальными гроздьями. Стены из камня были покрыты дорогими ткаными гобеленами и картинами в огромных золотых рамах, пол под ногами переливался разноцветной мозаикой.

Неожиданно зазвучала тихая торжественная музыка, и Елена в очередной раз схватила Василису за плечо. Они двинулись вместе по длинной изумрудной дорожке ковра, тянувшейся через весь зал к трем пустующим креслам с высокими спинками. Издалека казалось, будто те сделаны из чистого серебра. Позади кресел находилась потрясающая картина: огромный диск луны и черные ветви ивы на его фоне.

Возле серебряных кресел Елена резко остановилась, заставив проделать то же Василису, и замерла.

— Троны Триады, — прошептала она, словно в забытии. — Наш великий Орден...

Подумать только, я двенадцать лет не была здесь!

Она вдруг крепко сжала руку Василисы и свирепо взглянула на девочку, словно та была виновата в том, что Елена не была здесь целых двенадцать лет.

Мортинова вновь потащила Василису за собой. Они обогнули троны и приблизились к картине на стене, оказавшейся мозаикой, составленной из маленьких кусочков стекла.

Госпожа Мортинова аккуратно нажала на некоторые из камешков — по-видимому, в определенном порядке. Внезапно в картине, осыпаясь мелкой стеклянной крошкой, прорезалась прямоугольная дыра в человеческий рост, как бы приглашая войти. Елена еще большее стиснула плечо Василисы, увлекая за собой внутрь.

Женщина и ее маленькая пленница долго шли по узкому каменному тоннелю, похожему на звериную нору, на стенах неярко светили факелы в железных кольцах, остро пахло гарью.

Казалось, тоннелю не будет ни края ни конца.

Мрачный коридор неожиданно закончился изящной витиеватой лестницей, ведущей высоко вверх. Ступеньки были полупрозрачными, изнутри исходил слабый, льющийся откуда-то свет, а по перилам вились, как живые, каменные цветы и листья, переплетаясь в причудливом узор.

— Как же здорово! — вырвалось у Василисы.

— Начинаются жилые покои, — ответила на это Елена. — Только для высших часовщиков. Простые люди здесь долго не задерживаются.

На ее лице отразилась неприятная ухмылка, которая совсем не понравилась Василисе.

Поднявшись по удивительной лестнице, они оказались в круглом зале, посреди которого возвышался на постаменте круглый бассейн с фонтаном. На бортике, выложенном синей мерцающей плиткой, весело играли огни. А в непроницаемо черной, переливающейся, словно шелк, воде лениво плескались девушки со странной полупрозрачной кожей. Завидев Елену с Василисой, они подплыли к бортику, с любопытством разглядывая прибывших. Волосы девушек шли по голове ровными и густыми рядами косичек, зелеными змейками спускаясь к плечам и полностью исчезая в черной воде. Василиса поежилась: в неестественно круглых, словно рыбьих, глазах купающихся застыли тоскливые огни, а лица выглядели довольно угрюмо для девичьих.

— Это вода из источника, бьющего глубоко под землей, — неожиданно произнесла Елена. — Именно из-за него замок твоего отца называют Черноводом. И только в подобной чародейной воде можно содержать русалок в неволе.

Как бы в подтверждение этих слов, одна из девушек резко всплеснула хвостом, забрызгав остальных. Русалки мгновенно отвлеклись на игру: начали гоняться друг за другом, плавая, как рыбы, и хохоча, словно дети.

Елена брезгливо поморщилась:

— Глупые эфирные создания.

Василиса же во все глаза разглядывала настоящих русалок, гадая, сколько еще чудес таит в себе отцовский замок. Но Елена не хотела задерживаться возле бассейна и вновь потащила ее за собой.

Одна из русалок сделала странный знак рукой, по-видимому пытаясь привлечь внимание девочки. Василиса решила в ответ кивнуть как можно участливей. Русалка расстроено плюхнулась на спину и резко ушла под воду. Наверное, бассейн был очень глубоким.

Елена, протащив Василису по бело-золотой дорожке еще одного коридорчика, наконец-то остановилась перед маленькой овальной дверью.

* * *

В полутемной комнате, повернувшись к окну и заложив руки за спину, стоял человек.

В толстых и высоких подсвечниках, расставленных по углам, сами собой вспыхнули

яркие живые огоньки. Человек возле окна повернулся, и Василиса мгновенно узнала отца.

— Вот девчонка, — произнесла госпожа Мортинова. — Как видишь, в целости и сохранности.

— Я потрясен твоим самообладанием, Елена, — иронично произнес Нортон-старший, с некоторым удивлением разглядывая Василисин наряд. — А теперь, прошу тебя, оставь меня с дочерью наедине.

Елена недовольно поморщилась, коротко присела в реверансе и, даже не взглянув на Василису, вышла.

— Итак, ты опять дома, — медленно произнес отец.

— К сожалению, — буркнула Василиса, чувствуя, что опять начинает краснеть. Что бы она сейчас ни отдала, чтобы оказаться перед зеркалом и посмотреть, что сотворила с ней Елена.

— Надеюсь, ты уже поняла, что побег из дома был подстроен, — вел дальше Нортон-старший. — Марк, чудный малец, внушил тебе, что требуется; ты поверила: дома угрожает смертельная опасность. И, умница, воспользовалась часолетом, подаренным тебе Эриком. Простодушный сынок Лазарева помог тебе переместиться, как я и предполагал. Дальше все пошло как по маслу: ты проникла с новыми друзьями в Ратушу и тебя, наконец, засекли Хватким вихрем.

— Не может быть. — Василиса была серьезно потрясена ролью Эрика. А она-то думала...

Как же это подло!

— Я тут же предъявил Лазареву обвинение, — продолжил отец скучающим тоном. — Но он не мог поверить в свое бесславное поражение. К счастью, он связался с сыном по инерцииоиду на глазах у всего Лазоря и обнаружил там тебя! — Отец довольно хмыкнул. — Так получилось, что благодаря высокой степени кое-кого я смог войти в Радосвет без особых проблем да еще устранить своего врага — Лазарева. В общем, я тебе благодарен вдвойне. Спасибо, дорогая.

— Не за что, — кисло произнесла Василиса. Она так устала от всех этих сложных интриг и странных загадок, что мечтала только об одном — о возможности выпастись, а уж завтра будь что будет.

Но, как видно, это не входило в планы Нортон-старшего.

— Я тебе это рассказываю не просто так, — с усмешкой сказал он. — Видишь ли, я не намерен делать тебя часовщицей, но госпожа Дэлш считает иначе. Сегодня в полночь я вынужден дать праздничный ужин: якобы в честь моего назначения... Конечно, мне пришлось пригласить весь Радосвет. Госпожа Дэлш ни за что не опустилась бы до того, чтобы принять мое приглашение, но тут... — Отец вновь усмехнулся. — Видишь ли, она согласилась. Причина ясна?

— Не совсем, — уклонилась Василиса.

Нортон-старший притворно вздохнул.

— Причина — это ты, — жестко сказал он. — Госпожа Дэлш пожелает узнать, все ли с тобой в порядке. Поэтому ты обязана присутствовать за праздничным столом и делать вид, что все хорошо.

— А если все не хорошо? — спросила Василиса.

— Все отлично! — резко произнес Нортон-старший. — Если тебя спросят, отвечай, что не хочешь быть часовщицей и желаешь вернуться на Осталу. Что тебя пугают люди с крыльями и вообще тебе здесь очень страшно.

— А если я не буду говорить такую чепуху?

— Тогда после ужина мне придется закрыть тебя в Одинокой башне... И будешь ты жить там долго-долго и совсем не счастливо. А Радосвету я скажу, что моя дочь серьезно заболела и в любом случае не может учиться в часовой школе. Не выдержала, сломалась, испугалась...

Василиса, не снеся холодного отцовского взгляда, уставилась в окно, на витраж из

цветного стекла.

Похоже, она уже в какой-то башне. Эта комната была маленькой и очень зеленой: одеяло, скатерть на низком столике и круглый коврик — все излучало яркий изумрудный свет, словно трава на летней лужайке. В углу стояло зеркало на ножках, в овальной раме, выложенной мерцающими в полутьме драгоценными камнями, тоже зелеными.

— Я скажу Елене, чтобы прислала девочек, они помогут тебе нарядиться и проведут в праздничный зал. Сама ты, конечно, заблудишься... Надеюсь, тебе больше не придет в голову убежать. — Нортон-старший неизвестно чему улыбнулся. — Без часодействия ты не сможешь покинуть пределы замка.

Василисе подумалось, что в этот раз действительно убежать не удастся. Да и куда?!

— К сожалению, — повел дальше Нортон-старший, — я должен покинуть вас, мисс. До вечера.

— Я тебя так ненавижу, — процедила Василиса.

Нортон-старший улыбнулся:

— Очень на это надеюсь.

Он круто развернулся, шагнул к зеркалу на ножках и вдруг исчез.

Пропал, оставив Василису в полном замешательстве, — ей показалось, что фигуру отца поглотило зеркало.

Осторожно приблизившись, Василиса долго разглядывала зеркальную поверхность и, постучав пальчиком, нашла ее весьма твердой.

И вот тогда она увидела себя.

— О-о-ох...

Ее густые рыжие волосы были скручены в замысловатые кольца и косички, а на голове царил немыслимый беспорядок. Такие расфуфыренные прически Василиса никогда раньше не видела. Хорошо, хоть заколка с синим цветком — подарок отца — оставалась на голове, хоть и смотрелась чересчур изящно на таком бедламе.

Платье выглядело еще ужаснее: пышная юбка, рукава с кучей фонариков и везде бантики и цветочки разной формы. Сразу стало жарко и неудобно.

После недолгих поисков Василиса поняла, что другой одежды в комнате нет. Кроме того, она плохо представляла, как избавиться от тугой шнуровки из розовых лент на спине. Ужас! Видел бы ее Лешка в таком наряде — со смеху лопнул бы...

Вспомнив о друге, Василиса горестно вздохнула, подошла к кровати, стоявшей прямо возле окна, и плюхнулась с размаху на зеленое атласное одеяло.

Отдыхать, как ни странно, не хотелось. Мысли спутались, упрямо не желая складываться в связную картинку. Но кое-что девочке представлялось очень даже ясным: из-за нее арестовали отца Ника, благодаря коварному плану Нортон-старшего... И теперь Фэш думает, что она тоже очень виновата. Мальчишка наверняка горит мстью...

Василиса вскочила. Надо получше осмотреть комнату вдруг найдется хоть какая-нибудь лазейка?

Она подошла к столику. На нем стояло большое серебряное блюдо, накрытое зеленой салфеткой. Едва глянув на него, Василиса почувствовала зверский голод: пирожки, конечно, были вкусные, но ими не очень-то наешься. Да и после сегодняшних приключений есть захотелось еще больше. Вот бы сейчас жареной картошки с грибами! Хотя, пожалуй, она бы обрадовалась любому блюду... Девочка решительно сдернула салфетку.

Каково же было удивление Василисы, когда под ней обнаружилось именно то, что она хотела: на блюде возвышалась аппетитная горка хрустящего картофеля в окружении тушеных белых грибов. А рядом находились столовые приборы. От блюда шел необыкновенный аромат, и Василиса решилась.

Столик оказался низковат, пришлось усесться возле него, скрестив ноги по-турецки. Ну, это ничего... Главное, что ее голодом морить не собираются.

После еды захотелось пить, но ни кувшина, ни графина рядом не было. А Василиса не отказалась бы, например, от лимонада. Девочка со вздохом накрыла пустое блюдо

салфеткой.

Вдруг под салфеткой что-то звякнуло. Василиса сдернула ее и ахнула: на блюде стоял прозрачный хрустальный бокал, до краев наполненный газировкой с шипящими пузырьками. Василиса попробовала: лимонад! Удивительная вещь — о чем ни подумаешь, то и появляется... Ну а мороженое, обязательно сливочное, политое шоколадным сиропом! С одной, нет, двумя вишенками... Именно такое лакомство и обнаружила Василиса под зеленой салфеткой, в запотевшей от холода вазочке, со взбитыми сливками и двумя вишенками сверху. Здорово! Неужели все можно получить? Ну, хорошо, а если... Бляц! Сверху на салфетку упала небольшая серебряная табличка, на которой чистейшим русским языком было написано:

«Особам, не достигшим совершеннолетия, алкоголь запрещается».

Прочитав ее, Василиса тут же залилась густым румянцем — хорошо, что никто не видит ее эксперименты.

Ради интереса она еще попробовала заказать у волшебного блюда по очереди шариковую ручку, морскую ракушку, небольшую гантель, раскладной нож, трикотажное платье (вместо этого ужасного), живую черепаху и мобильный телефон. Но всякий раз серебряное блюдо оставалось пустым под крышкой.

Зато горячий бутерброд с колбасой тут же появился. Пришлось прекратить всякие попытки вызвать несъедобную вещь.

Бутерброд уже не лез, поэтому Василиса оставила его на блюде, а сама растянулась на кровати. Да, после еды думалось намного веселее.

Цветные витражи тускнели: за окном наступали сумерки.

Неожиданно в подсвечниках, расставленных по углам, зажглось еще больше огней, дополнительные свечи появились неизвестно откуда. Василиса даже не вздрогнула, начинала потихоньку привыкать к необычному и странному. Веки у нее слипались, и хотелось спать, несмотря на туго стянутое корсетом платье.

И тогда зазвонил мобильный.

ГЛАВА 11 ОПЯТЬ БЕЖАТЬ

Мигом вырвавшись из ленивого полусна, Василиса в один прыжок вскочила на ноги. Мобильник продолжал настойчиво играть мелодию из мультика про Простоквашино.

Прошла целая вечность, пока Василиса сообразила, что телефон находится в кармашке-сумочке, затерявшемся между складок платья. Как это могло произойти? Скорее всего, когда ее одежда превращалась в платье, мобильник перекочевал в сумочку из заднего кармана джинсов.

— Алло! — Василиса наконец раскрыла телефон.

— Василиса? — обрадовался в трубке Лешка.

— Лешка!!! Как ты смог позвонить?

Телефон молчал.

— Лешка! Ты где?... Эй! Ну где же?!

Когда Василиса совершенно отчаялась услышать ответ, мобильный вновь ожил:

— Нормально смог позвонить. Я тебе и раньше звонил, а ты не отвечала... Где ты есть?

— Леш, ты не поверишь, но я... — начала Василиса и запнулась. — Не знаю, как тебе сказать... погоди, ты здесь?

Девочка задумчиво оглядела мобильный. Ее внимание тут же привлекли цифры на экране: «21.27.01» — время не двигалось.

Василиса не сводила с телефона глаз. И вдруг отсчет времени вновь начался! Полетели в пространство секунды, и в мобильном вновь зазвенел Лешкин голос:

— Здесь я! Давай определеннее говори, у меня мало денег на счету...

— Я в другом мире, в замке у своего отца, — быстро произнесла Василиса. — Понимаешь, это как на другой планете... Я не знаю, как объяснить, я даже не могу понять, как ты смог дозвониться. Тут много часовщиков и есть феи, наверное... И еще, здесь у некоторых людей имеются крылья... Здесь умеют управлять временем! И даже наш с тобой разговор идет с перерывами, будто ты в прошлом, а я в будущем. А может, и наоборот, я еще не понимаю. Но это все часодейство — волшебство такое...

— Чего-о? — после паузы ровно в двадцать две секунды растерянно произнес Лешка. И быстро добавил: — Василис, что с тобой происходит, а? Тебе какие-то таблетки дают, что ли? Ты что несешь?!

— Лешка, помоги мне отсюда выбраться! — прокричала Василиса в трубку, но мобильник ответил гудками: связь оборвалась.

Ну почему так не везет? Ее пальцы запрыгали по кнопкам, набирая Лешкин номер, как вдруг за спиной девочки раздался оглушительный грохот.

Василиса едва успела отскочить в сторону: цветные витражи окна брызнули разноцветным водопадом, пропуская крылатую тень.

— Клянусь крыльями учителя, досадная ошибка...

Огоньки в свечах вспыхнули ярким пламенем, освещая лицо Фэша — недовольное и озабоченное, и Ника — бледное и взволнованное.

Фэш взмахнул правой рукой, проделав хитрую восьмерку в воздухе, — осколки поднялись, перемешались, складываясь в потревоженную картинку витража, и вскоре вновь стали единой композицией.

Василиса невольно восхитилась. Наверное, Фэш опять смоделировал будущее витража, убрав из судьбы бедного стекла момент разбивания. Интересно, это сложный процесс?

Девочка успела заметить, как сверкнула золотая часовая стрела, вновь обвиваясь вокруг запястья мальчика.

— Ну, еще раз здравствуй! — поприветствовал Ник и чуть улыбнулся.

Василиса заметила, что его веселые глаза немного подпухли и под ними пролегли темные тени. Наверняка плакал из-за отца...

— Ну и платье! — Фэш покосился на Василисин наряд. — А волосы! Ха-ха...

— Как вы меня нашли? — пробурчала Василиса, отступая к зеркалу. — И что вам надо?

— Сама любезность, — хмыкнул Фэш.

Василиса немного растерялась: на лице мальчишки не было выражения симпатии, но и убивать ее, как обещал, он не спешил.

— Как вы сюда попали? — вновь спросила Василиса, не спуская глаз с Фэша.

Ребята переглянулись.

— Э-э, вообще-то... — начал Ник и замолк.

— Я подложил тебе «мотылька», — договорил за него Фэш. — Такой крохотный маячок, сообщающий твое местонахождение.

— Как это? — ахнула Василиса. — Когда?!

— Когда мы шли в Лазорь, я сделал вид, что толкаю тебя. — Фэш насмешливо улыбнулся. — Вот тогда и нацепил.

Василиса досадливо закусил губу.

— Не переживай, сейчас заберу. — Фэш шагнул к ней, но Василиса тут же отпрыгнула в сторону.

— Не подходи!

Девочка выставила вперед кулаки, как учил Лешка.

Фэш удивленно взирал на ее боевую стойку.

— Ник, можно один маленький урок часодейства, а? Чуть-чуть...

— Не надо, — ровным голосом произнес Ник. — Василиса, успокойся и выслушай нас.

— И поскорее, Белорожку скоро надоест кружить вокруг замка, — добавил Фэш. — Он

терпеть не может малевалов, а их тут сотни... Намечается праздничный ужин, много гостей, не так ли? Твой отец вошел в состав Радосвета, такое великое событие! — Он скривился.

— Василиса... Ты прости нас, что мы тебе не верили, — быстро произнес Ник. — Ну, насчет степени высшей. Понимаешь, не каждый день встречаются часовщики с такой вот степенью. Я, например, мечтал бы о любой степени, ну хотя бы...

— Ник, ты давай покороче, — резко перебил друга Фэш. — Если нас обнаружат здесь, нам очень не поздоровится. Говори по делу и уходим.

— Да, верно... — согласился Ник. — В общем, ты должна пойти с нами.

— Куда? — опешила Василиса, но руки опустила.

Мальчишки не нападали, даже Фэш вел себя более-менее нормально. Может, они действительно хотят ей помочь?

— Василиса, мой отец кое-что рассказал нам. В общем, извини, что я... Ну, что мы...

— Хорошо, все в порядке, — поспешила заверить Василиса. — На тебя я совсем не злюсь. — Она сделала особенное ударение на «тебя».

Фэш демонстративно закатил глаза к потолку, но промолчал.

— Хорошо, — облегченно вздохнул Ник. — Понимаешь, я же не знал, кто ты такая, и думал, что ты наврала про высшую часовую степень... А ведь это очень, очень круто! Ты можешь стать очень сильной часовщицей.

— Я же сказала, что не хочу этого! — зло выкрикнула Василиса. — Я хочу вернуться в родной мир! Где нет отца, Елены и ужасных замков с одинокими башнями...

— Ну ладно, ладно, разберемся, — протянул Ник, слегка ошеломленный ее реакцией. — Надо сказать, что твои родственники, конечно, те еще гады. Но Черновод, или Воздушный замок, или замок Рубиновый Шпиль, или... В общем, они не заслуживают твоего обвинения. Они совсем не ужасные. Наоборот, это великолепные, сложные и интересные строения! Я буду строить такие замки, если мне когда-нибудь разрешат. И если с Эфларой ничего не случится в ближайшем времени.

Ник нахмурился.

— Вообще-то на Остале тоже есть много красивых замков, — сказала ему Василиса. Она чувствовала себя неловко, что накричала на него.

— Ладно, это сейчас неважно, — махнул рукой Ник. — Отец сказал, что мы с Фэшем обязательно должны взять тебя в наше секретное путешествие к феям и помочь получить посвящение... Чтобы ты смогла стать часовщицей в обход желаний своего отца.

— Какое еще путешествие?!

— Василиса, давай потом, — сдался Ник. — Нет, погоди, почему ты решила, что Остала — твой родной мир?

— А разве не так?

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Так как? — поторопила Василиса. — Ник, что ты знаешь?

— Я ничего не знаю, — сказал Ник, отводя глаза. — Может, мой отец что-то знает... Сейчас он, сама понимаешь, немного занят своей судьбой: доказывает, что не имел причастности к твоему похищению.

— Ты думаешь, ему удастся? — с надеждой спросила Василиса.

— Конечно, — кивнул Ник. — Просто на это уйдет время, и кто знает, что успеет натворить твой отец... Ведь благодаря тебе, ну, то есть твоей высшей степени, он теперь состоит в Радосвете. А все знают, что амбиции у него — ого-го! И что он вроде бы связан с Духами...

Ник почему-то оглянулся на Фэша.

Тот постучал по циферблату часового браслета, намекая, что пора закругляться с беседой.

— Но все-таки, — осторожно начала Василиса, — ты что-то знаешь про меня, а?

— Потом, — повторил Ник. — В общем, тебе нужно посвящение, чтобы стать полноправной часовщицей... Послушай, сначала разберись, что это такое, а потом уже

отказывайся! — видя, что Василиса пытается ему возразить, прикрикнул Ник. — Мой отец не стал бы говорить зазря. Он настаивал, что тебе обязательно нужно идти с нами.

— А что это за путешествие, куда?

— Долго объяснять... В общем, к феям. Ты должна попросить у них посвящение для себя. Я бы так хотел стать часовщиком, хотя бы с самой маленькой степенью... Ну, неважно. — Ник смутился. — А Фэш должен...

— А вот это мое дело, — вмешался Фэш. — А ты бежишь с нами или остаешься здесь, в змеином гнезде. Не знаю почему, но отец Ника уверен, что тебе угрожает опасность. Поэтому он попросил взять тебя с собой, даже если ты не захочешь.

И Фэш, склонив голову прищурился. Василиса еле удержалась, чтобы не ответить ему со всей злостью, но вместо этого она спросила у Ника:

— Как там твой отец?

— Плохо, — ответил тот. — Меня почти сразу отпустили, а вот отец... под арестом. Наверное, ненадолго... Он так состарился...

— Но ему вернут молодость? — забеспокоилась Василиса.

— Да, если оправдают. У нас старят людей, чтобы они не смогли убежать до суда.

— Мы вернемся с Ключом и потребуем освободить его! — вскинулся Фэш. — Если повезет, ты станешь часовщиком, и все будет хорошо. Коварный план Огнева раскроют и твоего отца оправдают, обязательно.

— Я надеюсь, — вздохнул Ник и тут же встрепенулся: — Но зато я увидел Черновод своими глазами! Сама понимаешь, я бы не смог прийти сюда просто так...

— Если тебя здесь увидят, то арестуют! Вряд ли это поможет твоему отцу...

Ник обеспокоенно кивнул и продолжил:

— Василиса, ты едешь с нами или остаешься? Подумай, это сложное решение. Но лучше побыстрее... Ты обязательно должна пойти к феям. И здесь тебе угрожает опасность.

Василиса незаметно вздохнула. Опять ей что-то там угрожает. Честно говоря, если побег не удастся, ее сразу засадят в Одинокую башню. Кроме того, на праздничном ужине была надежда поговорить с госпожой Дэлш и попросить у нее помощи. А что Василисе ждать от Ника и его наглого друга-часовщика? Ребята сразу не поверили ей, да и неизвестно, доверяют ли теперь. Ник всего лишь выполняет просьбу отца...

— У нас нет времени, — нарушил ее раздумья Фэш. — Из-за тебя арестовали невинного человека, а ты еще думаешь!

Он резко шагнул к растерявшейся Василисе, намереваясь схватить ее за руку, но ему помешали: овал зеркала тихо зазвенел, засеребрился, словно покрывшись сеточкой инея...

— Опоздали, сюда идут! — Фэш стрелой кинулся к Нику и быстро обнял его за плечи. Шевельнулись крылья у него за спиной и разом накрыли их, пряча от глаз: мальчишки стали невидимы.

— Выдашь нас — убью! — прошипел из пустоты Фэш.

Василиса только глазами хлопнула.

Между тем из зеркального овала действительно пожаловали гости. Первой вышла ухмыляющаяся золотоволосая девица лет четырнадцати, в длинном голубом платье, за ней вылезла хмурая Дейла в похожем красном наряде. А за ними, как горох из стручка, посыпалась целая стайка девочек со сложенными на груди ладонями и опущенными глазами, как будто они все собирались молиться. Девочки выстроились шеренгой, не меняя позиции рук.

— Вы кто такие? — ошеломленно спросила Василиса. Против воли она скосила глаза налево, где только что стояли мальчишки.

Золотоволосая девица не спешила с ответом. Дейла молчала, разглядывая сестру с безучастным видом. «Что-то не сладко ей в роли часовщицы», — неожиданно подумалось Василисе.

— Вот это пугало — дочь Огнева? Кошма-ар...

Золотоволосая поджала розовые губки бантиком. Дейла тут же насмешливо

скривилась, а вот остальные девочки молчали, будто набрали воды в рот. Но исподтишка кидали на Василису любопытные взгляды. Василиса подметила, что хоть они были нарядно одетые, но платья их были попроще, чем у Дейлы и этой блондинистой задиры.

— Я так и думала, — продолжила золотоволосая низким, немного жеманным голосом. — Незаконный переход с Осталы не проходит бесследно. Что с твоими волосами? Кошма-ар...

Невольно Василиса бросила взгляд в зеркало и про себя охнула: бледная, растрепанная, дурацкое платье помялось. А проклятая прическа еще и в сторону съехала. В эту минуту девочка пожалела, что она не часовщица и не может вернуть зачесованные волосы в нормальный вид.

— Меня зовут Маришка, — между тем представилась золотоволосая. — Маришка Резникова. Признаться, я давно хотела с тобой познакомиться. Все уши прожужжали, что у одной из Огневых — высшая степень... А в каком бешенстве наша Елена! Она тебя не любит. Это странно, потому что ты такая смешная! — И она заливисто расхохоталась.

Девочки, кроме нахмурившейся Дейлы, начали вторить ей.

Василиса разозлилась:

— Познакомилась? Теперь проваливай.

— Как это «проваливай»? Кошма-ар... — Маришка сделала вид, что обиделась, — опять надула губки. — Мы должны провести тебя в праздничную залу. Ты пока не часовщица, и потому не можешь перемещаться по зеркальному пути. М-да, но в таком виде...

— Я не пойду с вами на ужин.

— Придется моим девочкам тобою заняться, — вздохнула Маришка и уселась на неизвестно откуда взявшийся стульчик, обитый розовым бархатом. Она небрежно махнула рукой, и девочки мгновенно кинулись к Василисе. Но последняя оказалась проворней — в два шага заскочила на подоконник.

— Не приближайтесь ко мне, а то я не знаю, что сделаю!

Опершись спиной на цветное стекло, еще недавно рассыпавшееся осколками, Василиса с победным видом взираала на растерявшихся девочек.

Маришка недоуменно подняла бровь, покосившись на Дейлу. Та пожала плечами, закатив глаза к потолку: мол, я же тебе говорила.

Но Маришка быстро справилась с собой.

— Ты ведешь себя, как дикарка, — медленно произнесла она, приподнимаясь. — Наверное, потому Огнев не разрешает тебе пройти посвящение... Ты прямо как медвежонок в цирке, ко-ошмар-р.

Девочки опять захихикали, но тут же смолкли под рассерженным взглядом Маришки.

— Кукла разряженная! — огрызнулась Василиса. — Барби!

На лице Маришки появилось озадаченное выражение:

— Кто-о?!

— Это куколки такие, — неожиданно подала голос Дейла. — На Остале ими все девочки играют.

— Я не знаю, чем там играют на Остале, — рассерженно произнесла Маришка. — Но ты поосторожнее со словами, рыжая...

— Дылда! — Василиса еле сдерживалась, чтобы не нагрубить похуже: девчонка не нравилась ей со-вер-шен-но! Поэтому она добавила, подражая голосу золотоволосой: — Здоро-овая-прездоро-овая дылда, ко-ошма-ар-р...

Девочки-горничные тихонько захихикали, будто мышки запищали, и Маришка по-настоящему обозлилась.

Она в один миг вскочила с розового стульчика, в ее руке вспыхнула золотая стрела:

— Я тебе покажу, как обзывать!

Василиса испуганно следила за острием стрелы, уже начавшей непонятное вращение.

И тогда вдруг виски вспыхнули болью. Василиса охнула и осела вниз: казалось, внутри

головы разгорается пожар.

Однако на лице Маришки появилось недоуменное выражение: девчонка растерянно взглянула на стрелу в своей руке, а после стала вращать ею быстрее.

Боль в голове, наоборот, уменьшилась и вскоре затихла. Но от перенапряжения Василиса осела на подоконник.

Маришка вновь вскинула часовую стрелу.

— Хватит!

Василиса нервно оглянулась и замерла: в двух шагах от нее стояли Фэш и Ник — абсолютно видимые. Фэш не вытащил стрелы из браслета, но вид имел довольно решительный.

— Ну и ну, — коварно улыбаясь, произнесла Маришка. — Оказывается, младшая Огнева не так проста, как на первый взгляд. У нее тайные гости! И какие...

— Не приближайся к фейре, — медленно произнес Фэш.

И тогда произошло невероятное. Василиса едва уловила движение Дейлы, потянувшейся к своему часовому браслету, и легкое движение головы Фэша... И вот уже Дейла медленно, словно во сне, начала оседать на пол. Девочки столпились возле зеркала, испуганно глядя на часовщика, и вдруг замерли. Застыли, словно статуи в музее.

Василиса хотела соскочить с подоконника, но это удалось ей с большим трудом, будто она перемещалась в густом желе.

— Ты незаконно остановил время, — спокойно сказала Маришка. — А еще напал на часовщицу Дейлу Огневу.

— Я защищался, — в тон ей ответил Фэш. — Кроме того, мне не нравятся все Огневые.

Маришка хмыкнула.

— Со мной будет не просто справиться, — невозмутимо улыбнулась она. Стрела в ее руке давно была нацелена на Фэша. — Я все-таки не зря считаюсь лучшей из часовщиц...

— Угу... быть лучшей и быть любимицей — разные вещи. — Фэш пристально следил за девчонкой. — Ник, будь за мной.

Ник, высунувшийся из-за его плеча, растерянно отступил.

— Одно движение, и твой дружок ремесленник тут же окочурится. — Голубые глаза Маришки переместились на Ника. — Кто-кто, а я целюсь наверняка, ты знаешь.

— Особенно, когда помогают! — не сдержавшись, гневно выпалил Фэш.

Василиса, испуганно замерев на подоконнике, видела, что девчонке удалось его разозлить.

Маришка тоже это поняла.

— А, ты о проигранных соревнованиях, — пропела она сладким голосом, вмиг напомнив Василисе Елену. — Что делать, ЗлатоКлюч и Хрустальный Ключ достались лучшим ученикам Школ.

— Любимчикам, — процедил Фэш и крепче сжал стрелу, направив точно на Маришкину голову. — Но мы еще посмотрим, удастся ли Ордену протащить в Часовой Круг лишь своих. Феи и люты не сказали еще своего слова... Наверняка у вас в руках совсем бесполезные Ключи.

Глаза у золотоволосой сузились. Василиса видела, что девчонка что-то собиралась ответить Фэшу, но опять сдержалась, лишь чуть скривила губы. Кажется, между этими ребятами свои давние счеты, но что именно происходит, Василиса перестала понимать абсолютно.

— Я не знаю, какой у тебя здесь интерес, — произнесла Маришка, насмешливо покосившись на Василису. — В любом случае, вам отсюда не выбраться. В ЧерновODE куча охраны — гости собираются на праздничный ужин, много часовщиков...

— Не твое дело, — отрезал Фэш. — Мы спешим, поэтому предлагаю разойтись миром: я не скажу, что ты напала на фейру, а ты...

— Неужели ты думаешь, я пропущу такую удачу? — перебила его Маришка, ехидно улыбаясь. — Фэш, против тебя ничего не имею... Но ты выбрал плохую компанию, я давно

тебе говорила.

— Позволь мне самому об этом судить.

— Послушай, — вкрадчиво начала Маришка, — раз нам довелось увидаться перед Часовым Кругом, я попытаюсь еще раз уговорить тебя: попроси прощения у Марка и учителей. И тебе простят бегство к феям. — Девчонка насмешливо прищурилась. — Ключником ты уже не будешь, но ты сможешь вернуться в Школу темночасов.

Фэш тоже усмехнулся.

— Переживаешь, что я все-таки стану ключником? Правильно делаешь.

Красивые голубые глаза девчонки гневно сверкнули.

— Я ничего не боюсь, понял? — процедила она. — Лазарев хочет обмануть тебя и отдать Ключ, за которым ты идешь, своему бездарному сыночку ремесленнику!

— Не слушай ее! — не выдержал Ник и высунулся из-за спины Фэша. — Она все врет!

Волнуясь, он сделал шаг вперед и...

— Назад!!!

Василиса увидела, как стрела Маришки, нацелившись на Ника, провернула стремительную спираль.

Ник замер, широко раскрыв глаза. Удивленно, как будто не понимая, что происходит, посмотрел на свои руки, поднес их к лицу. Потрогал щеки, глаза, уши.

— Не может быть...

— Что случилось? — выкрикнула Василиса.

— Он немеет, — беспристрастно сказала Маришка.

Фэш сильно побледнел.

— Ты... ты что наделала?! — На его лице читался неподдельный ужас. — Ты за это серьезно ответишь...

— Он хотел напасть на меня, — спокойно сказала Маришка. — И мне пришлось зачасовать его. А ты напал на Дейлу... и тебя сейчас арестуют.

— Ник не собирался на тебя нападать!

Растерянность Фэша сменилась гневом, он быстро вызвал стрелу и метнулся к Маришке. Но девчонка молнией бросилась к зеркалу и, вытянув ладошки, прыгнула рыбкой, лишь мелькнули под подолом серебряные башмачки с длинными носами.

Зеркало поглотило ее в один миг.

— Ник! — Василиса спрыгнула с подоконника и подбежала к нему.

Она хотела тронуть мальчика за плечо, но рука прошла насквозь. Он таял на глазах, будто растворялся в воздухе.

— Это я виноват, Фэш, прости, — еле слышно сказал Ник и пропал окончательно.

Фэш медленно повернулся к Василисе. Его лицо могло бы сейчас устроить любого: бледное и серое, с остекленевшими, будто неживыми глазами.

— Я уверен, ты про все знала! — гневно выпалил он. — Из-за тебя Ника зачасовали!

— Как это? — Василиса чувствовала, что слезы застилают глаза. Сердцем она чувствовала: с Ником произошло нечто ужасное.

Казалось, Фэш несколько секунд раздумывал. Наконец он глубоко вздохнул и зло прошипел:

— Потом разберемся... А сейчас надо бежать, и быстро, феяра!

Фэш цепко ухватил Василису за руку и увлек за собой, они влетели в зеркало — в то самое, в котором недавно исчезла Маришка, и оказались в темном, едва освещенном факелами коридоре.

— Она побежала за помощью! — бормотал мальчишка словно бы про себя. — Я убью ее! Ненавижу их всех... Проклятая дура! Бежим, и быстро!

Василиса не могла понять, о ком Фэш говорит: о ней или о Маришке, но послушно бежала следом. Теперь она верила Нику и его отцу. Отец, Елена, девчонка эта, сам Черновод — все пугало и страшило Василису. Поэтому она предпочитала быть на свободе с Фэшем, чем с кучей врагов в лабиринте коридоров отцовского замка.

Размышляя таким образом, Василиса бежала за мальчишкой и потому не сразу заметила, как они очутились в знакомой круглой зале с бассейном. Василиса удивилась, что Фэш так хорошо разбирается в путанице коридоров Черновода.

— Прошу вас, покажите потайной ход! — дрожащим голосом обратился Фэш к русалкам и потянул Василису к переливающейся синеве бортика. — Вы должны знать!

— Кто вы? — спросила одна из русалок, подплывая ближе. Она с любопытством разглядывала их.

— Я — Фэш Драгоций, а это — Василиса Огнева, — быстро проговорил мальчик, с надеждой взирая на зеленую голову с заплетенными косичками. Василиса не преминула заметить, что Фэш первый раз назвал ее по имени.

— А где третий? — продолжала спрашивать русалка.

— Ника Лазарева с нами нет, — тихо прошептал Фэш.

— Вас должно быть трое...

— Не хотите поплавать с нами? — предложила другая русалка, лениво кружа перед ними. — Только здесь очень глубоко...

— Некогда! — отчаянно процедил Фэш, оглядываясь по сторонам: видно, боялся погони.

— Скорей, ныряйте в бассейн! — выкрикнула та русалка, с которой они говорили вначале, и быстро забила хвостом по воде. Наверное, решила поверить им. — Внизу, метрах в четырех под водой, где светятся голубые огни, есть шлюз. Проплывете по нему и выберетесь наружу на поверхность... Я покажу вам... Быстрее, пока сюда не пришли!

Фэш размышлял секунду.

— В воду! — скомандовал он и запрыгнул на бортик.

— Э-э, нет!

Василиса попятилась. Черная, как сажа, и плотная, как желе, вода страшила неведомой глубиной. Конечно, Василиса умела немного плавать, но не так чтобы хорошо...

— Плыви сам, — пролепетала она. — Я не смогу, так глубоко...

— Ну все, фейра, ты меня достала!

Кажется, Фэш разозлился не на шутку, он выхватил часовую стрелу — Василиса отпрянула. Но мальчик навел стрелу не на Василису, а на воду, резко очертил круг и что-то прошептал. После он прыгнул к девочке, стреп ее в охапку и одним махом перекинул через бортик.

Василисе показалось, что она летит меж черных шелковых простыней, гибкими волнами кружащихся вокруг, словно надуваемых ветром. Дышалось относительно легко: воды-то не было! Но Василиса точно падала в глубину бассейна... Внезапно чья-то мокрая рука схватила ее за плечо и еще больше увлекла вниз. Машинально девочка воспротивилась и тут же получила сильный удар по голове. Теряя сознание, она успела заметить дрожащие, словно расплывающиеся, голубые огни далеко внизу.

ГЛАВА 12 НОЧЬ В ЛЕСУ

Ой, как болит горло, тяжело дышать... Неужели она заболела?

Рядом трещал костер, левый бок приятно обвевало теплом. Василиса ощутила на себе толстый плед или одеяло. Она попробовала пошевелиться, но тело будто свинцом налилось да и веки не хотели приподниматься.

— Ты ее чуть не сгубил, Фэш Драгоций, — произнес незнакомый девчоночий голос.

Василиса опять попыталась приоткрыть глаза, но не смогла.

— Может, так было бы лучше, — зло ответил Фэш. — Я ей совсем не доверяю.

Они замолчали.

— А теперь она заболела и что с ней делать? — резко продолжил мальчишка, но в его голосе послышались нотки отчаяния. — Как идти дальше?! Часовой Круг завертится через

неделю с хвостиком, осталось мало времени, а мы не можем идти к Белой Королеве из-за этой фейры...

— Никогда не встречала такого ворчливого пацана, — хмыкнула девочка. — Все равно лучше переночевать в лесу. А утром, если с твоей Огневой будет все хорошо, двинемся в дорогу.

— Она не моя!

— Не придирайся, — насмешливо произнес девчоночий голос. — Время у нас есть... А вот Ника твоего... очень жалко.

— Если бы я был один... вернее, с Ником, — голос Фэша задрожал, — мы бы не тратили времени на сон! Надо скорее перейти границу между Астроградом и миром фей, и мы должны успеть поселиться и подготовиться! Кроме того, как же наше прикрытие? Каким образом мы исполним наш номер, если даже не пробовали спеть вместе?!

— Давай сейчас споем. — Девчонка опять хмыкнула.

— Нет настроения... — буркнул Фэш. — Я не могу петь, пока не уверен, что мы вообще попадем в замок Белой Королевы. Нет, надо идти! Сейчас! Все из-за фейры...

— Ночью по темному лесу? — насмешливо произнесла девчонка. — А ты не только ворчун, ты еще и глуп, пацан. А ведь в том, что в твоего друга попала часовая стрела, виноват ты, а не Огнева. Постарайся-ка быть справедливым, ага? Да и чего ты взъелся? — продолжила она. — Посмотри, тебе ее не жалко? Родиться в благородной семье, с высоким положением и возможностями, которыми она даже не может воспользоваться...

— Много ты знаешь! — тут же вскипел Фэш. — Отец Ника говорит обратное, но я уверен: эта девчонка — шпионка! Огнев подстроил, чтобы она пошла с нами к феям и все развела. А может, и помешала нам!

— Ну да... Нехилое поручение для девчонки, жившей с самого рождения вдали от Эфлары, тебе не кажется? Она даже не умеет часовать.

— Не знаю, заметила ли ты... — медленно произнес Фэш. — Когда я часовал над водой бассейна, под аркой одной из галерей стоял человек и наблюдал за нами. Я сразу узнал его... Понятно, сильно испугался — думал, все рухнуло! Но он не мешал нам. Наоборот, мне показалось, его очень интересует происходящее. Когда я тащил эту чертову фейру в воду, он улыбался!

— Я тоже видела этого человека, Фэш, — спокойно произнесла девчонка. — Но повторяю, ты делаешь неправильные выводы насчет младшей Огневой.

— Послушай, как там тебя, Диана! Из-за этой фейры зачасовали моего лучшего друга. Ты не знаешь, как он мечтал стать часовщиком! Ник должен был пойти к феям, а не эта... А теперь он мертв!!!

Василиса открыла глаза. Но Диана и Фэш, распаленные начавшейся перебранкой, не заметили этого. Они стояли друг напротив друга, сжимая кулаки: черноволосая, коротко стриженная девочка в темных штанах до колена и простой белой рубашке, и Фэш, мокрый и очень растрепанный.

— Во-первых, Ник под заклятьем-эфером, и, в принципе, его можно спасти, — скороговоркой произнесла Диана.

— В принципе?! — выдохнул Фэш.

— Только давай без глупостей, ладно? — Диана заметила, что часовой браслет на его руке уже зазмеился, превращаясь в стрелу. — Мое дело — провести вас в замок Белой Королевы, а дальше как знаете. И вообще, ты теперь должен всю стараться помочь Василисе стать часовщицей.

— Что?! С какой это стати? — Фэш от возмущения округлил глаза и стал похож на большого взъерошенного филина.

— А с такой! — В голосе Дианы прозвенели стальные нотки. — У нее больше шансов спасти Ника, чем у тебя.

— Как... — прохрипела Василиса. — Как я могу спасти Ника?

— Слава Древним Часам, ты пришла в себя. — Диана тут же подскочила к Василисе. —

Не разговаривай, я тебе все расскажу потом... Сначала выпей это.

И девочка, осторожно приподняв Василисе голову, поднесла к ее губам пузырек из прозрачного стекла с чем-то темным.

Два глотка — и дышать стало легче. Еще один — и в голове прояснилось. Во всяком случае, Василиса смогла двигать руками и ногами и даже самостоятельно сесть.

— Удивительное лекарство... — Василиса пощупала горло, совсем перестало болеть!

— Меня зовут Диана. — Девочка улыбнулась. — Это часодейный бальзам, от фей. Его настаивали сразу в нескольких временах, на травах и цветах, выращенных в самые сильные полнолуния... Феи — лучшие часовщики на свете.

Фэш шумно вздохнул, но ничего не сказал. Наоборот, отвернулся.

Диана показала его спине язык и подмигнула Василисе.

— Этот дурак тебя чуть не уколошил, — сказала она. — Когда я помогала тебе плыть сквозь черную воду он пытался драться со мной, представляешь? Замахнулся и случайно ударил не меня, а тебя по макушке.

— Откуда я знал, что ты нам помогаешь? — огрызнулся Фэш, не поворачиваясь. — И вообще я иду спать.

— Ну так иди, — пожала плечами Диана. — Только учти — придется без одеяла. Твой спальник пригодится Василисе, а часовать для притягивания вещей нам нельзя, можно засветиться... Надеюсь, ты не будешь ворчать по поводу этого маленького неудобства.

— Я могу спать и у костра.

— Слушай, ты бы разделся и обсушил одежду, — сказала ему Диана, улыбаясь. — Или ты нас стесняешься?

— Ничего я не стесняюсь! — вспыхнул Фэш. Он неловко затоптался у костра, и Диана, ухмыльнувшись, вновь подмигнула Василисе.

— Эти мальчишки, когда вместе, такие гордые и надменные, — тихо сказала она, наклонившись к уху Василисы. — А когда девчонок больше — сразу теряются... Эй, мы не смотрим, переодевайся давай! — добавила она громче и под села к Василисе ближе.

— Не хочу! — донеслось до них.

— Я думаю, он не такой плохой, каким хочет казаться, — шепнула Диана. — Смотри, он наложил на тебя эфер, отталкивающий воду, а сам видишь, как намок? Правда, от эфера у тебя поднялась температура да еще от удара... Во время нашего полета над морем ты была без сознания. Мы затащили тебя на Белорожка, а сами кружили рядом... Ну да ладно, чего вспоминать? Сейчас все хорошо и, честно говоря, неплохое вышло приключение.

Василиса неопределенно пожала плечами, она-то ничего не помнила. Но ей стало очень уютно: тепло от костра приятно грело спину, и девочку даже начало клонить в сон.

— Надеюсь, Фэш все-таки разделется, высушит одежду и прогреет свои ребра у костра... И мы будем пить чай с мятой, а ты — с бальзамом. А пока... Мне кажется, у тебя должна быть куча вопросов, ага?

— Ты сказала, я могу спасти Ника, — тут же напомнила Василиса.

— На этот вопрос я тебе обстоятельно отвечу позже, — понизив голос, прошептала Диана. — Не будем расстраивать Фэша еще больше, ладно?

Диана резко взмахнула кистью, и в ее руке появилась часовая стрела.

Стрела была тоненькая черная и блестящая; с одной стороны дрожало острие, а с другой светился крошечный серебристый циферблат.

Василисе пришлось признаться самой себе, что она не прочь подержать в руках такую вот чудо-стрелку.

— Эй, ты что там делаешь? — послышался сердитый голос Фэша. — Хочешь, чтобы нас обнаружили?

— Я только показать, — отмахнулась от него Диана. — Это малое часодействие.

Она начертила острием круг, и тот вспыхнул кольцом голубого огня. Из круга медленно выплыла книга в серой обложке, замерла на секунду и плюхнулась Диане на колени. На обложке серебрился циферблат с цифрами, выложенными мелкими рубинами, и

одной часовой стрелкой.

— Это мой часолист. — Девочка любовно погладила шершавую поверхность и положила его Василисе на колени.

— Эта штука вроде книги? — спросила Василиса, не решаясь дотронуться до необычного предмета: серебристый циферблат то и дело вспыхивал алыми огоньками цифр. Она вспомнила, как Норт с гордостью демонстрировал свой часолист, и ей вдруг очень захотелось иметь такой же.

— Да, и не только...

Диана погладила часолист и приложила свою стрелу на место минутной стрелки. Вторая стрела прошла полкруга, тоненько звякнула, и часолист раскрылся.

— Ух ты!

Василиса во все глаза смотрела на необычную вещь: на страницах часолиста сияло настоящее звездное небо. Такое настоящее, что даже хотелось потрогать — проверить.

— Протяни руку, — словно догадавшись, о чем она думает, подбодрила Диана. — Вот... Дальше тяни!

И Василиса осторожно дотронулась пальцами до самого листа, но рука прошла насквозь! Мало того, пальцы ощутили дуновение теплого и влажного ветра, словно с морского берега.

— Это моя заставка — Южная ночь, — гордо сообщила Диана. — Когда мне хочется побыть наедине с мыслями, я перемещаюсь туда — в свой тихий уголок, на берег моря.

— Полностью перемещаешься?! — ахнула Василиса.

— Ну а как еще, — хмыкнула Диана, — не частями же.

— Тоже мне заставка! — не выдержал Фэш. — Вот у меня — океанская буря с кораблями! Голову враз проветривает!

— Ты уже переоделся? — рассерженно спросила Диана. — Тогда будь другом, набери воды в ручье в свой чудо-котелок и завари чай... Не мешай мне Василисе прелести часолиста показывать.

Фэш что-то буркнул, но поднялся, зазвенел посудой и удалился — только захрустели ветки под ногами.

— Смотри! — Диана дунула, и листы с нижней стопки передвинулись вверх, открывая желтый лист. На нем большими черными буквами было написано: ПОЧТА. — Сейчас я не могу проверить, есть ли у меня письма, — вздохнула Диана. — Потому что совсем не нужно, чтобы нас обнаружили... вдруг будет погоня?

— Из-за меня? — опечалилась Василиса.

— Из-за всех нас. — Диана дунула еще раз, и листы вновь зашелестели, передвигаясь с одной стороны часолиста на другую. — Понимаешь, — продолжила она, неотрывно следя за листами, — это путешествие давно задумывалось. Я лично помогаю Фэшу и... Нику попасть на Чарования — музыкальные состязания в замке Белой Королевы. Про тебя же я узнала недавно. — Диана улыбнулась. — Мне пришло письмо от отца Ника, где он рассказывает о тебе.

— А зачем вам... нам эти Чарования? — удивилась Василиса.

— Для отвода глаз. Прикрытие для настоящей цели — получить СреброКлюч для Фэша...

Диана оглянулась.

— Хорошо, что Фэш ушел за водой, — тихо сказала она. — Понимаешь, на соревнованиях между Школами светлочасов и темноточасов за право называться ключниками нашего друга Драгоция засудили... От темноточасов Фэш должен был встать на Часовой Круг с Золотым Ключом, а не Марк. Ты, кстати, уже знаешь о Ключах и Часовом Круге?

— Немного, — уклончиво ответила Василиса, памятуя, какую бурю негодования вызвала у Фэша ее декламация тайного стиха.

— Она знает побольше нашего. — Фэш вернулся с полным воды котелком. Рубашка и штаны мальчика по-прежнему были мокрыми и, в общем-то, выглядел он весьма жалко.

Как будто в подтверждение этого, Фэш громко чихнул.

Диана поморщилась.

— Ты будешь сушить одежду? А то придется тебя поить бальзамом, а его мало осталось... И с чего ты уверен, что Василиса чего-то там знает?

— Посмотри сама, — начал Фэш. — Приглашения в замок на аудиенцию к королеве фей имеются в наличии на сколько человек? На троих? Ника убрали, чтобы фейра встала на его место.

— Убийственная логика, — покачала головой Диана. — Так, может, это Василиса часанула Ника, а?

— Нет, часовой виток из стрелы пустила Резникова, — жестко произнес Фэш. — Ты не была там, Диана, а я видел, что провернула она это не случайно... Маришка словно заранее знала, что делает, не раздумывала ни секунды. Ты же знаешь, что бывает часовщику за любое зачасование человека, Диана? Маришка действовала намеренно. По приказу. Знала, что ей за это ничего не будет, что ее потом оправдают.

Фэш помолчал, а потом продолжил:

— И еще... Почему за нами нет погони? И в самом замке нас никто не остановил! Конечно, все собрались на праздничный ужин в Тронной Зале, но слуги Огнева должны были нас задержать, а мы бежали по пустым галереям.

— Я давно в курсе, — развернулась к нему Диана.

Часолист замер на странице с надписью: «ЧАСОВАЯ ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА».

— Не забывай, — четко продолжила девочка, глядя Фэшу в глаза. — Я обернулась русалкой, чтобы помочь вам убежать — пройти по шлюзу, ведущему из бассейна с черной водой. Лазарев дал мне четкие указания еще до своего ареста... и сказал примерно так: «Самое страшное в вашем побеге — правильно проплыть по шлюзу. Огнев мешать не будет, я в этом уверен». Но дело здесь не столько в Василисе, сколько в тебе, — продолжила Диана. — Да, сейчас тебе не мешают. Потому как все затаились и ждут, когда ты добудешь один из трех оставшихся Ключей. А вот после могут попытаться отобрать, но не открыто. Второй раз забрать Ключ у одного из учеников Астариуса — это слишком! Поэтому, будем надеяться, тебя оставят в покое.

Фэш замер.

— Почему ты сразу не рассказала?!

— А зачем? — Диана насмешливо скривилась. — Ты же всегда и все лучше всех знаешь? Надеюсь, это качество поможет тебе получить у нашей королевы СреброКлюч.

— А то, что его сына зачасуют, Лазарев тоже предвидел? — Фэш зло прищурился. — Я тебе говорю, из-за этой фейры у нас будут неприятности! И не забывай, Лазарева арестовали именно из-за нее!

— Я думаю, — медленно произнесла Диана, — что Огнев знал о трех приглашениях и действительно устранил Ника... Явно не зная, что мне вообще-то не требуется приглашение на Чарования. Я могу свободно входить и выходить из дворца и перемещаться между мирами фей и часовщиков без каких-либо отличительных знаков. Думаю, что Огнев специально не хочет проводить для Василисы посвящение, потому что имеет какую-то свою цель... Может, он желает, чтобы оно прошло у фей? Или вообще не состоялось, потому что думает — феи откажут. Кстати, эти загадочные причины знает и Лазарев. Но нас, — Диана улыбнулась, — в тайные планы пока что посвящать не собираются.

— А я бы предложил угостить фейру часовым зельем, и тогда мигом бы все узнали, — вкрадчиво произнес Фэш, кидая на Василису мстительный взгляд. — Уверен, ей-то не забыли рассказать.

— Я ничего не знаю! — Василиса вскочила. — Ты меня уже так достал!!!

— Тихо, Василиса, сядь. — Диана дернула ее за рукав платья. — Не обращай на него внимания, он расстроен и не знает, кого винить. Нет, чтобы винить себя, — добавила она жестче, обращаясь к Фэшу. — Ты должен был защитить Ника и не смог этого сделать! Поэтому, если еще раз наедешь на Василису, я тебе покажу, как правильно учат у фей

зачасовывать человека.

Диана не сводила пристального взгляда с Фэша, давно сидевшего со сжатыми кулаками. Как показалось Василисе, напряжение длилось целую вечность.

Внезапно Фэш шумно вздохнул, скрипнул зубами и подсел к костру, отвернувшись от них.

— Так-то лучше, — тихо проговорила Диана. — Вернемся к нашему часолисту.

На ярко-желтом листе по-прежнему темнела надпись: «ЧАСОВАЯ ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА».

— Здесь находятся все мои задания... Этим летом я перешла на восьмой Часовой Круг.

Фэш, не сдержавшись, хмыкнул.

— Я уже на девятом давно, — надменно сказал он.

— Ваша программа отличается от нашей, — возразила ему Диана. — У нас всего десять кругов, а у вас двенадцать... Получается, я стою выше, чем ты, ворчун.

Фэш что-то тихо пробурчал на это.

— Ты тоже учишься в Школе часов? — спросила Василиса, все еще переживая из-за недавней перепалки.

— Я?! — изумилась Диана. — В школе этих недоумков и гордецов?! Нет, я фея и учусь в нормальной школе.

— Фея?! — ахнула Василиса.

— Кстати, как ты научилась обращаться русалкой? — спросил Фэш. — Разве для фей это не сложновато, а?

— А почему тебя это удивляет? — спросила Диана, пряча улыбку.

— Ты или очень способная фея, или...

— Или?

— Ладно, ничего, — буркнул Фэш. — Фея так фея.

— Так взаправду фея? — не выдержала Василиса.

— Самая настоящая. А что такого-то?

— Ну, вообще-то я еще не видела фею, никогда. — В подтверждение своих слов Василиса даже несколько раз мотнула головой. — А чем они... вы отличаетесь от людей?

Диана озадаченно взглянула на Василису.

— Э-э, даже не знаю, что тебе сказать... — начала она, как вдруг Фэш перебил:

— Ничего не говори... Так будет лучше.

— Что лучше? — тут же вскинулась Василиса и резко повернулась к нему.

Фэш не ожидал этого, но тут же дернулся в сторону, пытаясь спрятаться за пламенем костра.

Василиса смущенно отвернулась, стараясь не рассмеяться. Честно говоря, забавно было увидеть Фэша в одних черно-белых клетчатых трусах.

— Василиса, понимаешь, в чем дело... — осторожно начала Диана, делая вид, что не заметила случившегося маленького конфуза. — Мне кажется, побольше узнать о феях ты сможешь в замке. Если мы попадем на прием к Белой Королеве, ты увидишь фей и сама все поймешь, да.

— А мы можем и не попасть?

Фэш хмыкнул и тут же опять чихнул, не сдержавшись.

— Всякое может быть, — зловеще произнес он.

— Послушай, Василиса, а как у тебя с пением? — неожиданно спросила Диана.

— Что?

Вопрос застал Василису врасплох.

— Петь умеешь? — терпеливо повторила Диана. — Фэш, я слышала от Лазарева, умеет петь, и даже неплохо, посмотрим... Я тоже в норме и думаю, если этот ворчун не подведет, наш дуэт сразит весь двор... — Она скептически улыбнулась.

И вдруг пропела гаммы: у нее действительно был очень красивый голос — звонкий, как хрустальный колокольчик.

Василиса закусила губу. Она не знала, что ответить фее, потому что петь она не умела вообще! Зато у нее было отличное чувство ритма, тренерша всегда хвалила ее за это... Эх, что сейчас делают Ольга Михайловна и ребята? Наверняка готовятся к летнему лагерю... А тренерша рвет и мечет, пытаюсь у всех дознаться, почему Василиса забросила тренировки. Может, допрашивает Лешку, а он сам ничего не знает...

— Так что? — напомнила о себе Диана.

— Ну-у, я даже не знаю... — промямлила Василиса, сгорая от стыда. Тяжело признаться в полной бездарности, когда все вокруг, скорей всего, искрятся талантами.

— Ха-ха, мне кажется, у фейры туго с нотами, — ехидно произнес Фэш.

Василисе тут же захотелось его стукнуть хорошенько, но, памятуя о недавнем конфузе, она даже не обернулась.

Но Фэш, оказывается, уже кое-как высушил одежду и переоделся. Он подошел к ним, явно собираясь продолжить язвительную речь.

И тогда, не дав Фэшу еще больше поиздеваться над Василисой, заиграла мелодия из «Простоквашино».

Василиса подскочила как ужаленная. Диана, прятая часолист обратно в огненный круг, изумленно обернулась.

— Это у меня, — быстро сказала Василиса, выуживая мобильник из обрывков розовой сумочки. — Алло, Лешка?!

— Василиса! — обрадовался в трубке знакомый голос. — Слушай, к тебе так тяжело дозвониться! Ну и где находишься? Говори адрес...

— Эфлара, темный лес, — не удержалась Василиса.

Цифры на экране застыли. Василиса с замиранием сердца ждала, когда вновь пойдет время, знаком прося ребят пока что помолчать.

Наконец мобильник заговорил:

— Что-что-что?!

— Лешка, я попала в страшные неприятности, — быстро произнесла Василиса. — И не знаю, как отсюда выбраться. Передай тренерше...

Но вот ужас: связь оборвалась!

Мало того, запикало, срочно требуя перезарядки.

Василиса в отчаянии упала на колени, безрезультатно нажимая кнопки, но мобильник был неумолим — даже экран погас. Наверное, устройство долго искало источник связи и аккумулятор выдохся...

— Что это за штучка? — удивленно спросила Диана. — Что-то часовое?

— Средство связи на Остале, — убитым голосом сообщила Василиса, понимая, что только что потеряла последнюю связь с Лешкой. — Часы там тоже есть.

Фэш заинтересованно приглядывался к мобильнику, но, обнаружив, что Василиса заметила это, сразу отвернулся.

— Полцарства за зарядное устройство, — уныло произнесла Василиса и тяжело вздохнула. — Возможно, Лешка смог бы мне помочь, эх...

— Лешка — это твой друг? — с любопытством спросила Диана. В ее глазах появились лукавые огоньки.

— Просто друг, — буркнула Василиса, поднимаясь. — Короче, не умею я петь.

Диана с Фэшем быстро переглянулись.

— Я же говорил, — многозначительно произнес мальчик. — Она здесь лишняя. Ник вот умеет петь, — добавил он и замолчал.

Диана напряженно раздумывала.

— Ну а танцевать ты умеешь? — протянула она. — Какой-нибудь номер... Странно, Лазарев ничего мне не говорил. Как же ты будешь выступать на Чарованиях?

Сердце у Василисы учащенно забилося.

— В смысле, надо выступить? — спросила она. — А танец с лентой можно? Или с мячом? Обручем?

— Да как угодно! — Лицо Дианы посветлело. — Есть три номинации: пение, танец и бои. В последнем нам нельзя участвовать — по возрасту. А вот петь или станцевать — пожалуйста.

— Вообще-то у меня есть хорошо подготовленное выступление. Я собиралась с ним участвовать в одних соревнованиях... — Василиса вспомнила о тренерше и опять вздохнула.

— Вот и чудесно! — обрадовалась Диана. — Завтра, когда прибудем на место, покажешь нам — оценим...

— Оценим?! — изумился Фэш. — Тягаться простой девчонке в танцах с придворными феями? М-да...

— В пении тоже будет непросто, — произнесла Диана. — Одна радость, что нам не нужна победа. — Фея показала мальчишке язык. — Нам надо просто выступить. И прожить неделю в замечательном домике на дереве, якобы ожидая результатов. Тебе за это время надо получить Ключ, а Василисе — пройти посвящение.

— А дальше? — не отставал Фэш. — Хорошо, я-то получу СреброКлюч, а что ты будешь делать?

— А это мое дело, — отрезала Диана, вставая.

Фэш мотнул головой, но не стал больше спрашивать.

Диана захлопотала возле котелка: достала из-за пазухи тканевый мешочек и высыпала немного его содержимого. Запахло мятой и еще чем-то душистым, наверное чабрецом.

— Идите пить чай, — позвала она. — Только пока будем по очереди... У Фэша в рюкзаке лишь одна кружка.

— И на том спасибо скажи, — проворчал мальчик, но подсел к костру.

Василиса тоже подвинулась к огню, но поближе к Диане.

— Давай, ты первый пей, а то еще простудишься, будущий ключник. — Диана подала Фэшу дымящийся напиток.

— Не сглазь...

— Диана, давно хотел спросить... а откуда ты знаешь Лазарева? — отхлебнув чаю, спросил Фэш и уточнил: — Я имею в виду старшего Лазарева, конечно...

— Он часто бывает в Чароделе. Мы давно знакомы.

— Это понятно, — терпеливо произнес мальчик. — А как так вышло, что именно тебе он доверил провести нас к феям?

— А это опять же не твое дело, — спокойно сказала Диана. — Или ты и мне не доверяешь?

— Нет, тебе я доверяю, — ответил Фэш и прищурился. — Но ты как-то нормально отнеслась к появлению феи, откуда ты про нее знала?

— Какой феи? — невозмутимо спросила Диана. В ее черных глазах блеснули озорные огоньки.

— Фейры, — тут же поправился Фэш. — Я оговорился, подумаешь. Ведь поначалу ее не было в нашем плане...

— Много ты знаешь, — произнесла Диана и, немного помолчав, добавила: — Все пошло не совсем так, как мы предполагали, но... был вариант, что мы пойдем вчетвером. Василиса присоединилась бы к нам позже.

— Диана, да откуда вы с Лазаревым про меня знаете? — изумилась Василиса. — И почему ты называл меня феей?

— Я называл тебя фейрой! — раздраженно произнес Фэш.

— Она не фейра, болтун, — сказала Диана, улыбаясь. — У нее высшая степень, забыл? «По-моему, он звереет, — подумала Василиса, глядя на покрасневшее лицо мальчика. — Не поймешь, то ли от чая, то ли от злости».

— Спасибо за чай. — Фэш вернул Диане кружку. — Я пошел за хворостом... Будем поддерживать огонь всю ночь.

Диана с Василисой начали по очереди пить чай из кружки.

Сначала девочки молчали.

Наконец, Василиса решила высказать давно вертевшийся на языке вопрос:

— Диана... Тот человек, которого вы видели возле бассейна, был мой отец?

Костер затухал, и Василиса рассеянно подбросила немного оставшихся веток.

— Ты слышала? Да. — Диана отпила чай из кружки. — Ух какой горячий... жаль, без сахара.

— Почему он хотел, чтобы я бежала с вами?

Диана не сразу ответила. Передала Василисе кружку, молча наблюдая, как она пьет маленькими глотками, а потом сказала, словно нехотя:

— Понимаешь, долго объяснять... Скажем так, до твоего посвящения тебе ничего не угрожает, поверь. А вот после, когда у тебя будут крылья и...

— У меня будут крылья?!

Диана вздохнула.

— Допивай чай — пора спать... Узнаешь все потом, завтра.

— Постой, еще одно, — умоляюще произнесла Василиса. — Ты сказала, что у меня есть шанс помочь Нику? Расскажи сейчас.

— Вообще-то да... — медленно произнесла Диана. — На посвящении феи будут дарить тебе подарки. Всякие, сама узнаешь. А еще ты можешь попросить выполнить одно твое желание. Любое, но простое. Такая традиция.

— Одно?

— Конечно, одно, — усмехнулась Диана. — Например, помочь вернуться на Осталу. Или спасти Ника... Вот это да! — Глаза у Дианы внезапно расширились. — Огнев наверняка знал, что ты попросишь у фей вернуть тебя на Осталу, и потому Ника зачасовали! — Диана выглядела очень взволнованной. — Он все рассчитал наперед! Всем известно, что Огнев — великий манипулятор! Ему доступны такие временные ходы и коридоры... А вдруг он умеет перемещаться в будущее! Я тебе говорю, он все рассчитал.

— Как это? — спросила Василиса, встревоженная бурной речью феи. — Почему?

— Твой отец знал, что ты захочешь помочь Нику и израсходуешь свое желание на него! Видишь, он не хочет, чтобы ты вернулась на Осталу!

— Да какое дело отцу до моих желаний? — удивилась Василиса. За время их знакомства она уверилась в обратном — отцу все равно, что с ней будет. Даже погони за ними нет.

— Что-то не так с твоим посвящением, — задумчиво произнесла Диана. — И Лазарев очень заинтересован в нем, и твой отец. Настолько заинтересованы, что... В общем, после посвящения тебе надо быть очень осторожной. Кстати, а что ты планируешь делать, когда станешь часовщицей?

— Я не знаю, — растерялась Василиса. — Я совсем об этом не думала...

— Ладно, тогда давай спать, — вздохнула Диана.

...Василиса еще никогда не была ночью в лесу. Где-то ухали совы, то и дело жутко вскрикивала неизвестная, но наверняка огромная птица. И как это Фэш не боится темноты? Василиса подумала, что ни за что не отошла бы от костра.

Вернулся Фэш с большой охапкой сухих веток. Он тут же подкинул в костер парочку, еще немного пошумел, устраиваясь, и тоже растянулся возле огня, положив рюкзак под голову.

Девочки давно улеглись с другой стороны — плотно укрытые одеялом, чтобы не замерзнуть под утро.

Василиса смотрела на кусочек яркого звездного неба, окруженного пиками сосен, и размышляла. Диана рядом дышала ровно и медленно.

А Василиса все думала, что девчонка-фея хоть и защищает ее, но тоже определенно чего-то не договаривает.

Почему-то все очень заинтересованы в Василисином посвящении. Знать бы еще, что это? Может, надо приносить какую-то клятву, — например, расписываться кровью? Или какой-нибудь болезненный обряд, как у Духов...

Вот и Фэш затих у костра, а Василиса все не могла заснуть.

В голове вспыхнула яркая, отчетливая мысль. Озарение нашло так внезапно, что Василиса, отвернув край одеяла, резко села.

А если эта Диана — шпионка отца или Елены... Или еще кого-нибудь? Фэш ведь ее раньше не видел? Они с Ником должны были встретиться с Дианой у бассейна, но вдруг Нортон-старший подменил настоящую Диану на своего человека? Так стоит ли Василисе вообще доверять им? Фэш ее ненавидит, а эта девчонка...

— Ты должна доверять нам, — раздался спокойный голос Дианы. — Иначе кому тебе вообще доверять?

Василиса замерла. Диана будто подслушала ее мысли! А может, так оно и было... кто знает, что умеют эти феи?

— Я не умею читать твои мысли, — продолжила Диана. — У тебя все на лице написано. Кстати, не помешает научиться скрывать... А сейчас ложись и спи, не давай Фэшу повод для новых дурацких подозрений.

И Василиса послушалась — легла, плотно накрывшись своей частью теплого одеяла, и сон тут же пришел к ней.

ГЛАВА 13 КЛЕМЕНТИНА

Василиса проснулась от громких и злых голосов.

Оказывается, Фэш с Дианой опять спорили: выпить еще чаю или сразу же идти к какой-то Старой Липе.

— С добрым утром! — осторожно произнесла Василиса.

— С добрым! — приветливо отозвалась Диана и опять повернулась к Фэшу: перепалка возобновилась.

Потянувшись и немного помахав руками для зарядки, Василиса пошла к ручью — умываться.

Стоял легкий туман, от воды тянуло холодом. Платье ужасно мешало, но другой одежды все равно не было. Спрыгнув с небольшого обрыва, Василиса присела и зачерпнула пригоршню воды. Она умыла лицо — стало легче, остатки сна мигом улетучились.

— Вот это другое дело, — сказала сама себе Василиса и, подняв глаза, тут же вскрикнула: — Ой!

На корнях дерева, выступавших с отвесной стены обрыва, сидела маленькая девочка. На спине у нее трепыхались прозрачные крылышки — ровно шесть штук.

— Ты кто? — спросила Василиса, оторопело разглядывая малышку.

— Не ты, а Вы, моя дорогая, — наставительно сказала та. — Я — фея, и намного тебя старше.

Василиса с сомнением покосилась на маленькую нахалку, но та вдруг обернулась седой старушкой в букольниках, в крохотной шляпке и с маленьким кружевным зонтиком.

— Ретро, — многозначительно произнесла старушка. — Но позволь мне быть в том виде, в каком я захочу... — И она вновь предстала девчонкой в зеленом платье и с крылышками за спиной. — Тебе не кажется, что так нам будет легче общаться?

— Наверное, да, — произнесла Василиса. Решив быть вежливой, она продолжила: — Меня зовут...

— Я знаю, кто ты, Василиса Огнева! — сердито перебила маленькая фея.

Она подскочила на месте; вокруг нее сияющей россыпью брызнули синие стеклышки или камешки.

— Не имею привычки разговаривать с незнакомыми людьми, — продолжила фея. — И тебе не советую. Поэтому представляюсь... Меня зовут фея Клементина.

— Очень приятно, — рассеянно произнесла Василиса, во все глаза разглядывая синие камни, усеявшие болотистую землю возле ручья.

— Это камни настроения, — заметила ее интерес фея. — Если скажут рубины — я печалюсь, если изумруды — радуюсь и смеюсь, если бриллианты — умиляюсь. Понятно?

— А если синие?

— Злюсь, причем очень.

Василиса смутилась и отвела взгляд от камешков на берегу.

— Я советница при дворе Белой Королевы, — сказала фея. — У меня есть к тебе несколько вопросов.

— Вы точно... э-э, придворная?

Клементина важно кивнула.

— Я знаю, что ты направляешься в замок к Белой Королеве, так? — продолжила фея и, сложив ручки на груди, оперлась о корень, на котором сидела.

— Может быть, — уклончиво ответила Василиса и с тоской оглянулась на поляну, откуда по-прежнему доносились звуки ссоры. Но, если фея вздумает причинить зло, Василиса успеет позвать на помощь — Фэш с Дианой обязательно услышат.

— Ты можешь мне доверять, — продолжила фея Клементина.

«Все так говорят, — подумала Василиса, — а в результате довериться нельзя никому».

— Значит, ты идешь к Белой Королеве... Зачем?

— Пока не знаю, — ответила Василиса. — Наверное, попросить посвящения в часовщики.

— Да? — равнодушно произнесла фея. — Разве ты идешь не за Ключом?

— Нет, — удивленно ответила Василиса. — Я хочу пройти это посвящение. По многим причинам... Но главное — помочь Нику, своему другу... У него, э-э, случились неприятности из-за меня.

— Угу, — произнесла фея, окидывая Василису пытливым взглядом. — Но разве ты не хочешь получить Ключ?

— Конечно, не хочу, — терпеливо ответила Василиса. — Зачем он мне?

Фея недоверчиво хмыкнула. На ее личике читалось явное изумление пополам с раздражением.

— Да ты хоть знаешь, что сулит тебе обладание Ключом?!

— Нет, — честно призналась Василиса.

— Мама миа, — сказала фея и закатила глаза.

Воцарилась неловкая пауза.

— Значит, так, расскажу вкратце, — решила фея. — Семь часовщиков, объединившись на Часовом Круге, смогут открыть дорогу к знаменитому Расколотому Замку. Великому часодейному замку, где хранятся и ждут своего часа семь великих чудес мира. Обладание этими секретами позволит часовщикам владеть величайшими тайнами Времени и Пространства... а заодно спасти мир. Феи и часовщики тысячу лет ждали этого часа и бережно хранили все Ключи: ЗлатоКлюч, СереброКлюч, Бронзовый, Железный, Хрустальный, Рубиновый и ЧерноКлюч. Ты понимаешь, какая идет за великие Ключи борьба? У каждого из них свой секрет, но вместе Ключи должны открыть лишь одну тайну: как остановить Поглощение миров.

— Поглощение?

— Да, Поглощение. — Фея все больше раздражалась. — Когда-то, чтобы отъединиться от простых людей, ничего не смыслящих в часодействе да, собственно, и не интересующихся сей наукой, часовщики собрались и сотворили Временной Разрыв. Есть такая наука — Хронология. Если бы ты училась в часовой школе, то знала бы, что это такое... Временной Разрыв перенес Эфлару — так называли часовщики свой мир в честь великого часодея Эфларуса, который это придумал, — на сто часов вперед. Остала, как отстающая планета, находится в прошлом, а Эфлара — в будущем. Конечно, смотря с каких углов смотреть... И вот вместо одного получилось два мира.

Василиса слушала, открыв рот.

— Но Временной Разрыв год за годом стремительно сокращался... Сейчас он

составляет около двадцати двух минут. Чудовищно мало! Эфлара и Остала столкнутся! И последняя, как первоначальная планета, поглотит наш мир без остатка. Если этому не помешать, конечно.

Фея смолкла.

А Василиса вдруг вспомнила слова отца: «Переход. Эфлара. Двадцать две минуты...»

— О чем ты думаешь? — полюбопытствовала фея.

— Я гадаю, зачем вы это мне рассказываете?

— Я еще не закончила, — ответила фея. — Понимаешь, семь Ключей должны указать путь к Алому Цветку.

— Алый Цветок? — Василиса потерла лоб. От количества чудной информации у нее в голове все смешалось, как в калейдоскопе. Однако она помнила, что уже что-то слышала об Алом Цветке.

— Алый Цветок, его еще называют Сердцем планеты, вырастает раз в тысячу лет и найти его непросто. Никто не знает, что это за удивительное растение и как оно вообще появилось в мире. Но Алый Цветок прорастает раз в тысячелетие и, если его найти, выполняет одно-единственное желание. Понимаешь, желания много кто может исполнять — и феи, и часовщики. Но желания бывают разные. Одно дело пожелать свежих булок к завтраку, другое — вернуть жизнь человеку. Вот почему, когда говорят, что Алый Цветок может исполнить желание, подразумевают в виду действительно ЛЮБОЕ. То есть самое важное. Именно таким образом древние часовщики, сотворив Временной Разрыв, переселились в отдельный мир — на Эфлару. Ибо такое человеку не дано сделать и никогда дано не будет. Поэтому, когда цветок прорастет, семь ключников встанут вокруг него и загадают желание: вновь увеличить Временной Разрыв, чтобы миры не столкнулись.

— А если кто-то из ключников загадает не это желание? — осторожно спросила Василиса. — Не самое-самое важное?

— Правильно рассуждаешь, — сказала на это фея, наградив девочку недобрым взглядом. — Здравствуй... Но есть загвоздка: все семеро должны поддержать одно общее желание. Так что если кто-нибудь из ключников пожелает стать властелином мира, другие его, конечно, не поддержат.

— Ну что ж, надеюсь, у них все получится, — искренне пожелала Василиса.

Фея выглядела недоумевающей. И вдруг спросила:

— Но разве ты не хотела бы стать одним из ключников?

— Я?! — изумилась Василиса.

— Ну да, — кивнула фея. — Главное — пройти часовое посвящение. Ключником может быть любой юный часовщик.

— Думаю, вокруг полно более достойных, чем я, — заметила Василиса. — Я пройду это посвящение, только чтобы спасти Ника, влипшего из-за меня в серьезную беду.

— Надо же, какая эгоистка! — сказала фея Клементина и покачала головой.

У Василисы глаза полезли на лоб.

— Почему это я эгоистка?!

— Мир погибает, а ей хоть бы что, — продолжала фея.

— Это не мой мир!

— Эгоистка.

— Насколько я понимаю, многие хотят быть этими ключниками, — как можно спокойнее произнесла Василиса. — Я тут вообще ни при чем.

— Эгоистка.

— Тем более, — произнесла Василиса, еле сдерживаясь, — никто не предлагал мне стать ключником.

— Ты можешь об этом попросить у Белой Королевы, — невозмутимо сказала фея. — Стать ключником. Такое желание феям вполне под силу.

— Нет, желание у меня другое, — отрезала Василиса. — Я попрошу королеву помочь Нику, и точка.

Неожиданно фея улыбнулась. Однако ее личико вновь омрачилось.

— Но позволь, ты решила предстать перед Белой Королевой в этом?! — Фея Клементина осуждающе покачала головой. А возле ручья засверкало еще больше синих камешков. — В этих ужасных обрывках?!

Василиса горестно вздохнула. Ей самой страсть как хотелось избавиться от проклятого розового платья, начасованного Еленой, и надеть что-нибудь более удобное, например джинсы.

— Так не годится, — настаивала противная фея. — У тебя есть другое платье?

— Нет. — Василиса вздохнула.

Фея покачала головой, поглядев очень укоризненно, и вдруг пропала.

«Обиделась», — решила Василиса.

Но фея вновь появилась с маленькой зеленой шкатулкой. Зависнув возле самого лица Василисы, она раскрыла шкатулку.

Внутри оказалась иголка с ниткой. Василиса ожидала увидеть что-нибудь необычное, вроде синих камней, разбросанных по бережку, поэтому втайне разочаровалась.

— Вот, посмотри...

Клементина взяла в ручки иголку, оказавшуюся для нее размером с добрую трость.

— Стоит прошить три стежка, и любое, даже самое ужасное одеяние, — фея кинула многозначительный взгляд на Василисино платье, — превратится в тот наряд, какой пожелаешь. Пока заколи возле плеча, а когда придешь во дворец — протяни нитку через ткань и загадай про себя, какое платье захочешь.

Девочка осторожно приняла иголку и, чтобы не обидеть фею, сделала, как она просила.

— Эй, Василиса, ты где? — крикнула вдруг Диана где-то совсем рядом.

— Я здесь! — откликнулась Василиса.

— Диане обо мне ни слова, ясно? — строго сказала фея Клементина и исчезла.

— Ты чего так долго? — Над кручей показалась голова Дианы. — Пора в дорогу... Фэш скоро лопнет от злости.

Василиса взобралась наверх и, не удержавшись, оглянулась.

— Что-то случилось? — подозрительно спросила Диана.

— Да нет, я просто задумалась, — соврала Василиса, краснея.

— Ты ни с кем не разговаривала? — Диана внимательно оглядела ручей, камни и корень дерева, где недавно еще восседала Клементина. Но напрасно: даже синие камешки исчезли без следа.

— Ну немножко, — пролепетала Василиса, — сама с собой...

Диана подняла бровь, но не прокомментировала.

— Надо выходить... — сказала она. — Поэтому поторопимся.

И девочка-фея, круто развернувшись, быстро зашагала к полянке, где уже поджидал мрачный Фэш с рюкзаком на плечах. Василиса поспешила за ней, гадая, в дружеских ли отношениях пребывают две придворные феи — Диана и Клементина.

ГЛАВА 14 ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ЧАРОДОЛЕ

Перед ними возвышалось гигантское дерево: его многочисленные стволы навеки переплелись, искривившись в мощном объятии. Толстые, узловатые ветви, похожие на гигантских змей, исчезали где-то в густой и пышной кроне черно-зеленых листьев. Внизу главного ствола, который бы и пять человек, взявшись за руки, не обхватили, чернело огромное дупло. Казалось, будто дерево, подобно сказочному циклопу, пялилось на них жутким единственным глазом.

— Пошли внутрь, чего смотреть? — бросила Диана. — Липа как липа, только Старая.

Фэш, опустив рюкзак на землю, неловко переминался с ноги на ногу.

«Кажется, Фэшу тоже страшно лезть неизвестно куда», — подумала Василиса. И как ни

странно, эта мысль придала ей бодрости.

— Ну, идем, чего уж там! — решительно сказала она.

И Василиса первой сделала шаг, но Фэш вдруг преградил ей дорогу.

— Пойдешь со мной, — решительно сказал он. — Неизвестно, что нас ждет... Вдруг там сидит чудовище?

Диана хмыкнула.

Фэш решительно схватил Василису за руку и, пригнувшись, первым шагнул в темный проем, увлекая ее за собой. Фея, пожав плечами, ухватила за другую Василисину руку.

— Диана, прихватишь мой рюкзак? — донеслось изнутри.

— Ага...

Так, потихоньку, они переместились цепочкой в середину дупла.

Внутри было душно, пыльно и пахло сухими листьями. Босые ступни Василисы погрузились в теплый и мягкий мох.

— Приготовьтесь, — произнесла Диана.

Вытянув руку, она повернула едва заметный сучок на стенке.

— И что это за механизмы... — начал Фэш, но не закончил: земля резко ушла из-под ног, и, подняв тучу сухой листвы, ребята провалились неизвестно куда.

Фэш от неожиданности отпустил руку Василисы, но Диана крепко держалась за другую ее руку. Истошно вопя, они падали все вместе.

К счастью, падение было недолгим, они приземлились на большую охапку сена, причем Василиса больно ударила коленкой, зацепившись за ногу Фэша.

— Классно, да? Я вам специально ничего не говорила, чтобы поинтереснее было! — Диана подскочила на ноги и принялась отряхиваться от листьев и соломы.

— Что за странный переход? — морщась, сказал Фэш. Одновременно мальчик старался незаметно потереть щиколотку: видать, тоже хорошо ударился.

— Во, дубина, это же тайный переход! И самый быстрый. — Диана снисходительно посмотрела на него. — Если бы мы шли официально, у-у-ужас... обследование, уменьшение, опять обследование... только бумаги всякие оформить — сколько времени. А так — раз! — и мы почти на месте.

Кажется, ребята снова очутились в большом дупле — через маленькое окошко пробивались голубовато-серые тени. Похоже, начинались сумерки.

Фэш поднялся на ноги и осторожно выглянул.

— О, порядок! — И он скрылся в проеме. За ним выпрыгнула Диана.

Василиса, прихрамывая, последовала их примеру.

Она очутилась на огромном бревне, от которого шли бревнышки поменьше, окруженные гигантскими лопатообразными листьями, развевающимися на ветру, словно надутые паруса. Василиса глянула вниз, и ей чуть не стало плохо: земля была далеко-далеко...

— Какое все большое! — ахнула она.

Фэш, расставив руки для балансировки, уже двигался по бревну. Однако, услышав ее восклицание, приостановился.

— Дерево осталось такое же самое, как и было, темнота! — насмешливо крикнул он. — Это мы стали маленькие...

— Я посмотрю, что там внизу, — быстро сказала Диана и прыгнула вниз.

— Ах! — вырвалось у Василисы.

Но все было в порядке: у Дианы на спине развернулись целых шесть бледно-голубых крыльев, и фея, осторожно снижаясь, лавировала между огромными листьями.

Василиса расставила руки в стороны и теперь изо всех сил представляла, что идет по простому гимнастическому бревну.

— Может, тебя перевести? — вновь оборачиваясь, спросил Фэш. — А то еще свалишься.

Василиса молча сделала ласточку, как на тренировке.

Брови Фэша поползли вверх, но он ничего не сказал, повернулся и пошел дальше. Василиса, довольная произведенным эффектом, последовала за ним.

— Думаю, пора слететь отсюда, — сказал Фэш, когда они дошли почти до самого конца гигантской ветки. — Смотри, как хитро придумано: нечасовщик — тот, кто без крыльев, — не смог бы спуститься с этого дерева...

Василиса поморщилась, уловив издевку в его словах.

— А как же мне быть? — невинно хлопнув глазами, спросила она.

— Вот именно, — многозначительно выгнув бровь, сказал Фэш. — Может, останешься здесь и подумаешь как, а, фейра?

— Может, хватит меня подкалывать? — не стерпела Василиса. — У меня тоже скоро будут крылья.

— Размечталась!.. — возразил Фэш. — Пройти часовое испытание у фей не так-то просто. Тем более сомневаюсь, что ты будешь выступать на Чарованиях... Тебя выгонят в три счета.

— Ты мне надоел! Это... лети отсюда!

— Ой-ой, как фейра разозлилась!

— Перестань называть меня фейрой! — окончательно рассердилась Василиса. — Если бы сейчас мы стояли на земле, от тебя уже мокрого места не осталось бы!

— Ты хочешь умереть в юном возрасте? — тут же съязвил Фэш. — Нет, с девчонками я не дерусь, иначе ты получила бы свое сразу после треуголов...

— Ты тогда заслужил!

— Сама виновата!

— Я?! — Василиса задохнулась от возмущения. — Знаешь, кто ты?.. Дурак набитый!

Фэш фыркнул и поднял глаза к небу.

В ту же минуту Василиса, пытавшаяся подойти к мальчишке поближе, чтобы отвесить ему хорошую затрещину, поскользнулась на трухлявом участке коры и, нелепо взмахнув руками, сорвалась вниз.

К счастью, Фэш мигом оценил ситуацию: он прыгнул, вызывая крылья, и успел подхватить Василису на лету. Повинуясь силе ускорения, они полетели вниз, как камни, но у самой земли мальчик смог выровнять полет и довольно-таки успешно приземлиться.

Василиса тут же вскочила на ноги.

— О, как это мило! — Внизу их поджидала Диана. — А я думала, придется мне с Василисой спускаться, — продолжила она, усмехаясь. — Драгоций, ты поступил очень благородно, как настоящий рыцарь, — поднес даму на руках. Ты меня приятно удивил.

— Это вышло случайно! — мгновенно вспыхнул Фэш. — Она вечно падает! Скорей бы у нее и в самом деле выросли крылья.

— Все равно спасибо! — буркнула Василиса, уже оправившись от испуга. Фэш, каким бы противным ни был, только что спас ее, поэтому заслуживал благодарности.

— Я вообще удивляюсь, как это часовщики всего на четырех крыльях летают, — произнесла Диана, вконец развеселившись.

— А я удивляюсь, как вы, феи, в своих шести не путаетесь, — отпарировал Фэш. — Ой-ой!

Диана с Василисой разом подняли головы.

— Что такое?

— Рюкзак мой! — взвыл Фэш. — Где он?

— Я его не взяла, — просто сказала Диана. — Зачем тебе лишние вещи?

— Я же просил!!!

— Да ладно, — пожала плечами Диана. — Назад пути нет. Возвращаться будем совсем по-другому и очень-очень быстро.

— Но там вещи мои, — огорчился Фэш. — Як ним привык! И котелок... Я его даже почистил!

— Часовая стрела с тобой? Вот и ладно, — заявила Диана. — Когда будет можно,

наэфеишь новые вещички. И новый котелок. А сейчас нам лишний груз ни к чему.

— Угу. — Фэш выглядел очень расстроенным.

Диана покачала головой, пряча улыбку. Она вдруг засунула пальцы в рот и пронзительно свистнула.

— Я вызываю кое-кого, — пояснила она изумленной Василисе. — Не пешком же идти.

— О, я вижу дорогу! — Фэш, мгновенно позабыв о котелке, ринулся куда-то вбок.

Диана с Василисой осторожно последовали за ним, прошли сквозь острую и высокую, похожую на лес ножей, траву и очутились на широкой, усыпанной черно-белым крошечным, тропинке. Тропка, изгибаясь, исчезала за поворотом.

— Чудная дорога. — Фэш нагнулся вниз, разглядывая черно-белые крупинки. — О, битые ракушки! Странная мысль — посыпать дорогу в лесу ракушками, не находишь? — обернулся он к Диане.

— Ну и что? Мало ли что бывает, правда, Василиса?

Василиса только плечами передернула, ей уж точно хватало странностей. И она сама спросила:

— А как это получилось, что мы стали маленькими?

— Диана, спроси у фейры, умеет ли она читать. — Фэш опять был в своем репертуаре.

— Она не фейра, болтун! — Диана показала Фэшу язык.

— Видишь ли, Василиса, — сказала она, не обращая внимания на нахмурившегося мальчика, — феи живут на деревьях, даже замок Белой Королевы выстроен на огромном дубе, которому больше тысячи лет. Поэтому они и зачасовали все входы в Чародол от людей: кто желает посетить их, уменьшается ровно в пятнадцать раз, чтобы разговаривать с феями и лютами на равных.

— А феи увеличиваются, когда собираются посетить мир людей? — заинтересовалась Василиса.

— Границы между нашими мирами действуют в две стороны; когда мы будем возвращаться, увеличимся в пятнадцать раз, станем такими, как были.

— А у тебя какой рост настоящий? — не удержалась Василиса. — Ты ведь фея, значит...

— Ну-у... — Диана замялась.

Где-то вдали послышался грохот, треск и шуршание.

— Бегут! — радостно воскликнула Диана.

Звук нарастал приближаясь. Кто-то ехал и вскоре должен был показаться из-за поворота. Фэш настороженно прислушивался, то и дело хватаясь за руку с часовым браслетом. Его волнение передалось и Василисе.

Наконец, разметая ракушки в стороны, на тропинку выскочила гигантская тварь, похожая на ящерицу, и устремилась прямо на них. Василиса вскрикнула от ужаса и машинально схватила Фэша за рукав, стремясь увести его в сторону, чтобы он не попал под лапы страшного животного. Но тварь притормозила и замерла всего в трех шагах, уставившись на них выпуклыми ярко-зелеными глазами. Самое интересное, на ящерице было надето седло и прочая упряжь. Неужели...

— Эй, Златка! — послышалось из-за поворота. — Тпр-ру-у, негодная!

На тропинку вылетели сразу три ящерицы, и на одной из них был седок — мальчишка, одетый во все зеленое, даже шапка его была яркого изумрудного цвета. За его спиной висели прозрачные серые крылья — шесть штук. Сам он восседал на высоком седле, в руках держал поводья, а ноги его находились в маленьких коротких стремях в таком положении, что колени доставали ему почти до подбородка.

— Ну, что встали? — бросил он. — Садитесь и поехали, время не ждет! У меня, кроме вас, еще куча вызовов!

— А ты кто? — подозрительно спросил Фэш, торопливо пряча стрелу обратно в браслет.

— Перевозчик Ярк, — напыщенно сказал мальчишка, лихо заворачивая шляпу на одно

ухо. — Причем заслуженный: сто лет на ящерицах катаю... Четыре места до Большого Дуба — Белого королевского замка... Все правильно?

— Три места, — поправила Диана, заслоня собой вмиг побледневшего Фэша. — Но не беспокойся, плата останется той же, ясно?

— Чего уж не ясно, добро! — весело кивнул перевозчик. — Значит, я сам поеду, без попутчика за спиной. Ну, выбирайте, какая из ящерок по нраву, и вперед.

— Я на этой. — Фэш с любопытством глянул на ближнюю черно-желтую ящерицу — видать, и для него езда на этих пресмыкающихся была в диковинку.

— Сошка прозывается, — проследил за его взглядом Ярк. — Давай садись.

— А эта? — Василиса с опаской приблизилась к самой первой, что испугала их.

Ящерица, не мигая, настороженно присматривалась к девочке.

— Эта? — Веселый перевозчик усмехнулся. — Эту Фейрой зовут. Не бойся, тебе точно подойдет...

Фэш, не выдержав, тут же прыснул. Улыбнулась и Диана.

Василиса обиженно нахмурилась: издевается над ней зеленый, что ли? Но тот и не думал насмехаться.

— Особенная ящерица, — сказал он. — Около пяти лет у меня служит. Я ее в нашем лесу поймал, еле справился — норовистая. Девчонок очень любит катать.

Перевозчик подскочил, помог Василисе забраться в седло и объяснил, как надо держаться, чтобы не свалиться.

— Ящерки — спокойные зверьки, — весело приговаривал он. — Главное, никогда их за хвосты не дергать.

— Скажи, ты, наверное, фир? — спросил Фэш, устраиваясь на высоком седле. — Ты отсюда родом, да? А правда, что у вас...

— Четыре пальца на руках? Это да. — Ярк растопырил руки, на которых действительно было по четыре пальца. — У девчонок, ну, то есть у фей, — по пять, как у людей. Мы считаем, раз так, они должны больше работать. — Он звонко рассмеялся. — Да, а вас как зовут?

Диана представила их.

— Ну что ж, в путь! — произнес Ярк и добавил: — Н-но-о-о!!!

Ящерка Фейра вздрогнула, чуть ли не прогнувшись дугой. Василиса, не ожидавшая этого, еле удержалась на месте.

Ярк, выехав чуть вперед, свистнул как-то по-особенному, и ящерки двинулись за его Златкой степенным шагом.

— Чтобы привыкнуть, — пояснил фир.

Василису мотало из стороны в сторону, в такт виляющим движениям Фейры. Девочка боялась даже думать, что будет, когда эти «зверьки» пустятся в галоп...

Ящерка Василисы поравнялась со Златкой. Ярк заметил это и подмигнул девочке.

— Скажите, — тут же любопытствовала Василиса, — а сколько вам лет, интересно?

— Да будет две сотни, как я перестал считать, — ответил фир, отпуская поводья и зачем-то растопыривая четырехпалые руки.

Василиса покосилась на него: шутит, что ли?

Сошка, на которой восседал Фэш, поравнялась с ними.

— Феи и фиры бессмертны, темнота, — снисходительно пояснил он. — И люты, конечно, тоже. Род такой, духовный. Даже дошколята об этом знают.

Василиса нахмурилась и решила больше ничего не спрашивать.

— А почему дорога посыпана битыми ракушками? — поинтересовался тогда Фэш.

— А для ящериц. Для них лучше всего ракушки... Видели бы вы, какие под Белым замком устраиваются гонки на ящерках!

Неожиданно ящерка Василисы перешла на более быстрый шаг.

Ярк заметил это и крикнул:

— Прибавим шагу! — и залихватски свистнул.

Ящерки будто ждали сигнала — рванули с места и устремились вперед, поднимая фонтаны битых ракушек.

Василису замотало из стороны в сторону, на мгновение возникло ощущение, будто она раздвоилась. Трава неслась на них справа и слева, ракушки под лапами ящерок разлетались во все бока... Василиса почувствовала, что ее начинает тошнить. Ну никакого сравнения с ездой на чудесном Белорожке!

И вдруг ящерки остановились, застыв как вкопанные. Василиса, с трудом подавляя подступившую к горлу тошноту, глянула вперед и замерла, разобравшись в причине внезапной остановки.

Перед ними простиралось огромное голубое озеро. Водная гладь его застыла, раскинувшись большим мерцающим зеркалом. А посреди, вздымаясь сотней темных блестящих граней, высился замок. Он был похож на диковинный ребристый кристалл или на морского ежа, утыканного черными иголками-сосульками... Василиса никогда не видела такого странного строения.

— Замок Чернолют, — тихо сказала Диана, поравнявшись с ящеркой Василисы. — Здесь живут люты — темные фиры. Хотя у них, как у всех фей и фиров, тоже по шесть крыльев, они считают себя наивысшей часовой расой. А женщины требуют, чтобы их называли фертидами, а не лютками... — Диана скривилась.

— Диана, а они не могут нас задержать? — спросил Фэш. — Вы ведь с давних времен деретесь друг с другом.

— Во-первых, почти год как у нас мир, — резко ответила Диана. — А во-вторых, у меня есть охранная грамота. Когда будем на границе — на мосту, разделяющем наши земли, — просто предъявим этот документ, и нас пропустят, куда денутся.

— Не бойсь, — поддакнул Ярк. — Меня хорошо на границе знают, я перевожу туда и обратно. Всегда пропускали — что с феями, что с феридами, тьфу, фертидами, да какая разница!

Диана рассмеялась, Фэш улыбнулся. А Василиса подумала, что веселому и озорному перевозчику Ярку можно дать лет двадцать, ну уж никак не пару сотен лет. Так что он наверняка приврал про возраст.

Обстановка разрядилась, процессия из ящерок двинулась дальше.

Вскоре замок Чернолют остался позади, дорога стала намного шире — беги рядом десять ящерок и то не задели бы друг друга. Повсюду высились громадные-прегромадные стволы сосен и грабов, гигантские кусты орешника, малины и ежевики, много черничников, похожих на густо заросшие лесные холмы. Даже мох, устлавший корни деревьев, выглядел устрашающе.

Ярк целую дорогу болтал — все расспрашивал, зачем ребята едут в Белый замок. Фэш молчал, лишь иногда отнекивался, а Диана, наоборот, охотно отвечала и вслух мечтала занять первое место на Чарованиях. Василиса не говорила, да и вообще почти не дышала: она побаивалась, чтобы от столь сильной тряски ее не стошнило на зелено-черную спину ящерки.

— Вы бы спели, что ли? — попросил Ярк. — Как раз прорепетируете, а нам веселей ехать.

Фэш тут же отрицательно помотал головой. А Диана, взглянув на него с укоризной, сама затянула веселую песенку про невезучего рыжего кота. Ее звонкий голос хотелось слушать бесконечно.

— Вот сосновый бор пересечем, выедем на дорогу, где мостик через реку Хрусталеньку, — болтал Ярк, — махнем через маковое поле, а там уже до Большого Дуба рукой подать.

Возле моста их поджидали. Десять странных особ с темными крыльями тут же окружили ребят, грозно наставив короткие пики — черные, с тонкими красными остриями, похожие на те, что были у часовщиков в Лазоре. Златка обеспокоенно закрутилась на месте, даже зеленая шапка у Ярка съехала на одно ухо.

Василиса с удивлением взирала на крылатых людей: на них были черные короткие накладки с красным оперением, и поэтому их крылья казались продолжением одеяний. Плотные темные штаны были заправлены в высокие кожаные сапоги, также украшенные по голенищу алыми перьями.

— Что такое? — удивленно произнес Ярк, первым спрыгивая с ящери на битые ракушки.

Из толпы чернокрылых вышел низкорослый лют с начисто бритой, похожей на орех головой и очень большими некрасивыми ушами. У него одного красовался на голове нелепый медный обруч.

— Покажите ваши дорожные грамоты, — каркнул ушастый неприятным голосом и почему-то посмотрел на Василису.

— Кто вы такие? — осведомился Ярк. — И где охрана моста?

— Сейчас мы — охрана моста, — надменно отозвался ушастый. — Разберемся...

— Мы едем на Чарования, как участники. — Голос Дианы дрогнул. Но она тут же справилась с собой и протянула ушастому охранную грамоту.

— Мы знаем, в чем вы на самом деле хотите участвовать, уважаемые, — холодно произнес ушастый, едва взглянув на грамоту. — Но нас это не тревожит...

Ушастый немного помедлил, будто раздумывая, чего бы еще такого неприятного сказать, и заявил:

— А вот она, — он ткнул в Василису пальцем, — пойдет с нами.

— Что? — Диана растерянно переглянулась с Фэшем.

У Василисы глаза полезли на лоб от такого заявления.

Ушастый, не теряя времени, тут же ухватил ящерку Фейру, сильно потянув за поводья.

— Пойдите, — вмешался Ярк, — но у меня приказ доставить четырех... э-э, трех участников во дворец Белой Королевы...

— Дочь часодея Огнева поедет с нами, — невозмутимо сказал ушастый. — Мы забираем ее под залог как откуп за злодеяния отца.

— Но это невозможно! — заволновалась Диана. — Василиса Огнева едет в Белый Замок, на Чарования!

— Нет, она туда не поедет. Мне приказано привезти ее в любом случае.

— Вы хотите нарушить мирный договор! — разозлилась Диана. — Это пахнет международным скандалом!

— А может, так будет лучше? — вдруг сказал Фэш. — Действительно, пусть фейра едет к лютам, если сами приглашают...

Диана кинула на него хмурый взгляд, но промолчала.

— Мы не нарушаем мирный договор между феями и лютами. — Ушастый сделал небольшую, но эффектную паузу и продолжил: — Часодей Огнев в большом долгу перед Черной Королевой... — Опять короткое и многозначительное молчание. — Поэтому наша повелительница приказала взять под охрану его дочь, пока господин Огнев не вернет то, что должен.

— А что именно он задолжал? — с опаской спросила Василиса, не очень-то надеясь на ответ.

Но ушастый ответил:

— Он задолжал ей свою смерть.

— Ну нет, это уже слишком, — тихо произнес Фэш.

Вновь помедлив, ушастый добавил:

— Вы будете жить в Черном Замке на правах гостыи, пока ваш отец не придет за вами. А вы передадите ему наши слова. — Ушастый обернулся к фее.

Диана охнула:

— Да вы не имеете права!

— Вообще-то имеем, — сказал ушастый. — Вы на нашей территории.

— Отец никогда не придет, чтобы спасти меня! — внезапно выкрикнула Василиса. —

Никогда, слышите?!

Она с силой натянула поводья и лягнула ящерку пятками. Фейра от неожиданности крутанулась на месте и метнулась через мост, в мгновение ока очутившись на другой стороне.

— Василиса, беги! — крикнул Фэш, сам подстегнул пятками Сошку и ринулся на ушастого.

Правда, его намерение закончилось довольно бесславно: его тут же стащили на землю, мигом приставив несколько пик к горлу. Диана кинулась Фэшу на помощь, Ярк же попытался проскочить за Василисой. И ему это удалось, но с той стороны веселого перевозчика ожидал новый повод для удивления.

На другом берегу, окружая Василису и отрезая ее от лютов, устремившихся в погоню, находилось около двадцати крылатых особ. Все они красовались в белых мантиях, отделанных синим оперением по краю рукавов, капюшона и низу одежды.

В отличие от черных, белые имели длинные волосы, белые крылья и были вооружены короткими серебристыми мечами. Василиса заметила, что на клинках светилась гравировка из обычных цифр, словно каждому из мечей присваивался личный номерной знак.

— Так-так-так, нехорошо...

От белой группы отделился высокий, стройный фир и неторопливо взошел на мост. С другой стороны к нему поднялся ушастый лют. Приблизившись друг к другу на расстояние двух метров, они остановились. Василиса подметила, что оба не взяли с собой оружия.

— Нехорошо, — повторил белый фир, — задерживать почетную гостью его величества Белой Королевы на границе.

— Его величество Черная Королева также желает видеть дочь Нортон Огнева у себя во дворце. Вот приглашение... — Ушастый сунул руку под накидку и вытащил лист бумаги, свернутый в трубочку и перевязанный красной лентой.

— К сожалению, вы опоздали, — жестко прервал его белый фир, вытаскивая из-под своей накидки другую бумагу, также свернутую трубочкой, только перевязанную синей ленточкой.

— Белая Королева принимает у себя дочь Нортон Огнева? — ехидно спросил ушастый. — Она готова так быстро забыть прошлое?

— В Чарованиях может принимать участие каждый, — ровным голосом произнес белый фир. — Моя обязанность, как и ваша, почтенный страж, проследить, чтобы никто из гостей-участников не терпел неудобств или, скажем, мелких неприятностей на празднике... Как я полагаю, Черная Королева будет присутствовать на сем великом действе?

— Повелительница никогда не пропускает Чарования, — кисло ответил ушастый. — Но все же будьте благоразумны, — настойчиво продолжил он, — какой вам интерес в дочери Огнева? Белка решила оказать ей честь назло нашей повелительнице? Или же она готова посвятить девчонку в часодейство?

— Почтенный страж! — Длинноволосый слегка нахмурился. — Я не обязан посвящать вас в какие-либо планы моей госпожи. Тем более в планы, о которых я ничего не знаю. И попросил бы вас выбирать выражения, когда вы говорите о повелительнице соседнего с вашим государства.

Ушастый, казалось, надулся от злости, но ничего не ответил. Он молча развернулся и сделал быстрый знак рукой: Фэша тут же отпустили.

Через несколько секунд черная стая лютов взмыла в воздух и вскоре исчезла за кронами деревьев.

Фир в белом довольно кивнул, всем своим видом одобряя решение соседей.

— Попрошу вас следовать за мной, маленькие дамы и господа, — обратился он к ребятам. — И прошу вас, пришпорьте ваших ящерниц, Чарования скоро начнутся.

ГЛАВА 15 ЧАРОВАНИЯ

На ветвях Большого Дуба, оказавшегося действительно очень большим — истинным исполином, раскинулся Белый Замок. Маленькие домики, башенки и павильоны, сверкающие бело-голубым, словно выстроенные из льда, соединялись между собой тонкими и длинными ажурными лестницами. Повсюду сияли крохотные разноцветные светильники: зеленые, желтые и алые огоньки усеяли замок не хуже новогодних гирлянд. Внизу под Большим Дубом раскинулось пышное царство благоухающих цветов, ярких и крупных. А с веток гигантского дерева спускались сотни качелей — кажется, катание на них входило в любимые развлечения фей.

Василиса невольно подумала, что не прочь пожить в таком удивительном месте куда больше положенной недели.

Их поселили на соседнем дереве-гостинице — молодом невысоком дубе с необычными серебристо-зелеными листьями. Положенные им комнаты находились на третьем ярусе; девочки заняли одну на двоих, а Фэш поселился в соседней. Рядом, если осторожно пройти по ветке, находилась чудесная маленькая беседка, где можно было пить чай и спокойно разговаривать, если захочется укрыться от посторонних глаз.

— Василиса, и почему это Королева лютов приглашала тебя? — уже в который раз спрашивала Диана.

Они растянулись на кроватях в комнате, чтобы немного отдохнуть после поездки.

— Откуда я знаю! — Василису начинала злить настойчивость феи.

Хорошо, что Фэша не было с его издевательскими замечаниями: он пошел регистрировать заявки.

— Все это очень, странно, — опять покачала головой Диана. — Сначала господин Лазарев, теперь — наша Королева официально пригласила тебя на Чарования. И даже Черная Королева — все тобой интересуются! Я уж молчу о твоём отце... Три правителя обеспокоены твоим посвящением... Не понимаю.

Василиса пожала плечами.

— погоди, почему три? — удивилась она. — Мой отец что, тоже...

— Да нет, твой отец, конечно, не король. — Диана усмехнулась. — Хотя, я слышала, он не прочь занять какой-либо удобный трон, например астроградский... Я говорю о Лазареве. Да нет, отец Ника, конечно, тоже не король, — предупреждая изумление Василисы, сказала Диана, — но он представляет интересы Астариуса, часовщика из Воздушного замка — некоронованного короля вашего Астрограда. Другими словами, подчиняется ему.

— А кто это? — удивилась Василиса. — Он состоит в Радосвете?

— Он повелевает Радосветом, — поправила Диана. — Но Астариус почти никогда не выходит из своей Звездной башни — самой высокой в Воздушном замке. Только когда приближаются очень важные события, война или другая мировая угроза, как сейчас... Говорят, он путешествует по времени и ему подвластны все часовые законы. Наш мир не интересен ему, потому что Астариус знает прошлое, настоящее и будущее.

— Это возможно? — удивилась Василиса. — Знать будущее?

— Будущее никто не знает.

— Но ты же говорила, что Астариус...

Диана перевернулась на живот, легла щекой на подушку и закрыла глаза.

— Будущее имеет множество моделей, — пробубнила она в подушку. — Так называемых вероятностей. Их тысячи. Астариус может свободно путешествовать по вероятностям, но какая из них произойдет на самом деле, он не может предугадать, как и любой часовщик. Только от человека зависит, какое у него будет будущее. Но варианты вероятностей будущего узнать можно. Особенно если умеешь так ловко перемещаться во времени и пространстве, как великий Астариус. Понимаешь суть?

— Кажется... — Василиса задумалась. — Допустим, передо мной тысяча разных книг. Я протягиваю руку к любой из них — это и есть вероятность. Значит, передо мной тысяча вероятностей, тысяча протягиваний руки к разным книгам. Но вот какую книгу я точно

возьму в руки — узнаю только я. И то после того, как возьму.

— Молодец, соображаешь, — улыбнулась Диана. — Только учти: ты можешь вообще не выбрать ни одну из книг, и это будет тысяча первая вероятность... А если брать будущее в более широком диапазоне, ты можешь даже не подойти к этому столу с книгами, а выбрать... столик с яблоками. И тогда книжного столика вообще не будет в твоей жизни — яблочная вероятность заменит книжную.

— Ой, это уже как-то очень сложно...

— Это основы Хронологии, — зевнув, сообщила Диана. — Мой любимый предмет.

Василиса вспомнила, что уже слышала о Хронологии от феи Клементины. Интересно, какие предметы изучают в Школе часов? Есть ли там, ну скажем, зоология? А еще Василиса вспомнила, что Фэш вроде бы учился у...

— У этого Астариуса есть ученики? — спросила она вслух. — Вот Фэш...

Диана приглушенно хмыкнула:

— Конечно, наш ворчун тебе больше об этом рассказал бы... Да, Астариус обучает лучших учеников часовых школ и наш друг Драгоций входит в число счастливицов. Раз в неделю верховный часодей вызывает их к себе в Башню и обучает всяким временным хитростям.

— А взрослых он тоже учит? — любопытствовала Василиса.

— Нет, хотя многие бы хотели стать его учениками. Лазарев не раз говорил, что Астариуса интересует всего лишь одна вещь: свобода выбора. Та сила, которая и направляет человеческую руку в бесчисленном море вероятностей. И что юный ум более гибок в принятии решений, чем зрелый, наполненный под завязку всякой чепухой. Поэтому юных еще можно обучать, а старых уже поздно. — Фея не выдержала и захихикала.

— Наверное, поэтому он и обучает юных часовщиков, — высказала предположение Василиса. — Потому что у них гибкая свобода выбора.

— Верно мыслишь, — прищурилась Диана. — Все так и считают. Поэтому любая семья мечтает подсунуть Астариусу своих детей на обучение, чтобы те стали великими часовщиками. Например, Маришка Резникова, с которой ты уже знакома, тоже обучается у Астариуса.

Вспомнив наглую девчонку, Василиса поморщилась.

— Интересно, как Фэш попал к Астариусу? — задумчиво произнесла она. — Наверное, он из какой-нибудь крутой и богатой семьи. Ник вроде говорил про это...

Речь Василисы рассмешила Диану.

— Насколько я слышала от Ника, Фэш из ужасной-преужасной семьи. Мало того, наш друг Драгоций сбежал из дома и числится в Школе темночасов как сирота. А самое интересное, — Диана понизила голос, — родной дядя преследовал Фэша и даже подавал в суд на школу, чтобы отдали мальчишку назад.

— Правда?!

— Правда, — кивнула Диана. — Я слышала от Ника, что Фэш успел хлебнуть горя в семье. Он поссорился со своим дядей, и тот угрожал ему. Фэш еле от них спасся... В школе пацан быстро догнал остальных и вскоре стал лучшим учеником, и все благодаря постоянной учебе... Жалко только, что эта усидчивость, видать, и испортила его характер. — Фея прыснула.

Василиса тоже улыбнулась. Но она никак не могла поверить, что злой и заносчивый Фэш тоже родился в «неправильной» семье, раз захотел убежать от своих родственников. Она совсем по-новому взглянула на него и даже преисполнилась к мальчишке некоторым сочувствием.

— И все-таки что за интерес к тебе у Черной Королевы? — поменяла тему Диана. Видно, сцена на мосту все не давала ей покоя. — Не понимаю...

Василиса, все еще размышляя о Фэше и его семье, промолчала.

— Кстати, Астариус будет присутствовать на Часовом Круге, — продолжила Диана. — Я знаю, потому что Лазарев при всем дворе передавал эту новость Белой Королеве... Ох,

надеюсь с отцом Ника все в порядке... Иначе кто спасет самого Ника?

Василиса вздохнула. Лишь бы ее пригласили на это посвящение! И тогда она обязательно поможет Нику.

В дверь постучали.

— Можно? — спросил Фэш снаружи.

— Нужно, — ответила Диана. — Ты что, как не свой?

— Кто знает, чем вы тут заняты, — огрызнулся Фэш, мигом нарисовавшись на пороге. Мальчишка выглядел очень счастливым. — Наше выступление через три часа, — довольно сообщил он Диане. — Фу-у, выступим и будем свободны. — А фейра танцует сразу после нас, — насмешливо добавил он. — Мы выступаем в двенадцатом отделении: будем плыть на лодке и распевать песенки... — Фэш поморщился. — А она пойдет позориться в тринадцатом отделении.

— О, счастливый номер! — улыбнулась Диана.

— У нас на Остале он не считается счастливым, — кисло сказала Василиса. У нее крепко сосало под ложечкой: начинался мандраж перед выступлением. — И почему так быстро? А подготовиться? А музыку подобрать? А костюм?

Она разволновалась не на шутку.

— Ты за выступление сильно не переживай, для тебя это не главное... — успокаивающе произнесла Диана. — А вот когда минует полночь, будет поинтереснее... Но сейчас тебе надо подобрать другое платье, от этого одни обрывки остались.

— Точно, — поддакнул Фэш. — По улицам было стыдно лететь, пролетающие на тебя оборачивались...

Василиса тут же вспыхнула.

— Выйди, ты нам мешаешь! — прикрикнула на него Диана.

— То свой, то мешаешь, — пожал плечами Фэш. — Пойду лучше по Большому Дубу, то есть Белому замку, погуляю...

— Я тебе сейчас наэфферу какое-нибудь платье. — Диана встала с диванчика. — Только я не очень умею, не моя специализация.

— Постой! — Василиса хлопнула себя по лбу. — У меня есть, э-э, штука одна, мне ее когда-то подарили, давно... Ну, не то чтобы очень давно, в общем... но я не знаю, работает ли вообще эта вещь.

Василиса потупилась: судя по лицу Дианы, ее бессвязная речь казалась чудной и неискренней.

Чтобы не сболтнуть еще чего-нибудь, Василиса поднесла руку к плечу и вытянула иголку из ткани платья.

Диана, широко раскрыв глаза, молча смотрела на иголку.

— Это не волшебная вещь, да? — по-своему поняла ее изумление Василиса. — Мне сказали, что эта иголка может превращать любое платье в другое...

— А ты, Василиса, совсем не проста, — медленно произнесла Диана. Осторожно, словно боясь уколоться, она потрогала иголку. — Мало того, многие модницы готовы были отдать все свои богатства, чтобы получить такой королевский подарок.

Василиса, скосив глаза, глянула на иголку: обычная, с простой синей ниткой.

— Испробуй, — быстро сказала Диана. — Представь любую одежду, какую тебе нужно для танца, и протяни иголку через ткань.

— Так просто?

Фея всплеснула руками:

— Василиса, ну конечно, непросто! Твоя иголка — мощное устройство, тонкий временной механизм. Он переплетает вероятности будущего и прошлого, пользуясь твоим же воображением, и создает их в настоящем. Я лично знаю только одного такого мастера: отец Ника может создавать подобные вещи... Давай не тяни.

Василиса закрыла глаза и отчетливо представила коротенькое платье испанской гимнастки с последнего чемпионата мира; она смотрела эти выступления в тренерской,

вместе с Ольгой Михайловной и ребятами. Платье было сине-белое, охваченное языками льдисто-голубого пламени, надетое на белое прозрачное трико. Отличное платье...

— Ух ты!

Василиса открыла глаза. Диана держала в руках большое зеркало — видно, только что наэферила.

Платье на Василисе было в точности такое, как на испанской гимнастке.

— Ох какое красивое! И необычное. — Диана удивленно рассматривала костюм Василисы. — Даже на ноге узор есть!

Василиса глянула: точно! А она даже забыла, что у испанки был точно такой же рисунок на трико... Скорей всего, иголка в точности восстанавливает виденный ранее образ.

— Диана, — медленно произнесла Василиса, — а ты можешь мне наэ-э... наэферить такую вот маленькую палочку с серебристо-синей лентой длиной метров в семь?

Фея задумалась.

— Знаешь что? А я дам тебе свою часовую стрелу, — наконец сказала она. — И наэферу какой хочешь длины ленту...

— А я не сломаю? — забеспокоилась Василиса.

— Только попробуй! — грозно сказала Диана и тут же весело добавила: — Часовую стрелу нельзя сломать, не переживай. Разве положишь ее на наковальню да как бахнешь со всей силы тяжелым кузнечным молотом... И даже тогда остается шанс, что все будет в порядке.

* * *

Никогда еще Василиса так не волновалась. Как она сейчас выступит, без тренировки? Придется импровизировать на ходу... Но сколько же зрителей! Со школьными соревнованиями и близко не сравнишь. И даже с областными... Ну ничего, все будет хорошо: танец с лентой — лучшее из программы, что они с Ольгой Михайловной готовили для выступления в летнем лагере.

Между толстыми ветвями соседнего с Белым замком дуба была протянута тонкая серебристая паутина.

— На вид не очень прочная, — поделилась опасениями Василиса, когда Диана перенесла ее на самый край площадки.

— Не бойся! Эта паутина плотная и очень крепкая, на ней даже замок можно построить — выдержит... Ладно, я полечу, посмотрю, где Фэш лазит, что-то его нигде не видно.

Василису немного кольнуло, что Фэш даже и не думал смотреть ее выступление. Но, с другой стороны, он и не обязан видеть, как она «опозорится».

— Наверняка спасается от поклонниц, — продолжала щебетать раскрасневшаяся после выступления Диана. — А голос у него и вправду хорош...

Да, надо признать, спел Фэш что надо. Они с Дианой исполнили необычайно грустную песню на неизвестном Василисе мелодичном языке, похожем на французский, а может, испанский... Песня явно была о любви, судя по одухотворенному и немного глупому выражению их лиц, особенно у Фэша. Василиса поймала себя на мысли, что слушает затаив дыхание — хорошо, что мальчишка этого не видел, — точно бы потом издевался.

Зазвучала красивая, нежная музыка, будто зазвенели колокольчики на ветру.

— Ладно, я пойду к зрителям, — заволновалась Диана. — Главное, запомни: как только выйдешь на край площадки, вспомни мелодию, под которую будешь танцевать, и она тут же зазвучит. Видишь, все просто. Да и не переживай! Просто выступи — и все.

Василиса передернула плечами: говорить уже не могла от волнения.

Тут же, перебивая мягкую, хрустальную мелодию, ударили барабаны — зачастили дробью.

Диана еще раз ободряюще кивнула Василисе и упорхнула.

Фир в голубом одеянии, с белыми, словно из искрящегося льда крыльями, завис над

сценой и объявил открытие тринадцатой части праздничного вечера. После долгой и витиеватой вступительной речи, где возносились заслуги победителей-танцоров прошлогодних Чарований, вновь ударили барабаны и тут же смолкли.

— Василиса Огнева! Танец с лентой!

Мурашки последний раз пробежали по ее спине и пропали.

Василиса глубоко вздохнула, выпрямилась, крепче сжала палочку с намотанной на локоть лентой и вышла на прозрачный серебристо-серый пол.

По краям площадки горели огни, мягким светом озаряя пространство сцены. Множество фей и фиров расселись на ветках, а некоторые зависли в воздухе. На самом верху возвышалась королевская лоджия для почетных гостей. Среди разноцветной толпы Василиса увидела двоих, мгновенно бросившихся в глаза: слепяще-белую и мерцающе-черную фигуры, причем последняя была весьма широкоплечей.

Василиса еще раз вздохнула и закрыла глаза.

И тогда зазвучала мелодия — марш из «Щелкунчика», — та самая, что Ольга Михайловна подобрала Василисе для выступления в летнем лагере.

«Эти зрители — просто игрушки, — решительно сказала себе Василиса, чтобы расслабиться. Она всегда так настраивалась. — Я буду выступать перед своими любимыми, старыми игрушками».

Василиса взмахнула часовой стрелой, и лента змейкой метнулась в сторону, оставляя за собой серебристо-синий зигзаг. Повинуясь ритму музыки, девочка упала на колено и сделала переворот — лента послушно прокрутилась вслед.

Волнение привычно отступило, Василиса окунулась в знакомую стихию, где каждое движение дарило ей радость правильно исполненного элемента. Она любила гимнастику больше всего на свете, любила свою программу, любила танцевать с лентой, просто любила танцевать.

Василиса носилась по площадке, исполняя пируэт за пируэтом, прогибаясь в мостик, вращаясь на одной ноге и совершая сложные прыжки. Лента охотно подчинялась ее уверенной руке, скручиваясь во всевозможные зигзаги, восьмерки и спирали.

Вот гимнастка с силой подкинула стрелу, сделала переворот на одной ноге и тут же поймала снаряд на лету, пустив ленту широким зигзагом. Зрители восторженно взревели и захлопали в ладоши. На миг Василисе показалось, что она выступает на обычных соревнованиях и это знакомые ребята приветственно выкрикивают ее имя в общем гуле толпы, а не все эти феи с фирами.

И вот — коронный элемент номера. Василиса высоко подняла руку со стрелой и, пустив ленту по кругу, быстро-быстро завращалась на одной ноге, вторую идеально выпрямив вверх. Это был самый сложный элемент ее выступления и потому требовал полного сосредоточения.

Лента вновь заплясала вокруг гимнастки, извилась и запрыгала — то бросалась в сторону сверкающей молнией, то шла вокруг плавной линией, то сворачивалась мелкими кольцами.

И вот последние аккорды знаменитого марша. Василиса закрутила ленту в кольцо, прыгнула в него же и изо всех сил подкинула стрелу. Пока лента описывала плавную дугу в воздухе, гимнастка сделала три изящных кувырка. Па-бам! Осталось лишь поймать стрелу и тут же замереть с улыбкой на губах, сильно прогнувшись в мостик.

Феи взвились в воздух и подняли свои часовые стрелы в приветственном крике — по-видимому, так они выражали свое одобрение.

Василиса была счастлива. Эх, видела бы это выступление Ольга Михайловна! Ее ученица не совершила ни единой ошибки.

* * *

— Ты опять меня удивила! — В комнатку, словно вихрь, ворвалась Диана. — Что ты

вытворяла с лентой, невероятно! Такие танцы популярны на Остале?

— Ну, это не совсем танец, — ответила Василиса, все еще смущенная аплодисментами восхищенных зрителей. — Это художественная гимнастика... Спасибо за стрелу.

— Красиво, — кивнула Диана, принимая часовую стрелу назад и вмиг закручивая браслетом на правой руке. — Научишь меня как-нибудь... Особенно тому перевороту с одной ногой.

— Хорошо.

— А мне понравилась твоя часовая стрела. — Василиса, не удержавшись, кинула взгляд на правое запястье Дианы. — Такая легкая, удобная, я даже не ожидала.

Диана хитро улыбнулась, но ничего не успела сказать, потому что в распахнутое окно комнатки влетел большой букет белых роз и упал на пол перед Василисой.

— Ого! — удивилась Диана, наклоняясь к цветам и выдергивая голубой краешек бумаги. — Смотри, у тебя появился фанат?

И она протянула записку изумленной Василисе.

«Ну что, Огнева, — говорилось в записке, — ты узнала, почему всем мешаешь?»

— Это что, Фэш так пошутил? — спросила Диана, заглядывая через плечо Василисы. — Я видела, ему явно понравилось твое выступление. — Фея ухмыльнулась.

— Он что, правда смотрел? — как можно равнодушной произнесла Василиса, чтобы Диана ничего не заподозрила.

Но Диана, конечно, заподозрила.

— Смотрел затаив дыхание, — произнесла она, не сводя с Василисы пронизательного взгляда. — А ты чего краснеешь? Тебе он что, нравится?

— Нет конечно! — тут же вспыхнула Василиса. — Это я после выступления еще не отошла... Я уверена, Фэш такого бы никогда не сделал. Да и, судя по записке, она от Марка. Он все время мне твердил, что я всем мешаю.

— Какой-такой Марк?

— Марк, он был на моем посвящении, Золотой ключник.

— Маркус Ляхтич? — немного ошарашенно уточнила Диана. — Он к тебе тоже неравнодушен?

— Это точно, — кисло подтвердила Василиса. — При первой встрече он чуть не сломал мне пальцы.

— М-да, не очень приятное знакомство. — Диана озадаченно выгнула правую бровь. — Но не беспокойся, вряд ли бы он шатался по Чародолу. Сейчас за ключниками глаз да глаз...

Но Диана не удержалась — беспокойно оглянулась.

— Кто же тогда прислал записку?

— Кроме друга Драгоция, некому. — Диана, вновь развеселившись, показала Василисе язык.

И тогда в дверь постучали.

— Можно? — послышался голос Фэша.

— Вот сейчас и спросим, — тихо сказала Диана и добавила громче: — Нужно! Входи...

— Не надо! — прошипела Василиса. — Только ничего ему не говори, слышишь?

Диана опять улыбнулась. У нее явно было отличное настроение.

Вошел Фэш донельзя довольный. Под мышкой он держал свой часолист со свисающей закладкой-кисточкой.

— Мне пришло приглашение на аудиенцию к королеве, — просто искрясь от счастья, сообщил он. — Сегодня в полночь. Мол, приглашены лучшие певцы...

— Ну, конечно, лучшие, кто бы сомневался!

Фэш порозовел.

— Наде-еюсь, ты позво-о-лишь мне сопровожда-ать себя, о непревзойде-е-енный? — насмешливо пропела Диана.

— Избавишься от тебя, — фыркнул Фэш. — Кстати, могла бы сразу сообщить, что ты вся такая придворная фрейлина. А то я себя дураком почувствовал, когда мне сообщили:

«Ваш дуэт с госпожой Дианой Фрезер, придворной фрейлиной ее величества, признан одним из лучших номеров, и ее величество...», ну и так далее.

Фэш вдруг заметил белые розы, удивленно покосился на них, но промолчал.

— Красивые цветы, а? — хитро щурясь, спросила у него Диана.

— Наверное, — тот пожал плечами. — Короче, фрейлина, я зайду за тобой в полночь. Пока.

— Постой, а Василису разве не пригласили? — удивилась Диана. — Ах да, у нее же нет часолиста, а приглашение приходит только по часовой почте...

— Ее и не пригласят, — обернулся Фэш уже в дверях. — Она же не умеет петь... Танцы — это ерунда... Ладно, меня ждут.

И он скрылся.

— Стой, мы же еще не договорили! — кинулась за ним Диана.

— Потом договорим! — донеслось издалека.

— Даже дверь за собой не закрыл, — проворчала Диана. — А мы не успели его допросить как следует...

— Да не он это, — кисло сказала Василиса. — Ты что, не видишь, он меня недолюбливает.

Ей вдруг стало так тоскливо на душе, что захотелось зарыдать.

— Эй, отставить пессимистические настроения! — Диана, как всегда, была более чем проницательна. — До полуночи еще куча времени. Я уверена, тебя пригласят на аудиенцию и ты попросишь о своем посвящении.

— Я попрошу совсем о другом! — зло сказала Василиса. — Я не хочу быть часовщицей. Все! Я решила окончательно.

Диана открыла рот, чтобы возразить, и вдруг раздумала.

— Подождем до вечера, — сказала она. — В связи с этими загадочными цветами и запиской тебе лучше побыть здесь, в комнате. На всякий случай.

И тут в окошко влетел еще один букет. Вернее, букетик — маленькая связка ландышей.

— Слушай, я начинаю завидовать, — удивленно сказала Диана, оглядывая цветы: записки не было.

— Мне никогда не дарили сразу так много цветов, — изумилась Василиса. — Только Лешка на день рождения... Розу одну.

— А, твой друг, да? — тут же вспомнила Диана. — С которым ты разговаривала по средству связи?

— Да, по мобильнику, — кивнула Василиса. — А что, на Эфларе нет телефонов? Как вы связываетесь с друг другом?

— Через часы, — ответила Диана. — Или через часолисты. Инерциоиды. Через зеркала еще. Да как только хочешь... Поверь, тебе на Эфларе понравится! — вдруг добавила она с жаром. — Это же так здорово, уметь часовать! Тебе лишь бы посвящение пройти, а там быстро научишься!

Василиса вздохнула. Кажется, никто не принимал всерьез ее нежелание быть часовщицей. Но, честно говоря, она просто жутко боялась. Боялась, что не справится с этим новым, свалившимся ей на голову миром. И с этим непонятым, удивительным часодейством.

ГЛАВА 16 ЧАСОДЕЙНАЯ НОЧЬ

Тихо тикали часы на стене.

Луна, развалившись на полнеба, осторожно запускала через окошко белые мерцающие нити, будто бы стремилась опутать маленькую комнату диковинной паутиной.

Диана с Фэшем давно ушли на королевскую аудиенцию да еще заперли крепко дверь. Василиса отвернулась к стене, чтобы не видеть ярких лунных квадратов на полу,

отбрасываемых оконной рамой. Сон не шел, и вообще на душе у Василисы скребли иглозубые кошки.

Конечно, Диана очень расстроилась, если не сказать — была шокирована тем, что Василисе не прислали приглашения на аудиенцию к Белой Королеве. А Фэш, наоборот, так и сыпал ехидными замечаниями насчет того, что все шпионские планы фейры рухнули.

После аудиенции Диана пообещала расспросить во дворце знакомых фей о Василисиной судьбе. А еще велела никуда не выходить, а Фэш согласился, не без злорадства, крепко запечатать дверь и окно комнаты часовым эфером на случай неожиданных гостей.

— Ну и ладно, — вслух произнесла Василиса. — Так лучше.

Но на самом деле она давно так не считала.

Василиса соскочила с кровати, как и была, — в белой и длинной ночной рубашке, в которую превратилось ее сине-белое платье с помощью чудной иголки феи.

Она вдруг поняла, что на самом деле очень, очень **ХОЧЕТ БЫТЬ ЧАСОВЩИЦЕЙ**.

— Если рассуждать логически, — произнесла, обращаясь к самой себе, Василиса, — быть часовщицей не так уж плохо... Во-первых, можно летать, а еще делать разные сальто в воздухе и прыжки... Ух, наверное, это очень здорово! Во-вторых, хотелось бы научиться делать всякие штучки с часовой стрелой. А еще — утереть нос отцу, Норту, Дейле и Марку своим посвящением. И Маришке этой, а больше всех — Фэшу.

Василиса заложила руки за спину и начала прыгать по квадратикам, прочерченным луной на полу, словно играла в классики.

— Но кажется, — остановившись, добавила Василиса со вздохом, — я пропустила свой шанс. Кажется, я действительно эгоистка.

— Вот именно, дорогая.

Голосок Клементины прозвучал еле слышно, но Василиса тотчас узнала его. Фея сидела на подоконнике и болтала ногами. Теперь она была такого же роста, как Василиса, даже чуточку повыше.

— Вот именно, Василиса, — повторила фея. — Ты его почти упустила, свой шанс. Запомни, мало кто желает помогать людям, думающим только о себе.

— Я не эгоистка, — не удержалась Василиса. — Я просто не знаю, что делать.

Фея Клементина шумно вздохнула.

— Тебе надо бы иметь более устойчивое мнение, — заметила фея. — Несколько мгновений назад кто-то утверждал обратное.

Василиса не нашла, что возразить и лишь пожала плечами.

— А как вы пробрались через дверь? — вспомнила девочка. — Она же... это... Фэшем зачасована?

— А ты уверена, что тебя это действительно интересует?

Василиса вздохнула. Она совершенно не знала, как разговаривать с феями.

— Эфер, запечатывающий окно, очень слабенький. — Фея фыркнула, рассыпая изумруды, — кажется, признак отличного настроения. — Этому Фэшу надо больше работать над часовой техникой.

— Кто вы? — резко спросила Василиса, отступая назад. — Мне кажется, что вы как-то слишком много знаете обо мне и моих... друзьях.

— Я кто? — Фея хмыкнула, но во все стороны опять полетели изумруды. — Я же говорила — придворная фея, советница.

— Вы пришли, чтобы помочь мне? — спросила Василиса, затаив дыхание.

— Нет, я пришла, чтобы забрать иголку.

Фея легко соскочила на пол и настойчиво протянула ладошку.

Василиса, смутившись, осторожно вытянула иголку из ткани рубашки на плече и отдала фее.

— Извините, — добавила она. — Я подумала, что вы по другому поводу... Э-э, неважно.

— Ты на самом деле так глупа и недогадлива? — несколько грубо спросила фея. К

зеленой россыпи изумрудов на полу присоединилось несколько синих камешков.

— Что, простите? — Василиса вытаращила глаза от удивления.

— Конечно, я пришла сюда не только из-за несчастной иголки, — несколько смутившись, объяснила фея. — Извини меня, я немного взволнована нашей встречей.

— Почему? — тут же спросила Василиса. — Вы что-то обо мне знаете такое?

— С чего ты это взяла, дорогая моя?! — опять разозлилась фея. — Я ничего о тебе не знаю и знать не хочу! Ты через фею Диану Фрезер просила Белую Королеву об аудиенции?

— Да, но она не прислала мне приглашения...

— Я прилетела к тебе от имени ее величества... Вот недогадливая! — Фея Клементина раздраженно передернула плечами. — О чем ты желаешь ее попросить? Можешь смело мне говорить, я не только советница, но и близкая подруга ее величества.

Фея гордо приподняла подбородок и выпрямила спину.

— Как я могу знать, что вы действительно от Белой Королевы? — Василиса подозрительно покосилась на Клементину, годящуюся ей в ровесницы. — Вы не похожи на...

Василиса осеклась: откуда ей знать, как выглядят придворные феи? Разве по Диане скажешь, что она придворная? Обычная девчонка...

А вот фея, кажется, сильно разозлилась:

— Я улетаю.

Клементина действительно поднялась с подоконника, за спиной взвились прозрачные крылья, и она упорхнула.

— Откуда ж я могу знать?! — крикнула ей вдогонку Василиса. — Я же вас первый раз вижу...

— Второй раз, — послышалось снаружи. — Мы с тобой уже виделись, забыла?

На миг лунный свет заслонила огромная тень.

Василиса ахнула от удивления: фея вернулась, совершенно преобразившись. Длинная белоснежная мантия струилась позади ее роскошного серебристого платья. На голове же, на высоко уложенных темно-золотистых волосах, красовалась высокая корона из острых молочно-белых камней. В правой руке фея сжимала прозрачную, будто из чистого льда, стрелу длиной в полметра. С внешностью феи также произошли сильные изменения: лицо Клементины вытянулось и заострилось, а под ее яркими черно-синими, необычайно огромными глазами пролегли тени. Несмотря на красоту и величавость феи, казалось, будто она очень долго живет на земле, повидала и знает многое.

— Так больше веришь? — холодно осведомилась Клементина.

Василиса пораженно кивнула несколько раз подряд.

— Вы очень красивая, — произнесла она смущенно.

Клементина тут же смягчилась и улыбнулась.

— Теперь мы можем поговорить о наших делах?

Василиса кивнула, все еще робея перед величественной красавицей. Ей вдруг пришло в голову: почему придворная фея, да еще и близкая подруга ее величества, сейчас не на королевской аудиенции?

— Не беспокойся насчет аудиенции. — Фея будто читала ее мысли. — Ее величеству сейчас мои советы не нужны. Я думаю, в Замке все в порядке. — Она вдруг застыла, к чему-то прислушиваясь.

Василиса с любопытством наблюдала за ней.

— Ну так что, — словно очнувшись, резко произнесла Клементина. — У тебя есть желания?

Опять брызнули, рассыпаясь, зеленые огни изумрудов.

— Да, в общем, есть, — быстро сказала Василиса, не желая упускать хорошего настроения феи. — Мой друг, Ник Лазарев, попал в серьезную беду, поэтому...

— Ох как благородно, ну прямо как в сказке! — Клементина вздохнула и закатила глаза. — Константин Лазарев сразу же связался с нашей повелительницей, как только

начались его проблемы... Так что и он сам, и его сын Ник живы-здоровы.

— Здорово!!! — Василиса всплеснула руками. — Как же это здорово! А мы так переживали, а Фэш так вообще очень обрадуется, когда узнает! Значит, и старшего Лазарева освободили?

— Сразу же. — Клементина величественно кивнула. — Константина Лазарева вернули из старческого кокона, лишь только объявился Астариус. А после того как доказали неправомерное зачасование, РадоСвет, чувствуя свою вину, пошел на некоторые уступки... В общем, Ник сам расскажет вам. А вот что ты хочешь для себя? Говори любое желание.

— Любое? — Василиса медлила с ответом, пытаясь сосредоточиться. Перед глазами почему-то завертелись сотни дурацких вещей: синее платье, стаканчик мороженого, палочка с лентой, заколка с цветком и даже устройство для зарядки мобильного...

— Только не желай всего подряд, ладно? — Фея, видимо, тоже наблюдала сумятицу в голове Василисы. — Мы же не в сказке, где прямо все можно...

— Вы, наверное, очень любите сказки? — не удержалась Василиса и тут же смутилась: не много ли она себе позволяет — спрашивать придворную даму про всякие глупости?

— Люблю, — вдруг улыбнулась Клементина. — Особенно остальные, про фей. Я даже устраиваю у себя в доме Волшебные Чтения... по понедельникам.

— Это, наверное, очень интересно, — вежливо ответила Василиса. — А где вы живете? В Белом Замке?

— Ты тянешь с ответом, — проницательно заметила фея. — Я облегчу тебе задачу. Скажем так, пришло время выбрать: ты хочешь стать часовщицей или желаешь навсегда вернуться на Осталу?

Василиса глубоко вздохнула и выпалила:

— Первое!

— Мы не в ресторане. — Клементина выгнула одну бровь. — Попрошу озвучить, так сказать, конкретно.

— Я очень хочу быть часовщицей, — четко произнесла Василиса и, не удержавшись, зачатила: — Если у меня получится, конечно, я же ничего не умею! Я слышала, там сложное испытание и... — Василиса осеклась под пристальным взглядом Клементины.

— Мы и так уже достаточно потеряли времени на раздумья, — резко сказала фея и вдруг взмахнула своей прозрачной, будто из льда, стрелой. — Я проведу тебя только до поля Старых Часов, понятно? — Клементина резко взмыла в воздух. — Давай-ка сюда! — приказала она, указывая на подоконник.

— Может, лучше через дверь? — с опаской спросила Василиса. Насколько она помнила, их комната находилась на третьем ярусе ветвей — высоко над землей.

— Кому нужны двери, когда есть окна?

Василиса не могла с этим поспорить и запрыгнула на подоконник.

Снаружи, покачиваясь на ветру, застыла большая и полупрозрачная, будто из чистого горного льда, лодка с изогнутыми бортами и белым парусом.

Василисе на миг показалось, что не иначе как серп молодого месяца причалил к окну комнаты.

— Садись в ладью!

Василиса осторожно шагнула на палубу, крепко схватившись за туго натянутые веревки, соединявшие единственную мачту с носом ладьи.

— Ну, в путь, пожалуй. — Клементина вздохнула и озарилась фейерверком из сверкающих бриллиантовых капель — камешки градом посыпались в темноту ночи. — А пока мы летим, расскажи о себе, Василиса, — неожиданно попросила она, присаживаясь на небольшую скамеечку на корме ладьи. — Я хочу все знать.

Ладья вздрогнула и медленно заскользила меж веток, набирая высоту. Чтобы не упасть, Василиса крепче ухватилась за тонкие, но прочные веревки.

— Ну, вы и так обо мне много знаете, — удивилась девочка. — А куда мы летим?

Василиса вдруг подумала, что вряд ли разумно пускаться в неведомое путешествие,

целиком доверяясь этой, в общем-то, незнакомой фее.

— Я же говорила, мы направляемся на поле Старых Часов, — произнесла Клементина, одновременно разглаживая складки белоснежного шлейфа. — Не переживай и не оглядывайся на меня. Просто рассказывай... Нам некуда спешить, ладья плывет медленно, рассказывай. Мне очень интересно узнать, как живут дети на Остале. Что у вас за школы, какие любимые занятия? Например, как ты научилась танцевать?

Василиса хотела посоветовать фее самой слетать на Осталу, если ей так интересно... Потому что сложно рассказать о совершенно другом мире, пока его не увидишь своими глазами. Но решила не злить Клементину лишней раз.

Сначала нехотя, а потом увлекшись, Василиса рассказала о гимнастике, бабушке Марте Михайловне, кошках, школе и даже Лешке. Ладья неслышно скользила над темными деревьями леса, а Василиса все рассказывала. Клементина иногда поддакивала, задавала вопросы, но когда девочка дошла до поездки в отцовский дом, то фея почему-то резко прервала ее:

— Дальше не надо, хватит.

Василиса даже немного обиделась, что ее остановили на самом интересном.

Неожиданно Клементина вскочила, разбрасывая сотни бриллиантов, и, указывая рукой куда-то вперед, воскликнула:

— Посмотри, вот оно, поле Старых Часов!

Василиса осторожно перегнулась через борт ладьи и не сдержала громкого восклицания. Внизу, насколько хватало взгляда, простирались тысячи золотых и серебряных циферблатов в оперении блестящих черных лепестков. Они росли, как цветы, и чем-то были похожи на подсолнухи, только на более коротких ножках. На циферблатах имелись цифры и тонкие стрелки — самые настоящие. Василиса не удержалась и даже глаза протерла от изумления.

Ладья между тем спустилась и заскользила над самыми часами-цветами.

— Это старочасы, — тихо сказала Клементина. — Они остановились в разное время... Когда на Земле умирает человек, на этом поле вырастает новый цветок-старочас... Видишь, у каждого из цветочных циферблатов четыре стрелки: две серебряные показывают дату рождения человека, а две золотые — дату смерти... Как ты понимаешь, это священное место для всех людей... И для фей тоже. Мы не умираем, но можем заснуть. Если ты приглядишься, то увидишь алые цветы — они вырастают, когда бессмертная фея засыпает навечно. У алых старочасов нет стрелок на циферблатах.

Василиса во все глаза рассматривала диковинные цветы, пытаясь разглядеть среди них алые. Ей вдруг стало как-то неуютно в этом месте и даже немного жутковато, словно бы она прикоснулась к запретному.

— Ну по традиции я должна спросить тебя еще раз, — быстро произнесла Клементина. — Желаешь ли ты стать часовщицей? Знать законы Времени? Предупреждая возможные сомнения, хочу сказать тебе... Я могу одним взмахом руки отправить тебя на Осталу. Но что ты будешь делать? Ладно, тебя ждет летний лагерь... А дальше? Где жить? Чем заниматься? Когда здесь, на Эфларе, тебя ждет целый мир и, возможно, великие свершения.

Василиса не отрывала взгляда от черно-золотых и черно-серебристых цветов. Конечно, фея права... но, кроме обрисованных ею благородных перспектив, Василису ждали отец, Елена, Марк, Норт и Дейла. Вряд ли они будут помогать ей совершать великие дела.

— В общем-то, — нехотя продолжила фея, — ты можешь отказаться... можешь. Конечно, можешь.

— Да согласна я. — Василиса продолжала рассматривать циферблаты за бортом лодки. Что ей надо будет сделать? Сорвать цветок? Или целый букет? Кажется, у этих часов толстые стебли...

— Нельзя рвать старочасы, — пояснила фея, подслушав ее мысли. — Некоторым больше двух тысяч лет... Первые из них появились, когда на Земле началась великая Эпоха

Часов.

— Эти цветы немного страшные, — призналась Василиса. — В них есть что-то красивое и ужасное одновременно...

Клементина улыбнулась:

— Значит, ты все-таки согласна, несмотря на сомнения? Окончательно?

Василиса быстро кивнула. Ей вдруг пришло в голову, что фея сама подозрительно медлит. Даже складывалось впечатление, будто Клементина стала сомневаться, стоит ли Василисе становиться часовщицей.

— Значит, судьба, — вздохнула фея. Она наклонилась над ближайшими старочасами и сорвала один из черных лепестков.

Лепесток мгновенно скрутился в тугой жгут — точное подобие стрелы, и Клементина передала его Василисе.

— Это часовая стрела?

— Это просто лепесток с цветка, — возразила фея. — Стрела еще не созрела. Но если ты пройдешь испытания и доберешься до Луны, она станет настоящей — золотой или серебряной. Иногда — бронзовой. А может остаться черной.

— Я должна добраться до Луны?!

— Так называется чудесная скала, где феи получают свои крылья, — терпеливо объяснила Клементина. — На Луне тебя встретят двое: фея Светлого Образа и фея Темных Мыслей. Так повелось еще с давних времен: юная фея получает один хороший подарок — от светлых фей, и один опасный — от темных фей, для равновесия возможностей. Главное — доберись до скалы, а там разберешься.

Стрела в руках Василисы дернулась и обвилась вокруг запястья левой руки.

— Ты что, левша? — изумилась фея. — Стрела выбрала левую руку...

— Да, — кивнула Василиса.

Она перевела взгляд на Клементину и только сейчас заметила, что та сжимает свою ледяную стрелу в левой руке.

— О, вы тоже левша, да?

Клементина не ответила. Вместо этого она окинула Василису долгим испытующим взглядом.

— Да, и еще, — произнесла фея. — Мы очень редко позволяем людям проходить посвящение на наших секретных полях, но для тебя сделаем исключение. Помни это и цени, ясно? А теперь мы прощаемся, Василиса. Навсегда.

— Почему навсегда? — растерялась Василиса. — Вы... вы думаете, что я...

— Вот глупая, конечно, ты пройдешь посвящение, оно простое. — Клементина нервно усмехнулась и посмотрела на небо.

Луна спряталась за облака, подул ветер, остро запахло свежестью — как перед грозой.

— Я хочу попросить тебя, — тихо, но отчетливо произнесла фея. — Никогда больше не искать встречи со мной. А теперь — прощай.

Вокруг Клементины завихрилось серое пыльное облако, веером взметнулись мелкие черные осколки, и фея исчезла.

Ладья же продолжала свой путь, оставляя позади поле таинственных цветов старочасов.

Внизу по-прежнему шелестели кронами темные деревья, а между ними мерцали, переливаясь, блуждающие ночные огоньки.

Как странно с ней попрощалась фея, думала девочка. Может, она обиделась?

Но ветер усилился, и Василиса оставила эти мысли — и так было о чем беспокоиться.

«Интересно, далеко еще лететь?»

Не успела она так подумать, как ладья замедлила ход и начала плавно снижаться. Ветки деревьев так и норовили хлестнуть по лицу но, в общем, приземление прошло удачно.

Трава под ногами излучала мерцающий золотистый цвет. Василиса пригляделась и увидела много маленьких ящериц с блестящими спинками, притаившихся внизу.

Неожиданно ящерки разом собрались в большую кучу, вытянулись стрелой и так легли на землю — получилась тропинка, узенькая и извилистая. Словно ручеек жидкого золота, диковинная дорожка устремилась вперед, исчезая в густой тьме леса, где-то между толстых стволов деревьев. Василиса, немного с опаской, устремилась за ящерками.

Она долго шла, сосредоточенно отклоняясь от веток и сучков, встречающихся на пути. Некоторые больно били по лицу и рукам, но она старалась терпеть, надеясь, что это и будет самое страшное испытание.

Показалась завеса ивовых веток впереди, плотно сомкнутых между собою; золотая тропинка задрожала под ногами и пропала. Как видно, начиналось новое испытание.

Василиса раздвинула ивовые ветки руками и оказалась на берегу озера.

Огромная Луна закрывала полнеба. На ее жутковатом ярко-оранжевом фоне возвышался черный скалистый островок, поднимающийся прямо из середины большого озера.

«А вот и скала Луна», — догадалась Василиса.

Она подошла к самой кромке воды. И вдруг, нарушая зеркальную неподвижность, появились золотые и серебристые сполохи. Между ними, выныривая одна за другой, показались жуткие полупрозрачные головы с длинными и путаными зелеными волосами.

Василиса ахнула: русалки! Они подняли вверх изогнутые волнистые хвосты в знак приветствия и поплыли по кругу, образуя своеобразный хоровод. Послышалось тихое, мелодичное и очень грустное пение — всякий, кто услышал бы его, непременно бы запечалился.

Короткая трава под ногами неприятно покалывала ступни. Танец и пение русалок завораживали, но Василисе почему-то захотелось спать.

На поляну выскочил белый заяц, а за ним целая стайка рыжих белочек. Был этот заяц большой, в серых пятнах и казался пугающе странным, ибо передвигался хоть и прыжками, но абсолютно по-человечески, да и в лапах держал тонкий острый сучок, похожий на шпагу. Заяц галантно поклонился Василисе, а белочки, окружив со всех сторон, принялись стаскивать с нее ночную рубашку.

— Все в порядке... — неожиданно шепнул напуганной Василисе голосок Клементины, и девочка позволила снять с себя одежду, оставшись совершенно голой.

А белочки уже тянули рубашку к зайцу. Тот накидал поверху сухих веточек и острым сучком очертил вокруг Василисы ровный круг на земле. После странный зверь кинул на ворох одежды и веток свою шпагу, и вся груда вспыхнула тревожным синим пламенем.

Заяц подпрыгнул к костру, бесстрашно выхватил лапами горящую шпагу и поджег черту — на миг Василиса оказалась в пылающем кругу. Но не успела она испугаться, как жаркая огненная завеса сменилась прохладным водопадом. А после и вовсе пошел зерновой дождь; падающие с неба зернышки касались земли, а на их месте сразу же прорастали колоски пшеницы. Не успела Василиса как следует подивиться этому чуду, как ее обволок густой ароматный дым, будто жгли вокруг душистые травы...

Но вскоре дым рассеялся, и перед кашляющей Василисой опять предстало сверкающее золотом и серебром огней озеро и высокий скалистый островок в центре, освещаемый огромной нереальной Луной.

«Плыви к нам!» — неожиданно пропели русалки и начали странный танец: они синхронно уходили под воду, после чего на поверхности выныривали то их хвосты, то головы, то бледные тонкие руки.

Василиса засмотрелась на них и нечаянно зашла в воду.

— Плыви к островку как можно быстрее, — опять зашептал на ухо голосок Клементины. — Русалки будут тебя пугать, отговаривать, заманивать, но не слушай их, плыви дальше... Если хоть на минуту остановишься и заговоришь с ними — все, останешься в озере навсегда. Ведь русалки — это неудавшиеся феи, и они сделают все, чтобы тебя тоже постигла неудача. И не бойся их — они не могут к тебе прикоснуться. Удачи!

Чувствуя, что страх и холод вновь овладевают телом, Василиса ринулась с разбегу в

воду, подняв тучу брызг. Она старалась не думать, что не очень хорошо умеет плавать.

Русалки перестали петь. Краем глаза Василиса видела, как они провожают ее взглядами; тусклые рыбы глаза на прозрачно-белых лицах неотрывно следили за ней сквозь мутные пряди спутанных волос. От этих молчаливых, ненавидящих взоров Василисе стало очень не по себе. Она забарахталась сильнее, но вода словно специально не хотела пропускать ее.

— Да она же совсем не умеет плавать, — протянула вдруг одна из русалок и тоненько засмеялась.

Жуткий смех подхватили и другие русалки, кроме того, они начали строить невероятно страшные рожи — поджилки бы затряслись и у самого смелого, а не только у неважно плавающей тринадцатилетней девочки.

— Остановись!!! — рявкнула одна из русалок. — Там глубоко!

— Погубишь себя!

— Иди к нам, несмышленная...

— Глупая...

— Не сможешь, не успеешь...

— Возле самой скалы намного глубже. — Одна из русалок оказалась очень близко. — Страшная черная вода...

— Прикоснись ко мне, — зашептала следующая, — дай руку... Дай же!

Эта русалка осмелела настолько, что преградила Василисе путь своим крупным, пахнущим тиной хвостом. Девочка вздрогнула, но не остановилась, упрямо продолжая грести руками. И русалка отступила — со злобным воем вильнула в сторону.

«Вперед, вперед, — твердила про себя Василиса, борясь с желанием закрыть лицо руками, — только вперед...»

Смех перерос в леденящий душу вой, и Василиса поняла почему: ее ноги уткнулись в каменистое дно, берег был рядом, она почти добралась!

Когда девочка вылезла на низкий каменистый уступ, возвышающийся над водой, она почувствовала себя совершенно счастливой. Промелькнула мысль: а как же она будет возвращаться? Но сейчас Василиса старалась об этом не думать. Она поднялась на дрожащие ноги и полезла дальше, ввысь.

Наверху оказалась небольшая ровная площадка с нависшим сбоку черным зубом скалы. Василиса огляделась. Луна будто бы стала еще огромнее и затопила собою весь мир, но она как-то не пугала больше, а, наоборот, манила и притягивала. Где-то внизу плескались русалки, разбивая хвостами гладь озера, виднелась полоска берега с догорающим костром из Василисиной рубашки...

И тут появились феи — маленькие, сверкающие, крылатые фигурки. Они закружились вокруг Василисы шумной стайкой и вдруг, как одна, замерли в воздухе, почтительно склонившись в реверансах.

Василиса обернулась и поняла причину столь глубочайшего почтения. К ней, плавно помахивая крыльями, приближались две феи. Они были одеты в длинные платья с пышными юбками, а на головах у них возвышались узкие шляпы, похожие на колпаки. С остроконечного верха этих колпаков тянулись полупрозрачные, искрящиеся шлейфы, словно ветер сорвал с неба несколько сотен звезд и пристроил их в хвосты к шляпам. Наряд одной из фей отливал серебристо-мерцающим светом, а у другой — темнел и переливался, словно состоял из черных обсидиановых осколков. В остальном же феи были похожи, как родные сестры: большие круглые глаза и темные, колечками, волосы, тонкие, изящные руки и красивые прозрачные крылья, словно сотканые из серой, отливающей стальным блеском паутины. При каждом взмахе крыльев воздух озарялся россыпями мерцающих искр.

— Фея Светлого Образа, Селестина, — представилась та, что была в серебристом, и улыбнулась девочке.

Василиса поклонилась, чувствуя себя донельзя неловко без одежды.

— Фея Темных Мыслей, Мендейра, — иронично представилась другая и зевнула, лишь

скользнув беглым взглядом по девочке.

Та поклонилась и ей, хотя эта фея чем-то напоминала Елену — те же ледяные глаза, хоть и черные, а не голубые.

— Все феи во всех мирах... — начала было фея Светлого Образа, но другая, в темном наряде, тут же ее перебила:

— Вот именно, феи! А дарить подарки и возможности той, что родилась от человека...

— Все феи во всех мирах, — с нажимом повторила Селестина, — получают подарок от Феи Светлого Образа и, чтобы уравновесить его, еще один — от феи Темных Мыслей. Вы будете дарить первая? — обернулась она к напарнице.

— Нет уж, позвольте вы! — ехидно произнесла Мендейра и отлетела немного в сторону, делая вид, что происходящее абсолютно ее не волнует.

Фея Селестина поморщилась, но тут же улыбнулась Василисе.

— Дорога сюда не слишком напугала тебя? — спросила она ласково.

Василиса помотала головой, не в силах произнести ни одного слова.

— Может, она немая? — ехидно спросила темная фея. — Возможно, стоит одарить ее голосом прежде всего?

— Я обязана спросить тебя, девочка, — произнесла светлая фея, косо глянув на темную, — добровольно ли ты пришла сюда? И действительно ли хочешь пройти часовое посвящение?

— Да, если будем давать крылья всякому, — опять ввернула темная, — можно совсем очеловечиться...

— Я пришла сюда добровольно, — четко произнесла Василиса. К счастью, голос не подвел.

— Тогда к делу, — кивнула светлая фея. И вдруг, широко взмахнув тонкими руками, пропела:

— В волшебную тихую ночь при Луне
Творение славное выпало мне:
Пусть будут отныне во веки веков
Волшебные крылья в цвет мыслей и снов,
Свободу полета подарят тебе,
Невидимость и превосходство в борьбе...
Дерево, сталь, вода и песок,
Волшебное имя отдам... Василек!

Налетел снежный ветер, закружил Василису в белых хлопьях и поднял высоко в воздух. Она быстро-быстро завертелась на фоне слепяще-оранжевого диска далекой и в то же время такой близкой Луны. Маленькие феи-светлячки фейерверком рассыпались по небу и запели торжественно и печально, однако Василисе их песня показалась страшноватой — пожалуй, похуже, чем замогильные голоса русалок.

И тут пришла боль. Острая, пронзительная, как будто в спину вонзились две огромные стальные иглы: казалось, лопатки трещат и растягиваются. Не в силах больше сдерживаться, Василиса закричала, но голос прозвучал как-то тоненько и тоскливо — так, что она сама испугалась его... Но боль утихла так же внезапно, как и началась.

Зато на Василису обрушился ледяной душ: маленькие феи-светлячки вылили на нее большой хрустальный таз воды. Василиса завизжала, и теперь это у нее получилось очень громко, казалось, не выдержав силы ее голоса, небеса обрушатся сейчас на землю.

— Зачем так орать? — зажала уши руками фея Темных Мыслей. — В наш век дети такие неподготовленные, незакаленные...

А феи-светлячки уже несли легкое голубое платье, словно сотканное из мельчайших сапфиров, и тут же надели его на Василису. С другой стороны две малышки тащили золотую чашу с бурно плескавшейся жидкостью, будто в посудине поселился небольшой вихрь.

— Отпей, это даст тебе силы, — улыбнулась Селестина.

Василиса кивнула, принимая чашу, сделала большой глоток и чуть не поперхнулась — в чаше было вино, сладкое и терпкое.

— Великие кудесники! — подлетела к ним Мендейра. — Спаивать ребенка вином?! Вот тебе и светлые...

— Это священное вино, — сердито возразила фея. — И послушайте, дорогая! Вы ведете себя слишком нагло и развязно! Это же торжественный момент для девочки... Она получила крылья, ее жизнь, можно сказать, полностью изменяется, а вы... так ироничны! Кстати, вы обратили внимание, до чего необычный цвет, а, дорогуша?

— Я уже давно обратила на это внимание, милочка, — ехидно ответила темная. — И даже знаю, возможно, что это означает... Наверняка у девочки имеется много интересных родственников.

Василиса попыталась незаметно, не поворачивая головы, заглянуть себе за спину, но ничего не смогла увидеть.

— Принесите зеркало, — заметила ее старания фея Темных Мыслей. — А то у девочки разовьется косоглазие.

Крохотные феи тут же притащили большое овальное зеркало в узорной раме из темного и светлого серебра и установили его прямо перед Василисой.

Девочка заглянула в зеркальную глубину и остолбенела: у нее за спиной покачивались целых четыре огромных ярко-алых крыла — по краю верхних тянулся замысловатый узор из черных пятнышек, а на нижних, которые были немного уже, имелись два темно-синих круга, словно у бабочки-махаона. Василиса попробовала махнуть крыльями, и у нее это получилось!

— Они такие красивые, — выдохнула Василиса. — Как здорово! — И, спохватившись, добавила: — Спасибо...

— Крылья дают большую власть, моя дорогая, — улыбнулась Селестина. — Они дарят способность летать, защищать себя в бою, а еще — становиться невидимой. Произнеси свое числовое имя, закройся крыльями, и никто не сможет увидеть тебя — ни фея, ни лют, ни часовщик... ни простой человек. А произнесешь имя в обратном порядке — вновь станешь видимой, все просто. Но никто не должен знать твоего числового имени, разве самые близкие люди. Иначе, произнеся его вслух наоборот, они могут рассекретить твое пребывание в невидимом образе. Понимаешь, насколько это серьезно?

Василиса согласно кивнула, раздумывая, когда можно будет попробовать полетать.

— А теперь подарок, — внезапно посерьезнела фея Светлого Образа. — Подарок от Белой Королевы...

Она сделала легкий знак рукой, феи-светлячки тут же принесли небольшую шкатулку из зеленого малахита, ее поверхность искрилась множеством рубинов.

Шумно вздохнула Мендейра, недовольно качая головой: видимо, не одобряла роскоши подарка.

Василиса приняла шкатулку, и крышка тут же отворилась.

На мягком алом бархате лежал простой маленький ключик. Похожий на обыкновенный ключ от шкафа.

— Это Рубиновый Ключ, моя дорогая, — тихо сказала фея. — Белая Королева дарит тебе его, согласно давнему обещанию.

Шкатулка чуть не выпала из Василисиных пальцев.

— Это посвящение мне с самого начала не нравилось... Слишком много внимания к простой девочке... Я уверена, что-то здесь нечисто.

Проговорив столь недобрую тираду, Мендейра надула губки и довольно зло посмотрела на Василису.

— Какому обещанию? — спросила девочка, стараясь не глядеть на темную фею, прямо-таки излучавшую недоброжелательность.

— Этого мне знать не дано, — отрывисто сказала Селестина, а Мендейра громко и

недоверчиво фыркнула.

— Я не хочу принимать такой ценный дар, — дрожа от волнения, очень тихо прошептала Василиса.

Но ее услышали.

— Ты не имеешь права отказываться, — грустно ответила фея Светлого Образа. — Такова традиция...

— Теперь моя очередь дарить подарок, — сказала Мендейра и натянуто усмехнулась.

У Василисы мороз по коже прошел от ее улыбки.

Темная фея крунулась на месте, сделав резкий оборот, и вытащила из складок платья что-то темное и блестящее, вспыхнувшее синим светом.

Из уст светлой феи вырвался тихий возглас.

— Ты хочешь подарить Васильку... это?! Вот уж не ожидала от лютов такой щедрости! — Фея Светлого Образа явно разозлилась, мигом растеряв все свое добродушие. — Вы не имеете права так поступить! — пронзительно вскрикнула она, топнув ногой, — складки платья яростно взметнулись.

Василиса удивилась, почему фея назвала ее Васильком, а потом вспомнила, что теперь это ее второе имя — числовое.

— А почему бы и нет? — Мендейра изящно пожала плечами. — Думаешь, только вы, светлые, такие щедрые?

— Но, одаривая Василька... хм, такой вещью, ты обрекаешь ее на...

— Может, я и расскажу, на что обрекаю? — зло оборвала Селестину темная фея.

Светлая фея шумно вздохнула, но потупилась и отошла назад.

— Это кинжал, Стальной Зубок, — обратилась к Василисе темная. — Тебе лучше не знать, кому он принадлежал до тебя, чтобы спокойно спать по ночам. Часовое оружие, непростое, с секретами... Но главное вот что: принимая этот кинжал, ты выбираешь непростую судьбу... ты приобретаешь величайшую задачу.

— Я так и знала, — застонала светлая фея.

— Какую задачу? — прошептала Василиса, не в силах оторвать взгляда от удивительной, тревожно переливающейся синими огоньками стали.

— Величайшую задачу, — скучающе повторила Мендейра и добавила: — Ты можешь отступить от моего подарка, но тогда тебе придется отказаться и от всего остального: крыльев и дара светлых фей, само собой. В общем, от часового дара.

— Подумай, Василек, прежде чем принять решение... — торопливо произнесла Селестина, неотрывно глядя на волшебный кинжал.

Крохотное оружие манило Василису, в ладонях феи кинжал казался изящным и совсем не опасным. Наоборот, хотелось поскорее взять его в руки и согреть, защитить от окружающего мира.

— Я возьму подарок, если так надо, — просто сказала она.

Совсем маленький кинжал, не длиннее Василисиной ладони. Ручка простая, из темного полированного дерева, зато в самом клинке сияли, переливаясь, крохотные синие камушки.

— Вот и чудесно! — расплылась в улыбке темная фея. — Вижу, Стальной Зубок тебе понравился.

— А что это за величайшая задача? — вновь спросила Василиса, но темная фея промолчала.

— Теперь ты можешь попросить у меня одно желание, — кисло проговорила Селестина и вздохнула. Кажется, у нее совершенно испортилось настроение. — Белая Королева передала, что ты еще не использовала права единственного желания... Что ты хочешь?

— Не слишком ли много подарков для девочки? — зло усмехнулась Мендейра. — Так вы с Белкой ее совсем разбалуете...

— Можешь пожелать любое, самое сокровенное, — продолжила Селестина, игнорируя фею Темных Мыслей.

— У меня есть одно желание, — быстро сказала Василиса. — Я хочу, чтобы мальчик, по имени Ник Лазарев, мог стать часовщиком... Можно?

Мендейра тут же фыркнула.

— Дурочка, — не скрыла она своего разочарования. — Ты могла попросить многоэтажный замок с десятком слуг для каждой комнаты. Уж поверь мне, Белая Королева все для тебя сделает...

Селестина раздраженно зашипела, словно рассерженная кошка.

— Рубиновый Ключ — всего лишь малость, что она могла бы для тебя... — развязно продолжила фея Темных Мыслей, но закончить не успела.

Потому как случилось невероятное: Селестина рванулась к Мендейре и, завертевшись в прыжке, со всей мощью ударила по ней серебристыми крыльями. Еле увернувшись от нападения, Мендейра отчаянно взвыла, взвилась спиралью, словно длинная искрящаяся лента, и в свою очередь полоснула противницу крыльями. Маленькие феи с писком бросились врассыпную.

Василиса, зажав в правой руке Рубиновый Ключ, а в левой — Стальной Зубок, во все глаза смотрела на разразившееся в небесах сражение. От страха она не могла даже сдвинуться с места.

Рубиново-малахитовая шкатулка исчезла, пропали и маленькие феи, лишь два росчерка — серебристо-белый и мерцающий черный, носились по небу, то сливаясь, то отступая друг от друга.

Внезапно пространство вокруг Василисы озарилось разноцветным сиянием — это маленькие феи вернулись. Они подхватили ее под руки и взмыли в небо, унося прочь от битвы разозлившихся фей, приобретающей все более ужасающие масштабы.

ГЛАВА 17 ВСЕ ВМЕСТЕ

— Василиса, ты спишь?! Вста-авай!

Кто-то тряс ее за плечо, но просыпаться не хотелось. Абсолютно.

— Сейчас... — буркнула Василиса, садясь в постели, но не открывая глаз.

— Я нашла тебе остальскую одежду! — крикнула ей в ухо Диана. — Хотя, конечно, у тебя иголка есть замечательная... Но одежду, держащуюся на теле часодейством, лучше применять пореже, иногда такие конфузы бывают, ага.

— У меня больше нет иголки, — сонно произнесла Василиса.

— Как нет? — ахнула Диана, но Василиса вновь упала на подушку.

— Долго еще копошиться будете? — В двери показался Фэш. — В беседке давно ждет завтрак: кофе и булки. Я голоден, черт подери!

— Не могу Василису разбудить, — растерянно пожала плечами Диана. — Такое впечатление, будто она всю ночь гуляла... Ого! Смотри, какие у нее пятки грязные!

И действительно, ступни Василисы вылезли из-под одеяла и нагло демонстрировали тот факт, что их обладательница где-то ходила босиком по грязной земле, и очень долго.

— Сейчас умоем, — быстро сказал Фэш. Он плавно взмахнул руками, описывая круг, браслет на мгновение засветился, часы на нем тихо звякнули, и в его руках оказалось целое ведро воды.

Опережая кинувшуюся к нему Диану Фэш точным движением выплеснул все содержимое на Василисину голову.

— А-а-а-а!!!

Василиса подскочила как ужаленная, ошарашенно оглядываясь по сторонам, — с ее длинных рыжих волос стекали струйки воды. Путем нелегкой борьбы Диана выдернула у Фэша ведро и теперь пыталась нахлобучить ему же на голову. После они разом оглянулись на Василису и тут же зашлись от смеха, забыв про драку.

Василиса, прикрываясь мокрым одеялом, обиженно выглядывала из-под него.

— Что такое... Чего надо?

— Одевайся давай, — улыбнулась Диана и подтолкнула Фэша к выходу. — Дай Василисе переодеться.

— Только быстрее, а то я сам все съем! — пригрозил тот и вышел.

— Вот одежда, — сказала Диана. — Тебе должна понравиться... Еле раздобыла! Но для фей нет ничего невозможного... — Она улыбнулась. — Давай переодевайся и идем посмотреть на СреброКлюч, который вчера так торжественно вручали Фэшу. Видела бы ты его довольное лицо, он прямо светился от счастья! Да... Василиса... — Диана нахмурилась. — Извини, но твое посвящение, по-видимому, откладывается. Я ни с кем не смогла даже поговорить об этом.

Фея рассказала, как безуспешно пыталась пробраться к трону Белой Королевы. Диана так надоела расспросами советницам, что те разозлились и даже попросили выйти ее из зала.

Василиса быстро переделалась в одежду, которую принесла фея: простые синие джинсы с целой кучей карманов, легкую белую рубашку с длинными рукавами и темно-зеленую вязаную безрукавку.

— Немного длинновато, — огорчилась Диана, разглядывая Василису. — Дай-ка я подправлю...

— Нет-нет! — Василиса испуганно замахала руками. — Я сейчас подверну штанины и будет нормально.

— А, тогда хорошо! — улыбнулась Диана. — Слушай, а чего у тебя пятки грязные такие? Хочу напомнить, что вон там, за этой дубовой дверцей, есть ванна... М-м, ты в целом не обижаешься на меня? Я правда старалась разузнать о посвящении.

— Совсем нет, — замотала головой Василиса. — Наоборот... Диана, я должна тебе столько всего рассказать...

— Давай потом. — Фея была уже возле дверей. — Сейчас быстро идем завтракать, Фэш и так хмурится... И у меня для вас тоже есть сюрприз! — Диана загадочно ухмыльнулась и вышла.

Василиса достала из-под подушки заветный Ключ. При свете дня он выглядел таким игрушечным, что вчерашнее посвящение могло показаться сном, если бы не лежавший рядом кинжал, подаренный лютыми. Ключ она засунула в задний карман джинсов, а кинжал осторожно завернула в ткань и спрятала в боковой нижний. Раз это столь могущественные вещи со всякими величайшими задачами, лучше держать их при себе.

Только после этого Василиса вышла наружу. На ходу закатывая рукава не в меру длинной рубашки, она думала о том, что неплохо бы обувь еще где-то достать в феином королевстве, — пятки скоро задубеют.

Утро выдалось чудесным — солнце светило еще не так жарко, а воздух был чист, как после дождя. Но Василиса, хмурая и невыспавшаяся, поеживалась: волосы мокрые, капли продолжают стекать на рубашку.

Беседка скрывалась большими дубовыми листьями от любопытных глаз — лучшего укромного места не найти. На этом дубе почти не было других жильцов: Диана говорила, что это самая дорогая гостиница в Чароделе, для особых гостей.

Фэш и Диана терпеливо ожидали Василису. На столе находился часолист, а рядом стоял его счастливый обладатель. На краю столешницы дымились горячие пышные булочки и кофе в серебряных кружечках с ручками-крыльями.

Когда Василиса зашла, Фэш едва повернул голову в ее сторону.

А Диана, не отрывая взгляда от его часолиста, спросила ее:

— Как настроение?

— Странное, — честно ответила Василиса.

Она отвернулась, подхватила свои мокрые волосы и выжала их в сторону. Фэш кинул злорадный взгляд, да так и застыл на месте.

— Откуда у тебя часовой браслет, фейра?

Диана удивленно повернулась и тоже замерла. Оказывается, рукав рубашки немного

задрался, открывая часовой браслет Василисы.

С ума сойти! Она и забыла про часовую стрелу, подаренную Клементиной! Черный цвет как-то сам собой поменялся на темно-золотой...

— Какой интересный оттенок, — медленно произнесла Диана. — Василиса?

— Ну я же хотела тебе рассказать. Скажем, вчера пришла одна добрая фея и подарила мне его... Клементина, советница Белой Королевы. Ты ее знаешь?

— Ты открыла ей дверь?!

— Нет, она сама проникла в комнату, через окно, — не без ехидства ответила Василиса. — Причем без труда, как она выразилась.

Фэш густо покраснел.

— Тоже мне... — буркнул он.

— Клементина сказала, что пришла от Белой Королевы и тут же сообщила, что может провести мое посвящение.

— Ты хочешь сказать... ты прошла его?! — изумилась Диана. — Но почему я об этом ничего не знаю? Вчера меня никто не хотел даже слушать, хотя теперь понятно, почему... А ну, вытани стрелу посмотрим.

— А как это делается?

Диана с Фэшем непонимающе переглянулись, а потом рассмеялись. После разом, как по команде, взмахнули руками: сверкнули острия двух стрел — золотой и черной.

Василиса нахмурилась. Сейчас она отдала бы многое, чтобы так же быстро и непринужденно извлечь из браслета стрелу. Но ни Селестина, ни Мендейра не научили ее этому. Они же были немного «заняты» друг другом.

— Это действительно твой браслет? — прищурился Фэш.

— Нет, я его украла, — огрызнулась Василиса.

Судя по озадаченному выражению их лиц, они не приняли ее слова за шутку.

— Странно, что тебе не показали, как пользоваться браслетом. — Фэш с сомнением покосился на браслет Василисы. — А крылья у тебя...

— Есть. Наверное, должны быть.

Василиса вспомнила, как феи начали драться между собой из-за кинжала, потом появились эти разноцветные порхающие феечки, и вот — она спит в комнате. Наверное, феи так увлеклись сражением, что позабыли научить ее пользоваться как браслетом, так и крыльями... А может, ей все это приснилось? Василиса даже пошевелила плечами, но крыльев позади точно не было.

— Чтобы вызвать крылья, — начал Фэш, — надо просто спрыгнуть с этой ветки, и они сами появятся...

— Да-да, — кивнула Василиса. — А если взять хорошую толстую палку и огреть тебя по голове, то наверняка прибавится ума... Точно прибавится, а то что-то слишком пусто.

И Василиса выразительно постучала пальцем по голове.

— Тебя столкнуть или сама прыгнешь? — угрожающе произнес Фэш, надвигаясь.

Но Диана тут же встала между ними.

— Короче, с крыльями и стрелами разберемся позже, — примирительно сказала она. — Давай СреброКлюч показывай.

— При ней не буду!

— Очень надо!

Несколько минут Диана уговаривала Фэша явить им чудесный СреброКлюч, и мальчик, наконец, сдался.

Он рассерженно открыл часолист и вытянул на свет маленький, поблескивающий серебром ключик.

Диана восхищенно ахнула.

— Ты смотри, и этот похож на простой ключ от шкафа, — не сдержавшись, в удивлении произнесла Василиса. — Я думала, эти Ключи, за которыми все гоняются, какие-то особенные...

— Много ты таких Ключей видела!.. — недовольно хмыкнул Фэш, аккуратно пряча СреброКлюч между страницами. Движение часовой стрелой — и часолист исчез.

— Еще один точно видела.

И Василиса достала из заднего кармана Рубиновый Ключ.

Хоть Василиса и предполагала бурную реакцию ребят, но такого точно не ожидала: Диана ахнула и закрыла рот руками, а Фэш, приподнявшись, опять сел на лавку. Оба они растерянно разглядывали маленький Ключ, лежащий на ладони у Василисы.

— Откуда он у тебя? — Диана осторожно приблизилась.

— Мне подарили его светлые феи... Сегодня ночью, на посвящении.

Стало очень тихо. Василиса даже расслышала далекое поскрипывание качелей на ветру. Волнуясь, она осторожно положила Ключ на стол.

— Тут что-то не так, — медленно начал Фэш, приподнимаясь вновь, чтобы получше разглядеть Ключ. — Тебе не могли доверить один из семи Ключей, ведь ты еще маленькая!

— Мне почти тринадцать! — обиделась Василиса.

— Я не о том, глупая фея! — Фэш побагровел от злости. — Ты же вообще не умеешь часовать! Ты же ноль без палочки, никто!

Василиса начала стремительно краснеть: обида напополам с яростью захлестнули ее сердце и стремились прорваться наружу в припадке гнева, истерики или еще чего-нибудь подобного. Пожалуй, сейчас самым большим желанием девочки было поколотить этого Фэша, и как можно более жестоко.

— Может, это ненастоящий? — осторожно предположила Диана. — Хотя видно, что часовой...

— Белая Королева не отдала бы тебе такую могучую вещь, как Ключ! — продолжал кипятиться Фэш. — Ты даже защитить его не сможешь!

— Смогу! — разозлилась Василиса. Она протянула руку за Ключом, но Фэш оказался проворнее — первым схватил.

— Отдай немедленно!

— Эй, Фэш, ты так не шути... — осторожно начала Диана, но было поздно: маленький, безобидный с виду ключик вдруг полыхнул рассерженной алой молнией.

Фэш взвыл, тряся рукой и дуя на нее, будто обжегся. Ключ тем временем аккуратно поднялся в воздух и переместился точно в ладонку Василисы.

— Настоящий, значит, — удовлетворенно заметила Диана и повернулась к Фэшу: — Ты сам ведешь себя как маленький! Если Белая Королева доверила Ключ Василисе, значит, у нее были на это причины... Но почему я об этом ничего не знаю? — Диана неожиданно резко повернулась к Василисе: — Василиса, знаешь что? Я скажу тебе как есть. Лазарев — давний друг нашей повелительницы и ручался за тебя, но я не могу понять... Возможно, у тебя потрясающие связи в высших кругах и вся история с Осталой — тщательно замаскированная выдумка, но на самом деле ты давно умеешь часовать и просто... шпионишь за нами? Не перебивай и не обижайся, — тут же сказала она, видя, что Василиса хочет возразить. — Давай проясним ситуацию, ладно? Ты всего лишь пару часов назад прошла посвящение, и тебе тут же доверили нести Ключ. Понимаешь, нам это кажется очень странным. Тем более Рубиновый — Ключ, с которым связано много легенд... Именно его Белая Королева хранила в секретном месте, и потому Огнев не смог его выкрасть. И вдруг ты получаешь его — ты, дочь того самого Огнева, которого ненавидят что Белая Королева, что Черная... Это похоже на хитрость или шантаж. Кстати, а что подарили тебе темные? Люты?

Василиса обиженно молчала. И тогда слово взял Фэш.

— За три Ключа, которые находятся у часовщиков, соревновались самые лучшие, — быстро начал он. — Да, я проиграл там, вернее, стал вторым. И потому мой учитель Астариус поручил именно мне, тайно, под прикрытием участия в Чарованиях, взять на себя СреброКлюч, обещанный ему Белой Королевой. Я просто уверен, что твой отец шантажирует королеву фей, и, скорее всего, ты что-то передала ей вчера, да? Выманили вместе с папашей?

— Тебе бы сказки писать, — холодно сказала Василиса. Дратся ей уже расхотелось, и теперь она еле сдерживалась, чтобы не разреветься.

— Значит, ситуация такая, — зло продолжил Фэш. — ЧерноКлюч находится у повелительницы лютов — Черной Королевы, и всего лишь один остался у Белой Королевы... Надеюсь, хоть Железный Ключ попадет в более достойные руки.

Фэш взглянул на Василису с неприкрытым презрением, и она ответила ему тем же. Все те слабые проблески дружбы, что завязались между ними в последние дни, растаяли без следа.

— Ну-у, — медленно начала Диана, — у меня тоже есть сюрприз, правда, не такой неожиданный... В общем, вот он.

И Диана положила на стол еще один Ключ: маленький, стальной, чуть побольше Рубинового, но поменьше СеребряКлюча.

— Я так и знал! — Лицо Фэша просветлело, и на нем появились ямочки. Он обежал стол и неожиданно крепко обнял Диану.

— Ты что?! Выпусти! — слегка покрасневшая фея еле вырвалась из его объятий.

— Догадаться, конечно, было несложно, — сообщил довольный Фэш. — Придворная фея, лучшая ученица, да еще и отчаянная... Я догадался, что ты тоже ключница, сразу, как только тебя увидел.

Василиса крепко зажмурилась от обиды. Слишком явной была разница.

— Привет всем!

Заслышав этот голос, ребята разом оглянулись.

На пороге беседки, сложив руки на груди, стоял мальчишка с веселыми карими глазами.

Первым опомнился Фэш.

— Ник!!! — бросился он к нему, чуть не опрокинув чашки с кофе, но булочки так и посыпались с перевернутого блюда, грохнувшегося вниз.

Друзья крепко обнялись.

— Как это трогательно! — Диана закатила глаза. — Встреча старых приятелей — так романтично... Сегодня нашего Драгоция явно тянет обниматься.

Василиса растерянно топталась на месте, гадая, как же ей себя вести.

— Ладно, пустите и меня... Здравствуй, Ник! — И Диана, отталкивая Фэша, крепко пожала руку младшего Лазарева.

— Дианка! Ты так изменилась! Я тебя сто лет не видел... — Ник тоже полез обниматься.

— А ты нет, — поддразнила Диана, пытаясь высвободиться, но не особо активно. — Вы что, с ума сегодня сошли?

— Так вы знакомы? — изумился Фэш. — Ничего себе, а мне ты ничего не рассказывал...

— Рассказывал. — Ник привычно сложил брови домиком. — Я был здесь один раз, с отцом.

— А-а... — На щеках Фэша заиграли веселые ямочки. — Ну, ты же, хм, не называл имени.

Диана прищурилась, но лицо Фэша вновь стало непроницаемым.

— Рассказывай, как ты здесь очутился? — деловито спросил он у друга.

— Долгая история, сейчас расскажу... — Ник явно обрадовался, что можно сменить тему.

На Василису никто не обращал внимания, и она, незаметно перемахнув через перила беседки, решила скрыться в комнате. Потому что еще секунда — и она точно расплатится.

— Василиса, стой! — послышался окрик. — Ты куда?

Ник догнал ее в два прыжка.

— Хочешь скрыться от моей благодарности? — лукаво спросил Ник. — Не выйдет. Спасибо. Огромное.

— О чем ты? — смутилась Василиса.

— Ты же сама прекрасно знаешь, — тихо, но четко сказал Ник. — За мое часодействие.

— Ты что, откуда ты... Как узнал? Неужели вышло?

Ник вдруг встал на одно колено и, приложив руку к груди, низко поклонился Василисе. Фэш с Дианой пораженно притихли.

— Ты выполнила мое самое заветное желание, — с чувством сказал он. — И поэтому я навеки тебе обязан. Я знаю, — неожиданно тихо сказал он, — ты могла попросить все, что угодно, но почему-то... В общем, спасибо большое.

— Ник, о чем ты говоришь? — не утерпел Фэш. — Какое еще желание?

Вместо ответа Ник закатал рукав рубашки: на его запястье сверкнул серебряный часовой браслет.

— Третья степень, — широко улыбнувшись, сказал он. — Теперь я смогу строить самые красивые замки на Эфларе!

— Но как это вышло?! — удивилась Диана. — Сколько раз я просила нашу королеву разрешить тебе посвящение в часодействие... Феи очень неохотно делятся часовым даром с простыми людьми, ведь они помешаны на чистоте крови. Даже твой отец ничего не мог сделать!

— А Василисе удалось! — Ник явно был счастлив. — Сегодня утром пришло приглашение от фей. Конечно, я тотчас примчался во дворец, где мне тут же какие-то очень красивые барышни предложили выпить часодейную настойку.

— Прямо уж и красивые такие? — улыбнулась Диана. — Ну, это просто... Поздравляю, Ник!

— Я до сих пор не могу поверить! — Мальчишка светился от счастья. — У меня же нет дара... А феи умеют делиться с людьми часовым даром. Но делают это редко... и вдруг! Ох, спасибо, Василиса!..

— Но как ты узнал? — тихо спросила девочка. — Тебе что, сказали, что это я просила?

— А я и не знал, — хитро улыбнулся Ник. — Но мой отец сказал, что надо выпытать в первую очередь у тебя...

— Так ты меня подловил?!

Все разом расхохотались, а Василиса густо покраснела.

— Удивительный день, — улыбнулась Диана. — Не знаю, почему Белая Королева так благосклонна к тебе, но... спасибо за Ника. Огромное!

И она крепко обняла вконец смутившуюся Василису.

— Как только я начинала говорить про Ника, — продолжила Диана, — Королева тут же закидывала меня сияющими сапфирами...

— Что, прости? — опешила Василиса.

— А, ты же не знаешь, ага... Белая Королева обладает удивительной способностью — вокруг нее все время сверкают «камни настроения». Когда ей весело — полыхают изумруды, когда плачет — бриллианты, когда в большой печали — осколки черного стекла. А когда злится — синие-синие сапфиры.

— Не может быть, — выдохнула Василиса, от волнения вцепившись ногтями в щеки.

— Ну да, — протянула Диана, немного удивленная ее реакцией. — Такого великолепного дара не наблюдалось еще ни у одной феи. Собственно, именно потому Белая Королева и стала Белой Королевой. Феи свято чтят чистоту крови, а такой редкий дар может быть только у настоящей феи.

— Значит, — протянула Василиса, — только Белая Королева может кидаться камнями?

— Не кидаться, а рассеивать вокруг себя, — назидательно поправила Диана.

— Понятно, — произнесла невпопад Василиса. Она подумала, сколько же внимания от королевы фей к ее персоне...

— И прости меня за подозрения... — искренне добавила Диана. — С тобой связано много непонятного, но я уверена, что ты настоящий друг и не желаешь никому зла... В отличие от своего отца.

— Мой отец тут совсем ни при чем, — резко сказала Василиса.

— То есть ты не собираешься отдавать ему Ключ? — быстро спросила Диана. — В смысле, ты разве не представляешь его интересы?

— Нет, — ответила Василиса. И, подумав, добавила: — И никогда не буду. Я его ненавижу.

Диана немного нахмурилась, но еще раз обняла Василису и горячо пожала ей обе руки.

— С тобой точно не соскучишься, — приблизившись, равнодушным голосом произнес Фэш. — У тебя что-то поразительно много возможностей...

Василиса оглянулась, но отступить было некуда: по бокам стояли Ник с Дианой.

— Ладно, я... очень извиняюсь... — Видно было, что эти слова даются мальчишке с трудом. — Я немного погорячился, когда увидел у тебя Рубиновый Ключ. Может, ты и вправду не так проста, как кажешься... Черт, я не то хотел сказать. — Видя, что Василиса порывается уйти, он схватил ее за руку. — Прости, ладно? — четко сказал он. — Пожалуйста, Василиса.

— Без проблем. — Девочка резко вырвалась, прошла в беседку и села за стол. — Ну, поедим наконец или нет? — И она шумно отхлебнула остывший кофе.

Все, даже Фэш, рассмеялись. А Диана занялась спасением завтрака: рассыпанные по полу булочки исчезли, а вместо них появились новые — горячие и вкусно пахнущие корицей.

ГЛАВА 18 ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Целый день они провели в беседке: Ник рассказывал астроградские новости. Оказывается, самый великий эфларский часовщик Астариус вышел из своей Звездной башни и занял положенное место в Радосвете. Как только люди узнали про это, сразу же пошли слухи, что всему миру грозит опасность: ведь Астариус редко покидает свое обиталище и только в самых важных случаях.

Старшего Лазарева отпустили, но в Радосвет он не вернулся — Огнев так и не снял обвинения. Среди часовщиков поговаривали, что Василиса сама совершила переход по часовому мосту, поэтому многие сейчас требуют более детальных разъяснений от старшего Огнева. Но тот лишь рассказывает всем, что Василиса болеет и поэтому не выходит из своей комнаты. Зато многие советники, а первая среди них — госпожа Дэлш, и дальше настаивают на зачислении младшей Огневой в Школу светлочасов.

Фэш, как ни странно, перестал издеваться над Василисой и, даже наоборот, стал вести себя очень вежливо. Он отвел ее в сторону и еще раз попросил прощения.

— Я знаю, что серьезно досаждал тебе, — прямо сказал он. — Но у меня были поводы... Ведь ты свалилась с неба и вела себя очень странно. В любом случае, извини за это, я, э-э-э... Ну, перегнул палку, пожалуй. Короче, впредь буду стараться быть вежливым. Лады?

Василиса сделала вид, что простила его, и теперь они сохраняли нейтралитет.

Ник много рассказывал о часовой школе и часто повторял, что Василисе понравится у светлочасов. На что Василиса сказала, что ни за что не будет учиться у Елены Мортиновой. Этот щекотливый вопрос решили оставить на потом.

Ник рассказал и о себе. Как только Маришка Резникова зачасовала его, он почувствовал себя легким и невесомым, словно стал Духом. Фэш тут же возразил, что настоящие Духи — те же люди, только с большими способностями: умеют летать без крыльев, например. Диана сообщила, что эти высшие Духи еще могут делаться невидимыми и тоже без помощи крыльев. Ник ответил, что высшие Духи не имеют тела, на что Фэш тут же фыркнул.

Лишь после получасового спора на эту тему Ник продолжил рассказ. На самом деле проклятая девчонка выкинула его из временного коридора его жизни. Мальчик полетал два

часа вокруг Черновода, детально рассматривая все, что только можно найти в этом удивительном замке, а потом Ника вернули «обратно» в его временной коридор.

Василисе пришлось спросить, что это такое — «временной коридор»? Фэш, действительно ставший очень любезным, разъяснил, что у каждого человека есть свой путь времени: из точки «А» в точку «Б». Как маленький огонек, перемещается человек по этому коридору, проживая жизнь — положенный ему отрезок времени. Зачасовать человека — значит, вытянуть огонек из этого временного коридора. Лазарев сразу же узнал о случившемся: Маришка сама рассказала Радосвету обо всем, и Ника тут же вернули назад. Проклятая девчонка наплела всем, будто так испугалась, увидев младшего Лазарева в комнате Василисы, что с перепугу наложила столь сильный эфер, как зачасование. А Нику пришлось сказать, что он переживал за Василису и потому пришел ее проведать, «самовольно» воспользовавшись Белорожком своего друга часовщика. Как ни странно, Маришка ни словом не обмолвилась о том, что видела Фэша. Но самое интересное, старший Лазарев, как только узнал о приглашении фей на часовое посвящение для Ника, тут же назначил его зрителем от мастеров на Часовой Круг. Так получилось, что у Ника исполнилось сразу два желания: он стал часовщиком с третьей степенью, а еще будет с друзьями участвовать в Часовом Круге.

За разговорами они и не заметили, как наступил вечер.

— Я предлагаю, пока совсем не стемнело, сделать маленький праздничный ужин, — первой спохватилась Диана. — Отметить нашу встречу... Надеюсь, теперь все будет хорошо.

— Я не возражаю, — улыбнулся Ник.

— Кто бы возражал? — поддержал Фэш.

— Я сейчас наэферу что-нибудь вкусненькое, — продолжила Диана. — А вы идите погуляйте, не мешайте мне.

— Я бы очень хотела попробовать полетать, — робко произнесла Василиса. — Как это делается?

— А ты умеешь вызывать крылья? — спросил Фэш.

— Нет, — покачала головой Василиса. — Феи вдруг начали драться и ничего мне не объяснили.

— Драться? — изумилась Диана. — Ты хочешь сказать, что они начали ссориться?

— Они носились по небу, то и дело ударяя друг друга крыльями, — пояснила Василиса.

— Феи вступили в крылатый бой?! Но такого не может быть... Из-за чего?

— Из-за этого. — Василиса достала из нижнего кармана Стальной Зубок и показала ребятам. — Фея Темных Мыслей подарила мне его, — пояснила она под недоумевающими взглядами ребят.

Кинжал пошел по рукам.

— А что это? — заинтересованно спросил Ник. — Оружие?

— Какое это оружие? — Фэш хмыкнул, разглядывая лезвие. — Игрушка какая-то, подделка... Испоганили лезвие камешками.

— Да, очень странный подарок. — Диана тоже взяла в руки кинжал и внимательно рассмотрела его. — Никогда не видела самоцветы в лезвии... Какой толк от такого оружия?

— Похоже, люты просто поиздевались над тобой, — привычно съязвил Фэш. — Поэтому светлая фея и обозлилась.

— Вполне вероятно. — Диана недоуменно пожала плечами и вернула Василисе кинжал.

— Как бы там ни было, это подарок, — хмуро сказала девочка и спрятала кинжал обратно в карман. Она даже немного обиделась за Стальной Зубок.

— Не переживай, — ободряюще произнесла Диана, — мне темные вообще подарили шкатулку, полную жаб и змей. Я три дня отходила от потрясения.

— Да, могли и крыс в мешке подарить, — добавил Фэш, усмехнувшись. — А так игрушечкой наградили.

— Все равно странно, что феи дрались, — с сомнением протянула Диана. — Не бывает

такого.

— Можете не верить! — тут же вскинулась Василиса.

— Не кипятись... Слушайте, мы так весь вечер можем проболтать. — Фея резво вскочила с места. — Все кыш отсюда!

— Диана, можно я останусь? — умоляюще протянул Ник. — Я хочу посмотреть, как ты будешь эферить.

— Давай, я научу тебя, — тут же предложил Фэш, но Диана перебила его:

— Ник пусть останется, а вот ты мог бы поучить Василису летать.

— Только без шуток всяких, — обеспокоенно добавил Ник.

Диана кивнула, пряча улыбку.

— Лучше я сама попробую, — испугалась Василиса. — Скажите на словах, что делать только.

— Ладно, я согласен немножко полетать. — Фэш обернулся к Василисе: — Надо же тебя научить, а то все время только и делаешь, что падаешь.

— Только где же вы будете учиться? — задумалась Диана. — От нашего дуба нельзя отходить. Опасно. Запрещено строго-настрого. Хотя нас и охраняют, но лучше не рисковать.

— Все в порядке, — ухмыльнулся Фэш. — Я проведу ее на Хрустальное озеро. Самое отличное место для полетов, я всегда там тренируюсь.

— На свое тайное озеро? — сложил брови домиком Ник. — И ты согласен провести туда Василису? — Он вдруг хитро улыбнулся.

— А что? Там безопасно, — равнодушно отозвался Фэш. — Нырнем в часолист и тут же на месте.

— Это как так? — изумилась Василиса.

— Очень хорошее решение, — поддержала Диана. — Василиса, помнишь, я показывала тебе свою заставку Южная ночь? Так вот, у Фэша есть нечто подобное — свой тайный уголок, как я понимаю? Никто не сможет к вам проникнуть. Разве только через часолист Фэша, так что это самая безопасная возможность... А мы вас здесь подождем.

Василиса поежилась, глядя, как Фэш раскладывает часолист. Ребята же перестали обращать на них внимание — фея достала часовую стрелу и начала водить ею в воздухе, а Ник восхищенно следил за этим действием.

Василиса осторожно заглянула Фэшу через плечо: на странице часолиста красовался буйный зеленый лес.

— Пошли. — Фэш обернулся, схватил ее за руку и вдруг подмигнул. — Страшно?

Василиса хотела язвительно ответить, но не успела: Фэш навалился на часолист всем телом и — вжу-ух! Они уже стоят на траве, а вокруг, подчиняясь несильному ветру, лениво шумят листьями деревья.

— Ай! — Василису что-то задело по макушке. Оказалось, что это сова, — птица ухнула и, захлопав крыльями, скрылась меж деревьев.

— Чего это они разлетались? — удивился Фэш.

Василиса опасливо огляделась.

— А это место настоящее?

— Ха! Нет, нарисованное... Идем.

— Надеюсь, ты действительно будешь учить меня летать, а не дразнить или называть шпионкой.

Василиса косо глянула на Фэша. Они шагали по узкой тропинке, часто петляющей среди дубов, по направлению к озеру.

— Я уже давно знаю, что ты никакая не шпионка, — мрачно ответил Фэш, не сбавляя хода.

— Откуда? — опешила Василиса.

— Еще до того как мы с Ником прилетели в Черновод спасать тебя, — начал рассказывать Фэш, — ко мне подходил Мандигор. Он предложил мне следить за тобой, причем за наградой.

— За награду?

— Да. Представляешь, предлагал мне Бронзовый Ключ и полное прощение.

— Прощение? — не поняла Василиса.

— Я подрался с победителем и даже слегка ранил его... Лучше бы убил! Этот гад сам напал на меня в коридоре, выскочил из-за угла... Вот поэтому меня выгнали из школы, ясно?

— Это с Марком? А почему он напал на тебя? Тем более, он же победил...

Фэш не ответил.

— Прикольно, да, — продолжил он, невольно ускоряя шаг. — Я серьезно полагал, что ты шпионка, и вдруг эту роль предлагают мне.

— Ну, ты отказался? — осторожно спросила Василиса. Кто его знает, этого мальчишку...

Фэш хмыкнул:

— А ты как думаешь? Хотя, конечно, заманчиво: вернуться в школу да еще ключником. Но я ненавижу тех, кто шпионит. Ненавижу предателей. И тех, кто выскакивает из-за угла. Я никогда не согласился бы на такое.

Василиса промолчала: вспомнила треуголов.

«Представляю, как он меня тогда ненавидел, — невольно подумала Василиса. — А может, и сейчас».

Кажется, Фэш тоже об этом подумал.

Он резко остановился и повернулся к Василисе.

— Ну прости меня за все, ладно? — сказал он, виновато улыбнувшись, отчего на щеках показались ямочки. — Я же не знал, что ты совсем не такая...

И он вдруг очень нежно сжал ее запястье. Его ладонь оказалась сухой и горячей.

— Правда, я до сих пор думаю, — медленно продолжил он, глядя прямо в глаза и беря ее за вторую руку, — зачем тебе все это?

Василиса моргнула, но глаз не отвела. Даже постаралась успокоиться.

— Ты... про что?

— Часодейство, Ключи, борьба...

Фэш еще немного подступил, не сводя с нее странного взгляда, и шепнул:

— Мне кажется, Василиса, ты в очень большой опасности.

Василиса подумала, что сейчас она действительно в опасности: голубые глаза Фэша были почти рядом.

— Я тебе не верю. — Она вдруг тоже перешла на шепот.

На его щеках опять появились ямочки. Фэш еще немного придвинулся к ней, провел ладонями вверх до ее локтей и чуть сжал их. Василиса, совсем растерявшись, перестала дышать. Расстояние между ними было таким близким, что она ощущала на щеке его дыхание.

— Я все хотел тебе сказать, что... — Голос его прервался.

Василиса ощутила, что ее наполняет некое незнакомое чувство, словно хочется взлететь и провалиться сквозь землю одновременно. Фэш не отрывал от ее лица пристального взгляда и, словно забывшись, нежно провел пальцами по ее руке вверх, осторожно погладил плечо, а после тронул за волосы — забрал прядку за ухо ласковым жестом.

— Ну, хотел тебе сказать... — снова начал он как-то непривычно робко.

Его руки скользнули вниз и сжали ее ладошки.

— Так что хотел? — не выдержала Василиса и тут же прокляла себя. Ну вот зачем сказала?!

— Что ты очень доверчива, фейра, — неожиданно громко произнес Фэш, разом отпустил Василису и зашагал вперед по тропинке — к озеру, раскинувшемуся невдалеке иссиня-черным островком.

Василиса не видела, как он, прикрыв глаза, расстроенно закусил губу и вздохнул. Но уже через мгновение лицо его приняло обычное равнодушное выражение.

— И быстро прощаешь, — злорадно добавил мальчишка, как только Василиса, радуясь, что здесь совсем стемнело и не видно ее пылающих щек, поравнялась с ним.

— Я прощаю только друзьям, — сказала она, стараясь, чтобы голос прозвучал беззаботно. — Особенно их нерешительность.

Василиса окончательно развеселилась и, обогнав оторопевшего Фэша, пошла первая.

Через озеро красивыми хрустальными дугами шли параллельно два моста — они казались удивительными волшебными радугами в ночном небе. Расстояние между ними было огромным, около тридцати-сорока метров.

— Вот здесь ты будешь учиться летать. — Фэш обвел рукой озеро.

— Здесь? — Василиса с опаской приблизилась к черному серебру воды. — А тут глубоко?

— Метров десять, — кивнул Фэш. — Или пятнадцать... Давай вызывай крылья.

Ничего не получалось. Трудно было сосредоточиться под скептическим взглядом мальчика.

— Если ты всегда так будешь копаться, то в случае опасности тебе вряд ли удастся улететь. — Фэш с сомнением покачал головой.

— Я научусь, — буркнула Василиса. Она безуспешно пыталась представить, как молния с браслета должна пройти по левой руке, через плечо перебежать на лопатки и вспыхнуть там огненным цветком.

— И не забудь выкрикнуть числовое имя, — напомнил Фэш.

Василиса рассеянно кивнула. Наконец-то она почувствовала, как по руке бежит молния и...

— Василек!!!

Крылья появились мгновенно.

— Теперь помаши ими для разминки, — произнес Фэш и, скрывая коварную улыбку, демонстративно зевнул. — Сделай пару пробных прыжков, что ли... Танцуешь ты явно лучше, чем летаешь.

— О, так ты все-таки смотрел мое выступление? — не оборачиваясь, хитро спросила Василиса.

— Нет, не смотрел! — вдруг разозлился Фэш. — Давай же лети, птичка, а то мы до ночи назад не доберемся.

Василиса сделала вдох и побежала по поляне, пытаясь подняться в воздух, но крылья совсем ее не слушались.

Фэш, не скрываясь, захохотал.

— Ну у тебя и вид, — выдохнул он, не переставая смеяться. — Ты чего бежишь? Тебе же лететь надо, ха-ха...

После получаса неудачных попыток и ехидных замечаний Фэша Василиса наконец-то поняла принцип полета. Оказалось, надо просто «выключать» руки и представлять, что они растут на спине. Но прочувствовать подобное не летавшему раньше человеку было сложновато.

— Нормально, — заключил наконец Фэш. — Сойдет, как говорится, для фейры...

Он поднялся с травы, едва шевельнул плечами, мгновенно вызывая крылья, и полетел на один из мостов.

— Ну, докажи, что ты смелая и решительная! — крикнул Фэш, сделав особенное ударение на втором слове. — Поднимайся сюда.

Василиса послушно побежала на мост, волоча крылья за спиной.

— Ты бегать учишься или летать? — спросил Фэш, когда она очутилась возле него, на самой вершине моста.

— Я забываю, — смутилась Василиса. — Я же недавно получила их, а до этого даже не знала, что вообще буду летать.

— Да, сложно с тобой, — согласился Фэш.

Он поднялся в воздух и в несколько взмахов перелетел на другой мост,

поблескивающий таинственной хрустальной радугой.

— Давай сюда, и быстрее!

Василиса оценила расстояние между мостами и сразу как-то вспомнила о десятиметровой глубине.

— А если я упаду? — в отчаянии крикнула она.

Фэш взмахнул крыльями и вернулся на мост к Василисе.

— Тогда ты намочишь крылья и не сможешь летать, пока они не обсохнут... — сказал он, даже не запыхавшись. — И спрятать крылья не получится, так что поостерегись в воду падать.

— Нет, я здесь не буду пробовать!

— Тогда я тебя сам столкну, ты меня знаешь, — предупредил Фэш. — Если ты не попробуешь на высоте, никогда не сможешь летать.

Василиса вспомнила, как тренерша Ольга Михайловна в первый раз учила ее делать сальто.

«Пока сама не сделаешь на твердом полу, никогда не научишься».

— Это точно, — вздохнула Василиса и прыгнула в черную пропасть.

Мерцающая серебром вода приблизилась настолько быстро, что она едва успела, повинуясь инстинкту самосохранения, отчаянно замахать руками, ногами и крыльями разом. Видно, благодаря их с Фэшем небольшой тренировке, ее крылья немного приспособились к полету: Василиса даже смогла выровнять падение и потихоньку начала подниматься вверх.

— Я лечу!!!

— Наконец-то! — Рядом оказался Фэш. — Теперь можем спокойно возвращаться обратно.

Василиса не ответила. Она еще немного специально полетала над водой, несколько раз перелетела с мостика на мостик, а потом опять приблизилась почти к самой водяной глади.

Фэш терпеливо поджидал на берегу.

Василиса настолько освоилась с полетом, что даже опустила ступни в теплую воду и так поплыла-полетела к берегу, нарочито медленно, чтобы позлить Фэша.

Неожиданно вода прямо возле Василисы забурлила и на поверхности показалось что-то спутанное и взлохмаченное, похожее на человеческую голову.

— Эй! — крикнула голова. — Ты что себе позволяешь, мерзкая девчонка?! Безобразие!

Василиса от испуга перестала махать крыльями и тут же ушла под воду. Хорошо, что она была у самого берега и ноги смогли достать до дна.

Когда она вылезла из воды, вид у нее был более чем жалкий.

Фэш не мог уже дышать от расправившего его смеха.

— Я забыл тебе сказать, — выговорил он, вдоволь насмеявшись, — в этом озере живут водяные и водянки... А они не любят, когда их беспокоят, ха-ха...

Василиса схватила черную, всю в водорослях и засохшей тине корягу, валявшуюся на берегу, намереваясь огреть ею мальчишку по спине. Фэш, конечно, увернулся, а коряга, ударившись о землю, разлетелась на куски.

Мальчик рассмеялся еще больше и уже не мог остановиться.

Несмотря на досаду, Василиса невольно залюбовалась его смеющимися ямочками на щеках, но тут ее озарила яркая и ужасная мысль.

— Послушай, ты же слышал мое числовое имя! — Девочка ахнула. — Его же нельзя никому знать...

— Да, это верно. — Фэш широко улыбнулся. — Чтобы вызвать крылья, достаточно просто произнести его про себя или шепотом, чтобы никто не услышал, ни в коем случае... У тебя очень смешное имя... Но клянусь, я никому не скажу.

— Ты обманул меня!!!

Фэш захохотал во весь голос, мигом поднялся в воздух и полетел по направлению к лесу. А Василиса, взъерошенная и сердитая, поплелась по суше, волоча тяжелые намокшие крылья по земле.

ГЛАВА 19

ТАЙНА РУБИНОВОГО КЛЮЧА

Неделя пролетела быстро.

После «мокрой» тренировки с Фэшем Диана взяла на себя обучение Василисы полетам. Они тренировались летать каждое утро, забираясь в часолист феи, в заставку Южная ночь. И вскоре девочка настолько освоилась в воздухе, будто с рождения имела крылья. Диана даже показала Василисе несколько боевых приемов. В основном надо было научиться резко складывать крылья вместе и, проворачиваясь в прыжке, проводить скользящие удары; крылья тогда резали, словно острый кусок стекла. Василиса поеживалась, вспоминая драку между Селестиной и Мендейрой, но аккуратно выполняла все трюки. Прыгать Василисе было не впервой, а с крыльями даже легче получалось — Диана была очень довольна ее успехами.

Правда, после того как придворная фея узнала, что Василиса тоже ключница, она стала относиться к ней более настороженно. А еще Василиса замечала, что трое друзей часто шепчутся между собой, но лишь только она подходит — замолкают. Эти постоянные недомолвки чрезвычайно угнетали ее. Кроме того, никто из них не хотел показывать девочке, как обращаться с часовой стрелой, зато Ника Фэш обучал, и подолгу. Раз, когда Василиса с Дианой возвращались со своих утренних тренировочных полетов, они стали свидетелями бурной картины: Ник, вопя от восторга, бешено вращал стрелой, пуская разноцветные шары, похожие на большие мыльные пузыри. Завидев девчонок, мальчики быстро прекратили занятия, и все пошли в беседку обедать.

После Диана улетала в Белый Замок по делам: ведь она была фрейлиной и продолжала исполнять какие-то свои обязанности при дворе Белой Королевы. Фэш и Ник запирались в комнате, а Василиса, не сильно удаляясь от Большого Дуба, пробовала летать самостоятельно. Или искала уединения в комнате, где подолгу разглядывала кинжал, интересовавший ее даже больше, чем Рубиновый Ключ.

Диана возвращалась только поздно вечером, и они сразу же садились ужинать в беседке. Ребята вели себя нормально: болтали, шутили, смеялись, и Василиса успокаивалась. Правда, она часто ловила на себе долгие оценивающие взгляды Фэша, но он старался не встречаться с ней глазами и совсем перестал дразнить. Собственно, они почти не разговаривали. Если возникала крайняя необходимость в их общении, Фэш всегда обращался к ней подчеркнуто вежливо, из чего Василиса сделала вывод, что Диана с Ником наверняка сделали ему небольшое внушение касательно ее персоны. Честно говоря, она даже начала немножко скучать по его колкостям.

Но впрочем, если о Ключах мало разговаривали, то о своей жизни ребята очень охотно рассказывали.

Диана ходила в часодейную школу для особо одаренных фей с математическим уклоном. Оказалось, что в часодействе без этой науки никуда.

Ник в математических науках был очень силен. По его словам, он с детства помогал отцу чинить всевозможные часовые механизмы и даже разбирался в сложных чертежах часовых устройств.

Старший Лазарев заслуженно считался лучшим часовых дел мастером, и его очень уважали. Именно за мастерство в работе со Временем его и приняли в высший государственный совет — Радосвет.

Фэш учился в Школе темночасов. А еще входил в особую группу талантливых учеников, и потому жил в Воздушном замке, где раньше дополнительно посещал школу часодействия самого Астариуса — верховного правителя Эфлары.

Астариус был одним из тех немногих часодеев, кто владел секретом управления Времени, и поэтому мог путешествовать по прошлому и будущему. То есть, как уже говорила Василисе Диана, великому часовщику было известно, что творилось и будет

твориться в мире. Обычно мудрый часодей проводил время в Звездной башне Воздушного замка, и если показывался, то только в экстренных случаях, в остальное время доверял управление государственными делами Радосвету.

Василиса с удивлением узнала, что Диана и Фэш много знают об Остале. Оказывается, часовщиков из Высшего Круга сразу же посвящают в историю двух миров, объединенных (а если смотреть с другой стороны, то разъединенных) Временным Разрывом.

Правда, большинство эфларцев знать не знают ни о какой Остале и считают рассказы о технической цивилизации остальцев сказками. Но в часовых школах проводят специальный курс об остальской жизни и даже устраивают тайные экскурсии для старших школьников. Диана и Фэш не были еще на Остале и поэтому с большим интересом слушали Василисины рассказы о жизни и учебе остальских ребят. Кроме того, она рассказала, что с детства занималась со своей бабушкой математикой и даже вспомнила некоторые из задачек. Диана удивилась, сказав, что математические и логические задачи — основные предметы Начального Круга в часодейской школе. Потому что любой, даже самый простой эфер строится на алгоритме — определенной последовательности задач. Вот почему так важно научиться решать логические и математические упражнения.

Так они проводили вечера в разговорах о жизни и почти не вспоминали о Часовом Круге. Ник часто общался по часолисту с отцом, Фэш тоже писал какие-то тайные письма, да и Диана иногда вытаскивала свою часовую книгу. Василиса втайне завидовала им, ведь приобрести часолист для себя она не могла: за часовые вещи надо было платить драгоценными камнями.

И вот настал последний вечер перед отъездом. Ранним утром предстояло отправляться в дорогу, и ребята все-таки заговорили о Ключах.

Начал, как ни странно, Фэш. Он вдруг перебил Диану, разглагольствующую о том, как Белая Королева ненавидит королеву лютов и как та отвечает ей тем же.

— Интересно, кому достанется ЧерноКлюч? — в задумчивости произнес он. — Если, конечно, это не выдумка...

— Он существует, — чуть помедлив, ответила Диана. — Но, правда, его никто не видел. И если Белая Королева фей идет на контакт с часовщиками, то повелительница лютов чихать хотела как на Часовой Круг, так и на весь мир в целом.

Честно говоря, Василису интересовала вся история таинственных Ключей, ведь она про них так мало знала. А вот ребят скорее заботило, кто будет еще участвовать. Больше всего их волновал ЧерноКлюч — пока что его обладатель никак себя не проявил. Даже поговаривали, что Черная Королева, повелительница лютов, вообще не отдаст Ключ, и Часовой Круг может не завертеться.

— Да, — задумчиво повторила Диана, — она может назло не отдать. Она всегда делала что хотела.

— Черная Королева не может так сделать! — горячо возразил Фэш. — Или она совсем глупа?

Диана отрицательно покачала головой, указывая на то, что повелительница лютов отнюдь не глупа.

Вечером, когда они остались с Дианой наедине, Василиса постаралась больше расспросить фею о Часовом Круге и семи Ключах. Фея рассказывала неохотно, да и все то, что Василиса и так знала.

— Часовой Круг находится в Лазоре, прямо по центру Лазурной залы, вернее, над ним. Когда придет время, его спустят вниз. Он состоит из большого золотого круга, на котором имеются двенадцать кружков-мест с цифрами. В его центре находятся семь огромных черных стрел. Как только все ключники будут в сборе и предъявят свои Ключи, эти стрелы приведут Часовой Круг в движение. Семь цифр предназначены для ключников, еще три — для зрителей, которых предоставят часовщики, феи и люты соответственно, и оставшиеся два — для «шпиков», тайных наблюдателей.

...Последние особенно заинтересовали Василису: оказывается, эти наблюдатели будут

незаметно следить за действиями ключников, когда Часовой Круг переместит всех ребят на место цветения легендарного Алого Цветка.

— А вот интересно, где это будет? — блестя глазами, произнесла Диана. — Все надеются, что Часовой Круг так и останется в Лазоре, и тогда с ключниками не будет проблем, мы все на виду будем... Алый Цветок расцветет, ключники загадают желание, Временной Разрыв увеличится вновь, и все будет отлично... Но я надеюсь, что мы переместимся — чем дальше, тем лучше. Например, на Осталу.

Василиса про себя согласилась с этим: переместиться на Осталу — самый лучший выход. Она призналась себе, что соскучилась по тренировкам, по ребятам из группы, особенно по Лешке. К сожалению, мобильник был разряжен — связь с другом так и не восстановилась.

Диана вздохнула, по-своему истолковав Василисино молчание.

— Ладно, уже поздно, мы устали за день... давай спать. Утро вечера мудренее.

Василиса кивнула и забралась в постель.

— Скажи-ка, — вновь подала голос Диана, — а почему ты никогда не снимаешь свою заколку с синим цветком? Даже спишь с ней?

Василиса помедлила с ответом.

— Это подарок одного очень дорогого мне человека, — тихо сказала она. — Я хочу, чтобы она всегда была рядом... чтоб не потерялась.

— А, тогда понятно. — Диана виновато улыбнулась. — Спокойной ночи!

Она вытянула руку из-под одеяла и щелчком пальцев погасила свет.

Ночью Василиса не могла сомкнуть глаз. В сердце билась неясная тревога — маленький беспокойный червячок, предчувствие чего-то плохого.

Когда ей наконец удалось задремать, перед ней вдруг всплыло незнакомое женское лицо, прикрытое темной полупрозрачной вуалью. Василиса в страхе открыла глаза — лицо тут же исчезло. Стараясь утихомирить бешено стучащее сердце, девочка спрыгнула на пол и зачем-то подошла к окну.

За окном дул яростный ветер, погода испортилась: то и дело сильно гроыхало, ярко сверкали молнии.

Внезапно вокруг Василисы закружились полузабытые блески, такие же, как на празднике в отцовском доме, когда она увидела себя в зеркале, — часовой флер... Они то вспыхивали, то исчезали, только теперь это были не мелкие, беспорядочные огоньки. Сначала Василисе показалось, что это отсветы молний, озарявших клубящееся темными тучами небо. Но после она пришла к выводу, что начала бредить.

Потому что вокруг Василисы закружились цифры. Очень много! Они были маленькие и большие, кривые и ровные, объемные и плоские, яркие, тусклые, серые и разноцветные. Цифры то вспыхивали одинокими дрожащими огоньками, как звезды в летнем небе, то проносились целыми лентами, кружа вокруг ее головы. Внезапно они сложились в большой синий цветок с переливающимися лепестками — его очертания показались девочке очень знакомыми.

— Мамочки, — только и прошептала перепуганная Василиса.

И вдруг цветок распался на отдельные цифры. Покружившись немного, они сложились в одну длинную полосу и вдруг обернулись буквами:

«Я одеваюсь и вылетаю во двор».

Василиса надела джинсы, натянула рубашку. Прodelала она это машинально, будто в полусне, — а может, так и было. Очень легко, всего лишь одним движением плеч вызвались крылья.

«Василек».

Василиса бесшумно запрыгнула на подоконник, раскрыла окно и бесстрашно прыгнула в темноту, лишь промелькнули в проеме окна ярко-алые крылья.

— Прилетела, — хихикнули в темноте. — Какие красивые крылышки!

— Облейте ее водой! Отец просил... — знакомый голос.

— Где я? — сонно спросила Василиса, не открывая глаз.

— Дома, — опять захихикали. Кто-то зло шикнул, и смешки стихли.

Бледными голубыми огоньками вспыхнула люстра над головой, освещая каменные стены. Потянуло холодом и сыростью — острый и неприятный запах, затхлый.

И тогда сверху обрушился град ледяных стрел: кто-то последовал приказу и устроил ей обжигающий душ.

Василиса взвизгнула, сразу же сделалось холодно и неприятно, но зато сознание полностью прояснилось.

Из полутени выплыли лица — сначала белые, неяркие, затем более четкие... И знакомые.

Насмешливые черные глаза на узком лице в обрамлении светло-пепельных волос.

Марк.

И рядом — холодный серо-зеленый взгляд, тонкие, плотно сжатые губы, как у отца.

«Норт как-то изменился, — неожиданно подумала Василиса. — Будто бы повзрослел за эти несколько дней... Скулы резче обозначились, глаза лихорадочно блестят, словно у голодного хищника, или это так кажется из-за тусклого освещения? Позади них, чуть в отдалении, топчутся неясные фигуры, но они на свет не выходят, только слышится тихое перешептывание».

— Здравствуй, сестричка, — бесцветным голосом сказал Норт. — Сейчас придет отец.

«А ведь он очень волнуется», — промелькнуло в голове у Василисы. Ей захотелось попрыгать, чтобы согреться, но она не решалась даже пошевелиться. Мокрые крылья все больше тяготили спину.

— Зач-чем над-до было меня об-блывать? — дрожа от холода, спросила Василиса. — И поч-чему я здесь, что вообще происходит?! — Она не выдержала и сорвалась на крик, но вышло хрипло.

— Твой отец хочет взглянуть, какие ты получила крылья, — насмешливо пояснил Марк и, ухмыльнувшись, добавил: — И поздравить с посвящением. — В отличие от Норты он был абсолютно спокоен и даже как-то радостно-благодушен.

Позади него опять зашептались и захихикали.

Василиса беспомощно огляделась: стены из булыжника, грубо перемазанного строительным раствором, низкий бурый потолок, с которого свисает единственная железная люстра с кольцом мерцающих свечей, а двери... дверей она не видела. Может, они скрывались за спинами тех, что стояли за Марком и Нортотом?

— Где я нахожусь? — спросила Василиса, стараясь изо всех сил, чтобы голос не дрожал.

— Ты уверена, что хочешь знать? — улыбнулся Марк.

«Как кошка с мышкой», — угрюмо подумала Василиса.

Позади них опять захихикали.

— Кто это такие? — Василиса неприязненно посмотрела через плечо Марка, но неизвестные весельчаки были за пятном света и поэтому оставались практически невидимы.

— Это мои друзья, одночасники, — ответил Марк, — пришли на представление. Сейчас дождемся учителя и будем ставить очень интересные опыты.

В темноте опять засмеялись, а кто-то откровенно загоготал.

Василиса, смутившись, отступила к противоположной стене, во тьму. Но кольцо свечей, как живое, метнулось за ней по потолку, вновь осветив ее маленькую фигурку.

Марк с Нортотом медленно подошли поближе. Одночасники же остались на месте.

— Меня удивляет, — начал Марк, — что ты не спрашиваешь, как именно сюда попала? Тебе что, неинтересно?

Василиса промолчала. Последнее, что она помнила, — мельтешение цифр вокруг себя, синий цветок... безмятежно спящую Диану и... все.

— Ну и как же? — хмуро спросила она, украдкой переминаясь с ноги на ногу: босые ступни леденели на холодном полу.

— Начнем с того, что я следил за тобой по приказу твоего отца. Видел твоё выступление на Чарованиях... — Марк осклабился. — И даже послал букетик с почти любовной запиской.

Позади опять засмеялись, будто зрители, наблюдающие очень веселое и забавное представление.

— Да-да, я прочитала её, — кисло ответила Василиса. — Мой ответ — нет.

— Я рад, что чувство юмора тебе не изменяет, — произнес Марк. — Но скоро ты узнаешь, почему всем мешаешь, Огнева.

Василиса промолчала.

— Я слышал, у тебя появились друзья, и какие, — продолжал Марк. — Одни ключники! Мало того, ты совсем очаровала нашего Драгоция... Такая романтическая сцена, я плакал!

Норт, до этого стоявший, как мумия в музее, не удержался и хмыкнул. Одновременно Марка опять захихикали.

— Это чистейшее вранье! — вспыхнула Василиса. Несмотря на холод, ей вдруг стало очень жарко.

— Я был возле озера с двумя мостами и всё видел, — не моргнув глазом, сказал Марк. — Со стороны всегда виднее, особенно, когда ты нахохлившись филином сидишь на ветке осины и помираешь со скуки. Фейя и сынок ремесленника так увлеклись друг другом, что мне не составило большого труда пробраться в раскрытый часолист этого дурака Драгоция.

Василиса вдруг вспомнила, как крыло совы задело её по макушке: так это был Марк?!

— Но это, конечно, не самое интересное, — повел дальше Марк тоном неторопливого рассказчика. — Гораздо более любопытен один разговор, произошедший между теми же лицами — Фэшем, феей Дианой и простым-пацаном-вдруг-ставшим-часовщиком... Я понятно излагаю?

Василиса нахмурилась.

— Ребята договаривались подсыпать одной новоиспеченной часовщице сонного зелья в бокальчик, — сладким голосом продолжал Марк, наслаждаясь Василисиным изумлением. — Чтобы она проспала до вечера, пока они уедут без неё. То есть убегут... Справедливости ради надо сказать, что младший Лазарев был против. Понятно, он же тебе обязан даром часодействия. — Марк презрительно хмыкнул. — Но его быстро уговорили... Кстати, ты очень необдуманно использовала желание, прими мое разочарование.

— Ты врешь, — спокойно произнесла Василиса и невольно вздрогнула. — Зачем бы ребятам понадобилось убежать от меня?

— Чтобы столкнуться о совместных действиях на Часовом Круге, понятно? — Марк пожал плечами. — Против меня, Маришки и... Норта. А тебе, да ты сама знаешь, они не доверяют, Огнева.

— Так Норт тоже ключник? — удивленно спросила Василиса, тут же покосившись на брата.

Норт нервно хмыкнул, переглянувшись с Марком.

— Почти, — усмехнулся тот. Улыбка вышла странной, какой-то хищной.

Василисе она совсем не понравилась. Как и быстрый взгляд, вскользь брошенный на неё братом.

Воцарилось гнетущее, нелепое молчание. Василиса украдкой растирала плечи, чтобы хоть как-то согреться.

— Послушай, — медленно начал Марк, и глаза его опасно заблестели, — я всё жду, когда ты вытянешь часовую стрелу, а ты совсем не торопишься. Неужели ты даже не попробуешь сопротивляться? Я ожидал от тебя более активных действий.

Василиса смутилась, не выдержав пристального взгляда Марка. Левая рука как-то сама

собой поползла за спину.

Воцарилось молчание.

— А ты умеешь пользоваться стрелой, а? — вкрадчиво спросил Марк. Браслет на его правой руке тихо зашипел, выпрямляясь. — Наверное, и пароль не поставлен, да?

Норт с любопытством следил за его действиями. Темная группа одночасников заинтересованно придвинулась поближе.

В следующую секунду часовой браслет Василисы тихо звякнул, обиженно сполз с руки и, выпрямляясь на ходу, переключался по воздуху прямо в левую руку Марка. Тот с любопытством поднес часовую стрелу поближе к свету.

— Интересный цвет, — сказал он. — Дорогой материал наверняка...

— Отдай! — Голос Василисы прозвучал слишком жалобно.

Конечно, это развеселило Марка.

— Не отдам! — игриво, как ребенку, сказал он и спрятал стрелу Василисы к себе за пазуху. — Военный трофей, — добавил он и лучезарно улыбнулся.

Рассвирепев, Василиса кинулась на него, намереваясь отобрать стрелу. Однако Марк тут же уклонился от удара, нацеленного в лицо, больно схватил ее за плечи и так сильно встряхнул, что у Василисы в голове зазвенело.

— Спокойно, малышка...

Марк еще раз встряхнул ее и отпустил. Девочка потеряла равновесие и мигом осела на пол.

Темнота позади Марка разразилась хохотом.

От обиды и унижения хотелось разреваться, но тогда триумф врагов был бы полным.

Ее сердце разрывалось от злости и отчаяния.

Не помня себя, Василиса вскочила и вновь кинулась на Марка. Но он предугадал и это: быстрым движением перехватил ее руку, занесенную для удара, и завел ей же за спину. После чего сильно толкнул к стене и обхватил за шею, локтем придавив девочке горло. Крылья Василисы распластались по булыжнику стены, и со стороны она сейчас выглядела, как бабочка, припигиленная к коллекционной доске.

Василиса стиснула от бессилия зубы, стараясь освободиться, но напрасно.

— Все-таки пришла пора научиться вежливости, а, фейра? — ухмыляясь, спросил Марк. — Скажи для начала: «Я больше так не буду!» — И он сильнее надавил ей на горло.

Василиса выгнулась дугой, изловчилась и впилась зубами в Маркову руку чуть ниже локтя.

Мальчишка ойкнул и разом отпустил ее. Тогда Василиса изловчилась во второй раз и, подпрыгнув, взвилась пружиной, полоснув Марка крыльями изо всех сил. Если бы крылья были сухими и острыми, удар вышел бы страшным и сильным. Но все равно получилось неплохо — прозвучал резкий чмокающий звук, как будто от удара мокрой тряпкой. Марк, схватившись за щеку, взвыл от боли. У Василисы же на прыжок ушли все силы.

— Вот это да! — сказал кто-то из одночасников, но на него тут же шикнули, и он притих.

Марк выхватил золотую стрелу и направил на Василису. Правая щека и часть шеи стали малиновыми, и выглядел мальчишка далеко не так напыщенно, как раньше.

— Ну, сейчас ты у меня узнаешь, — зловеще процедил он.

Стрела медленно завращалась, к Василисе метнулась огненная спираль, но тут же распалась искрами, не причинив девочке никакого вреда.

Василиса поморгала, стремясь унять желтую рябь перед глазами.

— Я совсем забыл... — простонал Марк. — Ее же сейчас Ключ защищает от злонамеренного часодействия... — Он грязно и витиевато выругался.

Василиса вспыхнула, услышав среди потока ругательств и слово «фейра».

— Тогда приступим к главному, — процедил Марк.

Норт, с большим интересом наблюдавший за ходом событий, в один миг посерьезнел и шагнул к ним. «Друзья», до этого стоявшие в темноте, также приблизились, как по команде

— в одном молчаливом шаге, и вновь замерли.

— Покажи Рубиновый Ключ! — жестко приказал Марк.

У Норта лихорадочно заблестели глаза.

— Покажи, — глухо повторил он.

Сердце Василисы бешено застучало, хотя она и смутно догадывалась об этом. Так, значит, они хотят отобрать у нее Ключ... Но не силой, понятно... Тогда как?

— Я жду, — напомнил о себе Марк. — Учти, часодействие к тебе нельзя применять, но я могу отобрать его силой...

— Ключ нельзя отобрать силой, — бледнея, возразила Василиса. Рука сама собой потянулась к заднему карману джинсов и через мокрую ткань нащупала Ключ.

— Много ты знаешь про Ключи, — медленно сказал Марк. — Ключ нельзя отобрать, но можно подарить... Так у тебя есть он или нет? Просто покажи его нам.

— Пожалуйста!

Василиса достала из кармана Рубиновый Ключ и протянула его в раскрытой ладони.

У нее была смутная надежда, что Марк тут же схватит его, как Фэш, и обожжется.

Но тот явно не спешил этого делать.

Одновременно Марка, на миг ожив, восхищенно зашептались между собой.

— А сейчас ты подаришь его Норт, — четко произнес Марк. — Просто произнеси клятву дарения: «Я, Василиса Огнева, отказываюсь от Рубинового Ключа навеки и передаю его моему брату, Норту Огневу согласно правилу родственных уз». Повтори.

— С чего ты взял, что я буду повторять эту чепуху? — возмутилась Василиса. — Ключ подарили мне, а не Норт.

— Твой отец желает, чтобы Рубиновым ключником стал Норт, потому как он более достоин его, — терпеливо, как маленькому ребенку, пояснил Марк, однако в его голосе послышалась неприкрытая угроза. — Более достоин войти в Часовой Круг, как наследник Огневых и часовщик Высшего Круга.

— Я тоже часовщик Высшего Круга, — зло сказала Василиса. — И даже имею большие права на наследство, чем Норт!

— О, я вижу ты уже додумалась до многого, — насмешливо произнес Марк. — Тогда, может, ты уже знаешь, почему всем мешаешь, Василиса Огнева?

— Не знаю и знать не хочу!

Лицо Марка расцвело улыбкой, и, хотя левая щека продолжала алеть, к нему возвращалось хорошее настроение.

— Вот тебе загадка, — начал он. — Некая X мешает некому Y стать наследником состояния некого XY. Если X забрать из уравнения, останется Y. Понимаешь?

Василиса нахмурилась.

— Далее, эта X портит отношения господина XY с некой госпожой Морти... э-э, пардон, госпожой Y. Если X забрать, что останется? Правильно — полная гармония игреков... И никто не будет мешать госпоже Мортиновой посильнее сдружиться с господином XY. И самое интересное, — Марк чуть понизил голос, — есть еще одна некая... госпожа, пожелавшая действительно остаться неизвестной. Давай тоже назовем ее Y, потому что они обе сохнут по господину XY. А эта госпожа связана с Огневым большой тайной... Желая отомстить, она дарит некий Ключ той самой X, но на самом деле желает откупиться от господина XY, а заодно избавиться навсегда от X, которая очень-очень ей мешает.

— Ничего не понял. — Норт удивленно посмотрел на Марка. — Чего это ты наговорил?

— Чем это я мешаю Белой Королеве? — изумилась Василиса и добавила зло: — У тебя, кажется, горячка после удара.

Марк скрипнул зубами, но сдержался.

— Лучше бы спросила, почему я тебе рассказываю все это... Ты зря не прислушиваешься к тому, что тебе говорят. От тебя желают избавиться три могущественных часовщика. Одни из самых сильных во всем мире... Это слишком много для слабой

человеческой жизни, понимаешь? Другими словами, скоро уравнение потеряет одну неизвестную.

— Мой отец не убьет меня! — бледнея, произнесла Василиса и отступила, но уперлась в проклятую каменную стену. — Я же его дочь, его ребенок, как Норт! Я не верю, что он желал бы такого мне...

— Тогда почему мы здесь? — устало спросил Марк, вдруг потерявший интерес к красноречию. — Слушай, не затягивай, мне и так надоело стоять.

Марк ловко щелкнул пальцами: прямо из воздуха вылетело два стула. Он уселся на один из них, другой предложил Норту. Но тот, покачав головой, остался стоять. Кажется, братец сильно волновался.

— Мне тебя жаль, честно... Поэтому прошу — отдай по-хорошему Рубиновый Ключ.

— Нет, — бледнея, твердо произнесла Василиса.

— Мне велели передать: если ты добровольно отдашь Ключ, — продолжал Марк, — тебе будет дозволено немного пожить в Черноводде. А если будешь хорошо себя вести — сможешь там остаться. Но если нет, — голос его стал угрожающим, — тобою займется госпожа Мортинова.

— Я сказала — нет! — дрожа от ярости и вновь подступившего холода, выкрикнула Василиса. — Никогда я вам не отдам Ключ, ясно?!

«Он просто обманывает меня... хочет запугать», — стараясь утешить саму себя, думала Василиса.

— Сначала она вырвет тебе крылья специальным способом... это очень больно. Потом...

— Марк, перестань, — поморщился Норт. — Ты что, не видишь, она тебе не верит.

— Почему-то истинной правде никогда не верят, — мгновенно огорчился Марк.

Казалось, происходящее весьма-весьма забавляет его.

— Между прочим, именно я придумал один замечательный план, — многозначительно добавил он. — И господин Огнев одобрил его. Норт, расскажи об ее дружке, остальце этом...

— Алексей Рознев, — четко произнес Норт. — Кажется, так зовут?

Василиса остолбенела. У нее возникло очень, очень нехорошее предчувствие... Только не это, не может быть.

— Если ты не отдашь нам Ключ, он умрет.

— Знаешь что? Я тебе не верю. — Василиса украдкой потерла горло — болело до ужаса.

Марк заметил это и злорадно ухмыльнулся:

— Вот твой дружок...

Он вновь поднял руку — зазвенела стрела, перед Василисой завихрилось серое облако, словно бы здесь решила собраться вековая пыль с какого-нибудь чердака.

— Ну и грязно же там, в подземелье, — поморщился Марк, отодвигаясь вместе со стулом.

Пыль рассеялась, являя взору взлохмаченного мальчишку, связанного и с кляпом во рту. Глаза его расширились от изумления, когда он увидел Василису.

— Лешка...

Василиса ахнула. Ей вдруг стало совсем нехорошо, низкий потолок закружился перед глазами. Лешка замычал и попробовал перевернуться на бок.

Василисе стало так страшно, что даже затошнило, — казалось, будто ее сейчас вырвет от пережитого.

Лешка глухо застонал, пытаясь освободиться.

Наверняка он даже не знает, что с ним, где он находится...

Василису не покидало ощущение, что все это как-то нереально. Но Марк тут же рассеял все сомнения. Он присел возле Лешки и надавил острием часовой стрелы ему на шею, как раз туда, где пульсировала сонная артерия.

— Ключ, — потребовал он.

— Ты не посмеешь... — протянула Василиса, сомневающаяся, правда, что так оно и будет.

— Хочешь проверить? — нехорошо улыбнулся Марк и чуть надавил пленнику на шею. Лешка закрыл глаза, скулы его напряглись.

— Нет, не надо, пожалуйста, — севшим голосом произнесла Василиса. Она изо всех сил боролась с собой, чтобы не расплакаться... Ужас, ужас, ужас...

Василиса, шатаясь, поднялась на ноги и вновь достала Рубиновый Ключ из заднего кармана джинсов.

Норт тут же вышел вперед и приблизился к сестре.

В темноте Ключ горел ярко-алым огнем. Неожиданно Василисе стало противно держать его в руке.

— Я, Василиса Огнева, отказываюсь от Рубинового Ключа навеки, — подсказал Марк, не убирая стрелу с Лешкиного горла. — И передаю его моему брату, Норту Огневу, согласно правилу родственных уз.

Василиса глубоко вздохнула.

Ну и черт с ними, со всеми! Лешке она пропасть не даст. Тем более что он всегда был ее единственным другом. А если ребята действительно хотели убежать, то... Фэш. Нет, скорей всего, он с самого начала недолюбливает ее, а Ник... Наверное, чувствует себя виноватым, но тоже ей не доверяет. Да и Диана...

— Скорее, — поторопил Марк. Глаза Норта недоуменно прищурились.

Но Клементина... Белая Королева, знала ли она о клятве дарения? Знала ли, что Рубиновый Ключ заберут?

— У меня рука может сорваться, — зловеще предупредил Марк.

— Надо двинуть ей по шее, — произнес Норт, медленно приближаясь. — И она сразу отдаст Ключ...

— Только попробуй, — процедила Василиса.

— Норт, тебе надо еще многому учиться, как договариваться с людьми...

Марк приподнял обессиленного Лешку и резко ударил его коленом в живот.

Василиса охнула.

— Теперь ты попробуй, — предложил он Норту.

Тот подошел, ухмыляясь, и со всего размаху ударил Лешку кулаком прямо в скулу.

— Не надо, пожалуйста!

Василиса видела, что Лешка потерял сознание.

— Вы можете убить его!

— Можем, — согласился Марк. — Но что такое жизнь одного человека ради какого-то там ключика, пусть и могущественного... да, фейра?

— Забирайте свой Ключ!

— Это немного не те слова, что мы ждем, — жестко сказал Марк. — Ну? Честно говоря, мне уже надоело поддерживать твоего оглушенного дружка.

Василиса скороговоркой произнесла клятву; один раз она сбилась, но Марк тут же услужливо подсказал.

Девочка немного надеялась, что ничего не произойдет, но лишь она закончила говорить, Рубиновый Ключ неярко полыхнул алым цветом и мгновенно переместился в руки Норта.

Как ни странно, Василиса почувствовала облегчение. Норт крепко сжал ценный Ключ в руке — лицо его уже расплывалось в глупой улыбке.

— Вот видишь, — произнес, усмехаясь, Марк, — это совсем не страшно... Поздравляю, Норт!

И Василиса не выдержала. Она размахнулась и ударила Норта прямо по носу.

Брат ойкнул и чуть не выронил Ключ из рук. Василиса была так зла из-за того, что они били связанного Лешку, что в этот момент готова была поколотить обоих.

После этого Василиса тут же кинулась к Марку, но он уже оставил Лешку в покое, не

забыв напоследок пнуть его в живот.

— Это за Норта, — ласково объяснил он. — Тебя я больше бить не буду, все-таки ты девчонка, да и жить тебе осталось недолго, зачем портить последние минуты?

Василиса не ответила, опустившись на колени рядом с другом. Лешка по-прежнему был без сознания. Она пыталась привести друга в чувство, но не могла вытащить даже кляп из его рта.

Норт, как ни странно, не старался отомстить Василисе: держась за нос, он не отрывал взгляд от Рубинового Ключа.

— Признаться, Василиса Огнева, я ожидал от тебя большего... — между тем сказал Марк. — Ошибся.

— Вы подтверждаете, — обратился он к притихшим одночасникам, — что были свидетелями дарственной клятвы?

— Да, подтверждаем, — произнес нестройный хор.

— Тогда свободны. — Марк вяло махнул рукой, и все они исчезли.

— Ну и разговоров будет в школе! — сказал Марк. — Норт, ты точно станешь звездой, особенно после Часового Круга.

На том месте, где только что стояли одночасники Марка, завихрился серебристый вихрь, и у Василисы опасно сжалось сердце от ужасного предчувствия.

Из темноты на свет молча шагнула темно-фиолетовая тень.

— Господин Огнев, разрешите доложить, — четким, поставленным голосом начал Марк. — Ваша дочь доставлена, часовая стрела отобрана и, самое главное, Рубиновый Ключ у Норта.

— Отличная работа, Марк, — произнес Нортон-старший. — Стрелу возьми себе... Она прямо с поля Старых Часов, редкая вещица в нашем мире. Уж Белая Королева постаралась... Посмотрим, чем еще она одарила мою дочь.

Он двинулся к Василисе, и она тут же съежилась под его взглядом.

— Чудесно... Дивный красный цвет, много черных пятен, — ровным голосом произнес отец, равнодушно оглядывая крылья дочери. — Тайный дар, как и у матери. Прекрасно, просто отлично.

— Что отлично? — еле сдерживаясь, спросила Василиса. Злость и ярость кипели внутри, вспухая болезненным пузырем. Казалось, она сейчас разорвется от бешенства. — Что отлично? — глухо повторила она. — Дейле подойдут мои крылья, да?

Нортон-старший не ответил. Рядом с ним засеребрился вихрь, и на его фоне обрисовался изящный женский силуэт.

Торжествующая улыбка осветила тонкое лицо, обрамленное вольно спадающими белокуроыми локонами. Елена, в невероятно красивом изумрудном платье, очень пышном, была особенно великолепна сегодня.

— Да, милочка, — победным голосом произнесла госпожа Мортинова. — Это все. Конец. Ты и нужна была лишь для этого: заполучить Рубиновый Ключ для Норта.

— Как это? — Василиса взглянула на отца, но он по-прежнему молчал, сохраняя равнодушие на лице. — Что она говорит?

— Мы знали, что Белая Королева отдаст Рубиновый Ключ только тебе. По особым причинам... Глупая, она думала, что Нортон выведет свою дочь на Часовой Круг. Что забудет прошлое... Даже несмотря на то, что ты вообще ничего не смыслишь в часодействе. А теперь твоя история закончилась.

— Это правда? — глядя на отца, спросила Василиса. — Ты забрал меня к себе в дом, провел через все эти посвящения, перемещения и предательства, чтобы достать маленький ключик для своего сыночка?

— Нам пора, — сказал Нортон-старший, приобнял сына за плечи и они, засеребрившись, исчезли.

— Я тебя ненавижу! — Василиса сорвала заколку с челки и швырнула синий цветок в черную пустоту, но отец этого уже не слышал и не видел. Стремясь заглушить рыдания, она

закрыла лицо руками.

— Сейчас я уйду, — проговорила Елена, чуть ли не светившаяся от удовольствия. — Но утром, после Часового Круга, я вернусь. Вот тогда и поговорим по-настоящему.

Последние слова прозвучали особенно зловеще.

— Зачем разбрасываться такими ценными вещами? — Марк фыркнул. — Оставь, все-таки связь с отцом, и очень надежная.

— И единственная, — осклабившись, добавила Елена.

Василиса недоуменно воззрилась на них, поднимая заплаканное лицо.

— Ты что, не поняла? — Марк постучал по голове. — Благодаря этой заколке мы всегда знали, где ты находишься. Твой дружок Фэш сразу распознал в ней часовую вещь и потому никогда тебе не доверял. В тот миг, когда он сделал вид, что хочет поцеловать тебя, на самом деле окончательно желал убедиться, что заколочка-то с подвохом.

Василисе стало жарко, гулко застучала в висках кровь. Неужели это правда? А она-то думала...

— Прощай, Огнева, — произнес Марк. — Вряд ли еще увидимся...

Елена приобняла его за плечи, и они исчезли за серебристым вихрем.

Василиса осталась наедине с бесчувственным Лешкой. Сначала она попыталась развязать хитрый узел на веревках, но силы окончательно оставили ее, и она грохнулась рядом без чувств. Крылья вяло шевельнулись и медленно, словно нехотя, исчезли.

ГЛАВА 20 ТАИНСТВЕННАЯ НЕЗНАКОМКА

Да, Лешка знал, что Василиса — необычная девчонка. Но чтобы настолько! Сначала его похитили прямо с тренировки странные типы в черных костюмах, похожие на секретных агентов из кино, — вызвали в коридор, наставили какие-то золотистые штуки, похожие на игрушечные стрелы, закружился серебристый вихрь — и вот он очутился в холодном и сыром подzemелье, связанный и с кляпом во рту. Потом его сильно избили странные мальчишки, одетые, как на маскараде, после — опять серебристая круговерть... И он лежит перед Василисой — жалкий и все так же связанный, а те же пацаны вымогают у нее непонятный Рубиновый Ключ в обмен на его жизнь. Да, а у самой Василисы на спине — крылья! Огромные красные крылья...

Сначала Лешка подумал, что попал в лапы к вампирам. Но никто кровь его не пил да и, кроме Василисы, ни у кого крыльев не было. После он вдруг додумался, что в плену у инопланетян... А может, волшебники все-таки существуют? Или супергерои...

Иными словами, Лешка совершенно растерялся. Правда, кое-что он сразу понял — Василисе надо срочно помочь... Но вот как?!

Он заворочался под веревками, но узел на них и не думал ослабляться. Из-за кляпа ужасно саднило горло, причиняя невообразимые муки. Правая щека ныла, живот болел, — в общем, чувствовал себя Лешка донельзя плохо. Ну и как в таком виде он поможет Василисе, лежащей рядом без сознания?

— Наконец-то нашла. — Его отчаянный мысленный монолог прервал мягкий женский голос. — Этот Черновод строили по чертежам студентов, честное слово.

Лешка резко повернулся, отчего у него в глазах удвоилось, а веревки, будто живые, еще сильнее впились в тело. Прошло несколько секунд, прежде чем мальчик смог четко разглядеть высокую широкоплечую женщину в черной длинной накидке и в остроконечной шляпе-колпаке с вуалью, скрывающей лицо и даже волосы.

— Я думала, они увезут ее с собой. — Она склонилась над Василисой и приподняла девочке голову. — Но они этого не сделали, — довольно продолжила она, извлекая из-под накидки некий пузырек. — Так торопятся успеть на Часовой Круг... Из-под черной вуали послышался смех.

Не глядя на Лешку, она вытащила кляп у него изо рта.

— Спасибо, — с чувством поблагодарил мальчик, как только прокашлялся. — А кто вы?

Незнакомка не ответила.

— Что это вы делаете? Прекратите!

Лешка с ужасом наблюдал, как женщина вливает в рот бесчувственной Василисе какую-то жидкость.

— Если бы я хотела ее убить, — мягко сказала женщина, — я бы сделала вот так... — И она легонько повернула Василисе голову, как будто намеревалась свернуть ей шею.

Лешка замер.

— Но я не делаю этого, верно? — Черная вуаль повернулась к нему.

— Откуда я могу знать, что вы этого не сделаете? — неприязненно произнес мальчик.

— Со мной так не разговаривают, — жестко сказала женщина, но тут же опять смягчилась: — Но не скажу, что ты мне не нравишься, храбрец... Ты что, ее верный рыцарь? — Легкий кивок на Василису.

— Можно и так сказать.

— Влюблен по уши?

— Послушайте, тетя, — разозлился Лешка, — прекратите задавать дурацкие вопросы и объясните наконец, кто вы такая?

— Ты, малец, говори, да не заговаривайся. — В голосе незнакомки прозвенел металл. — Тебе лучше не знать, с кем ты сейчас имеешь дело, ясно? Еще одна дерзость, и твоя тонкая шея сослужит глупой голове плохую службу.

Лешка закусил губу и опасно втянул голову в плечи.

Неожиданно Василиса закашлялась, незнакомка с вуалью заботливо придержала ей голову.

— Кто вы? — Голос девочки прозвучал очень слабо.

— М-да, — произнесла женщина и, приподняв ей голову, заставила выпить еще немного из темного пузырька.

— Кто вы? — повторила Василиса, разглядывая склоненную над ней черную вуаль. — Вы пришли... от Елены?

— Еще чего! — брезгливо фыркнула незнакомка.

— Лешка! — Василиса наконец заметила друга и попыталась подняться, но незнакомка приостановила ее.

— Дай лекарству время подействовать, — строго сказала она.

После, не глядя на мальчика, она щелкнула пальцами, выдав целый сноп черных искр. Искры лениво посыпались на Лешку, веревки на его руках и ногах рассерженно зашипели и пропали.

Лешка в немом изумлении принялся растирать запястья и вскоре смог самостоятельно сесть на пол.

— Что, черт возьми, происходит? — требовательно спросил он.

— Помолчи пока, — одернула его незнакомка с вуалью. — Сейчас спрашивать буду я... Итак, Василиса, кинжал с тобой? Они не отобрали у тебя Стальной Зубок?

Василиса не ответила.

— Вы не сказали, кто вы, — напомнила она.

— Время учит осторожности, да? — Незнакомка опять хмыкнула. — Скажем, я та, чье приглашение в гости ты отвергла... И теперь Рубиновый Ключ, подаренный тебе Белкой, пардон, Белой Королевой, у твоего брата, а на тебя чихать все хотели. Да?

— Вы — повелительница лютов? Черная Королева? — с изумлением спросила Василиса и получила в ответ легкий утвердительный кивок.

Лешка непонимающе переводил взгляд с незнакомки на Василису: что тут опять происходит?!

Василиса же чувствовала, что благодаря лекарству ей с каждой секундой становится лучше, поэтому испытала к Черной Королеве прилив симпатии.

— Вы пришли, чтобы спасти меня от смерти? — осторожно спросила она.

— От смерти? — удивленно переспросила повелительница лютов. — Милочка, Нортон Огнев, даже если бы хотел, не убил бы тебя, свое родное дитя, на глазах у всех. Правда, если все пойдет по задуманному плану, у него может появиться такое желание... Нет, — добавила Черная Королева громче, — Радосвет знает о твоём существовании, поэтому тебя просто упекли бы в какую-нибудь башенку, под предлогом слабости здоровья... Чужой мир, не смогла прижиться, сошла с ума... О, есть много способов устранить человека, если он мешает.

Василиса помрачнела.

— А как вы смогли сюда попасть? — с подозрением спросила она.

— На Яркоголазе, — пожала широкими плечами незнакомка, и вуаль, скрывающая ее лицо, слегка качнулась. — Это лучший из королевских малевалов — славная лошадка! На ней-то и выберетесь отсюда, если захотите.

— Вы поможете нам сбежать? — У Василисы загорелись глаза. — А вы не могли бы тогда подсказать, как можно быстро перебраться на Осталу?

Черная вуаль замерла. Некоторое время незнакомка внимательно разглядывала Василису.

— Значит, — медленно произнесла она, — ты хочешь так просто сдаться?

Василиса, смутившись от пристального взгляда королевы, не ответила.

— Тебя же использовали — отняли Ключ, осмеяли, унизили, пренебрегли! По сути, нагло выбросили, а ты опускаешь руки? — веско продолжала повелительница лютов. — Принимаешь поражение?

— Я не принимаю поражение, — вырвалось у Василисы. — Но Лешка в опасности... И у меня все забрали, даже часовую стрелу!

— Но у тебя же остался Стальной Зубок, разве нет? — Черная вуаль вопросительно уставилась на Василису.

— Да, но... — Девочка потянулась к нижнему карману джинсов и, развернув кусок ткани, извлекла игрушечный кинжальчик на свет. — Но что я могу сделать с его помощью? — пожала плечами Василиса. — Фэш говорил, что он даже как оружие плох...

— Много он знает, твой Фэш, — хмыкнула незнакомка под вуалью. — Я тебе говорю, это отличная вещьца.

— По виду не скажешь. — Василиса с сомнением покосилась на маленькое лезвие, украшенное самоцветами.

— Разве Рубиновый Ключ, что был у тебя в руках, выглядел как-то по-особенному?

Василиса вспыхнула, вспомнив о недавних событиях, и отвела глаза.

— Что это за ключ такой? — спросил Лешка, но ему никто не ответил.

— Ты мне веришь, что Стальной Зубок поможет тебе утереть нос всему миру?

Василисе на миг показалось, что Черная Королева просто насмехается над ней.

— По виду это простая железячка с камушками, — зло сказала она.

Черная вуаль качнулась, будто незнакомка беззвучно рассмеялась.

— Не хорошо так отзываться о Черном Ключе, милая, — насмешливо произнесла повелительница лютов. — Твой папаша отдал бы за ЧерноКлюч все свои земли и замки, и чужие тоже.

У Василисы отвисла челюсть.

— Вы хотите сказать... — начала она и не закончила: ей вдруг стало трудно дышать.

— Представляешь, — повела дальше Черная Королева, явно довольная произведенным эффектом, — как бы твой отец удивился, догадайся он обыскать тебя на предмет второго Ключа? В свое время он перерыл все мое королевство в его поисках... Да, такое никому в голову не пришло. Поэтому, хочу признать, мой план оказался гениален. Вернее, окажется гениален, — добавила она, не сводя пристального взгляда с Василисы. — Окажется гениален, если ты сможешь добраться до Часового Круга и занять положенное тебе место — цифру двенадцать.

— А если я не захочу? — неожиданно с вызовом спросила Василиса. — Если я не хочу участвовать в ваших мерзких разборках между собой? Вы, все такие великие, ведете свою большую игру, а ключники для вас просто пешки!

Высказав столь горячую тираду на одном дыхании, Василиса остановилась, чтобы перевести дух.

— Так перестань быть пешкой, — спокойно произнесла Королева. — Докажи, что способна вести свою игру. Себе, отцу, Елене, друзьям и врагам. Всем.

— Василиса! — Лешка выпрямился. — Я хочу знать все, что происходит!

— Скажите, — произнесла Василиса, — если я соглашусь, то что будет с Лешкой? Я его здесь не оставляю!

— Ой, да я все продумала, — махнула рукой Черная Королева. — Он поедет с тобой на Часовой Круг в качестве зрителя от лютов. И всех дел-то.

— Вы доверите ему такую серьезную обязанность? — изумилась Василиса.

— Да что в ней серьезного? — скушающим голосом произнесла Королева. — Наблюдать за ключниками? Так это любой дурак... извини, рыцарь может. А верный друг рядом не помешает, правда?

— Не помешает, — согласилась Василиса.

— Тем более, — голос королевы посерьезнел, — это твой единственный шанс попасть на Осталу. Если Елена доберется до тебя раньше, чем ты воткнешь ЧерноКлюч в одну из стрел Часового Круга, я твоей дальнейшей судьбе не позавидую. Буду с тобой откровенна: жизнь твоего друга в еще большей опасности, чем твоя. Он точно никому не нужен, а видел многих и многое.

Василиса оглянулась на Лешку, тот выглядел бледным и растерянным. Конечно, он же ничего не понимает, наверняка даже не догадывается, в какой передрыге очутился по ее вине...

— Что мне надо делать? — четко спросила Василиса.

— Вот это другой разговор. — Голос королевы смягчился. — Все просто: Яркоглаз домчит тебя и твоего рыцаря до самого Лазоря. Ты уже знаешь, что тонкорогои и малевалы умеют проникать сквозь стены...

— Да-да, — кивнула Василиса.

Лешка за ее спиной шумно вздохнул.

— Ни на кого и ни на что не обращай внимания, что бы ни происходило, — продолжала Королева. — Ты сразу увидишь сверкающий в центре циферблат с семью стрелами — это и есть Часовой Круг. Прыгай на цифру «двенадцать», а ты, рыцарь, рядом — на «одиннадцать». Василиса, одна из стрел тут же скользнет к тебе острием. Не мешкая воткни Черный Ключ в углубление, которое увидишь на стреле, и все — бояться больше нечего, твой отец уже не сможет еще раз воспользоваться клятвой дарения... Хотя ЧерноКлюч можно забрать просто так. Но известно, что свое особое предназначение он исполнит только в руках владельца... то есть в твоих руках. Пока все понятно?

Василиса кивнула бледнея.

— Но не все так просто, — предупредила повелительница лютов. — Елена не даст тебе взойти на Часовой Круг... даже ценой своей жизни. Она знает силу Черного Ключа... и знает, что Стальной Зубок можно взять и отобрать.

— Так его могут действительно забрать просто так? Ох...

У Василисы неприятно екнуло сердце. А повелительница лютов продолжила:

— Огнев и Мортинова знают, что Черный Ключ можно забрать лишь одним верным способом — лишив жизни его хозяина. Именно поэтому сей Ключ называют Черным, или проклятым, меченым... Теперь тебе понятно, почему есть вероятность, что Елена постарается напасть на тебя... Берегись.

— Так что же мне делать?

После страшных речей Черной Королевы Василиса действительно перепугалась. Ей представлялось весьма сомнительным победить в схватке один на один с великой

часовщицей Еленой Мортиновой. К счастью, никто не знал и не догадывался даже, каким могущественным Ключом владеет младшая Огнева. Долго ли прожила бы Василиса, случись Елене узнать об этом на час раньше?

— Я думаю, — прерывая ее тягостные думы, произнесла Черная Королева, — Елена заманит тебя во временную петлю... чтобы убить не на глазах у всех. После скажет: я погорячилась, не рассчитала сил, девочка оказалась так слаба, что не совладала с Ключом да и сама вылетела из своего временного коридора... Астариус рассердится, но доказательств не будет. Хм, я бы на ее месте сделала именно так.

У Василисы округлились глаза: ей вдруг стало не хватать воздуха, опять накатила слабость, даже затошнило.

— А что такое вообще эта временная петля? — ужаснулся и Лешка.

— Расселина в пространстве, — тут же пояснила Черная Королева. — Небольшой сгусток времени... Для его создания надо много силы, но в целом это довольно просто: остановить часы определенного события, переставить временной код, а после возвратить его на место. Если аккуратно поработать, никто и не заметит. Вот стояла Василиса Огнева, а вот — пропала. Был у нее Ключ, а теперь нет Ключа... И ее самой нету... Да, Елена — очень сильная часовщица. Она сможет остановить время даже в Лазоре. Но для этого, — черная вуаль приблизилась, — ей придется коснуться тебя часовой стрелой... В этом случае стрела Елены считает твой личный часовой код и тогда... ты окажешься с ней один на один. Надо ли объяснять, что это обстоятельство не будет для тебя выгодным?

Василиса помотала головой.

— Поэтому будь умницей и опасайся близко подходить к госпоже Мортиновой. Но если вдруг ты все-таки окажешься в ловушке... вспомни, что у тебя есть самый могущественный из Часовых Ключей.

Василиса с сомнением оглядела Стальной Зубок — кинжал по-прежнему не казался сильным оружием.

— Чтобы разрушить часовой эфер Елены, достаточно просто провести острием Стального Зубка наискось... вот так.

Быстрым движением Черная Королева вытянула часовую стрелу довольно длинную, и резко взмахнула ею наотмашь — за острием пролегла огненная черта.

— Этого хватит, чтобы поломать часовой эфер любой сложности, но если ты проведешь и вторую черту — накрест, — повелительница лютов махнула второй раз, и перед ней образовалась пылающая буква «Х», — этого будет достаточно, чтобы зачасовать человека... надолго. А с таким Часовым Ключом очень надолго.

— Надолго? — Глаза у Василисы расширились. — Это как?

— Надолго — это почти навсегда, — как-то зло ответила повелительница лютов и даже рассерженно передернула плечами. — Ты должна об этом знать, если вдруг сама увидишь пылающий крест перед своим лицом... Но думаю, — тут черная вуаль приблизилась почти к самому лицу Василисы, — Елена не даст тебе умереть так просто. Она мастер по пыткам... уж я это знаю... Но даже пылающий крест разрывает пространство мгновенно и очень болезненно; время твоей жизни вдруг замирает, застывает, словно бурная река под толстым слоем льда... и чем сильнее человека выкидывает за пределы часового коридора, тем труднее окажется его вернуть... Помни об этом.

— Я не смогу применить такой страшный эфер! — ужаснулась Василиса. — Тем более, чтобы провести эту черту, мне перед этим тоже надо будет коснуться Елены, да?

— Молодец! — Черная вуаль одобрительно кивнула. — Ты не только внимательно слушаешь, но и запоминаешь. Хорошо... очень хорошо. Да, тебе пришлось бы счесть часовой код Елены, прикоснувшись Стальным Зубком к ней. Достаточно лишь малейшего касания, и любой твой эфер сработает. Однако не думай, что она даст тебе такую возможность. Я рассказала о пылающем кресте для того, чтобы ты не дала себя зачасовать. Отклоняйся, взлетай, падай на землю, но не дай сотворить перед собою крест. Помни, что это очень и очень надолго. А может, и навсегда.

— Ну а если, — робко начала Василиса, — если Елена не станет на меня нападать?

— Может, и повезет, — неожиданно согласилась Черная Королева. — Но это не помешает быть ко всему готовой, верно? Так что запомни: наискось. А совсем плохо — наискось два раза. Крест.

Василиса почувствовала, как Лешка взял ее за руку и чуть сжал, словно бы подбадривая. Но этот дружеский жест почему-то еще больше испугал Василису. Ее решимость заметно пошатнулась. Вдруг захотелось развернуться и убежать, затаиться где-нибудь, просто выспаться... а затем пойти в обычную школу, на тренировку, в кафе с Лешкой...

Василиса выпрямилась и, забрав ладонь из его пальцев, скрестила руки на груди, отгоняя накатившую слабость.

Черная Королева внимательно наблюдала за ней. На миг девочке показалось, что повелительница лютов все поняла. Наверное, на лице Василисы отразились все сомнения. Ну а кто бы не испугался пылающих крестов, зачасований и прочих угроз? Хотя и есть надежда, что угрозы так и останутся угрозами...

— Скажите, могу ли я вам задать один личный вопрос? — несмело произнесла Василиса. — Мне кажется, вы должны знать на него ответ.

Черная вуаль кивнула:

— Что хочешь?

— Вы не знаете, почему Белая Королева отдала мне Рубиновый Ключ?

— Мне кажется, это лучше спросить у нее, — хмыкнула повелительница лютов.

— Она мне не ответила, — вздохнула Василиса.

Черная вуаль замерла.

— Ты виделась с Белкой?!

— Ну, если вы имеете в виду Белую Королеву, — осторожно произнесла Василиса, — то да.

— Не может быть, — пробормотала Черная Королева. Голос повелительницы лютов прозвучал растерянno впервые за время их знакомства.

— Это она сопровождала меня на посвящение и подарила стрелу. — Василиса вздохнула, вспомнив об утрате часового браслета.

— Времени осталось очень мало, — неожиданно резко сказала повелительница лютов, — а я не сообщила тебе главного: Часовой Круг переместит всех ключников, зрителей и тайных наблюдателей туда, куда укажет обладатель всего лишь одного Ключа — Черного. Лучше тебе позаботиться о том, — черная вуаль снова приблизилась, — чтобы это место находилось где-нибудь на Остале... Потому что оставаться на Эфларе для тебя очень опасно.

— Почему? — напрямую спросила Василиса. — Из-за Черного Ключа? Или потому, что я всем мешаю?

— Не ты, — тихо, но четко поправила Королева. — А само твое существование очень путает нам всем карты.

— Вам я тоже путаю карты?

— Мне тоже, — последовал ответ. — Но не в такой степени, как твоему отцу, Елене и многоуважаемой Белке.

— Почему вы называете королеву фей Белкой? Вы ее так сильно не любите?

— Более чем, — резко ответила повелительница лютов. — А сейчас вам пора, мы и так потеряли много времени на разговоры.

— Я знаю, кто такая Белая Королева, — медленно произнесла Василиса.

— Вот как? — Черная вуаль мгновенно повернулась к девочке. — Тогда советую никому не рассказывать о своих догадках... Иначе я за твою жизнь не дам и старой свечи.

Василиса не ответила: у нее комок встал в горле. По сути, она не хотела даже себе признаваться, кем же для нее является Королева фей. Но если Белая Королева сама не призналась, даже словом не обмолвилась? Нет, лучше пока не думать об этом.

— Пора ехать, — напомнила Черная Королева.

Василиса чувствовала на себе ее пристальный взгляд из-под черной вуали.

Повелительница лютов взмахнула узким рукавом, и в тот же миг прямо из стены выскочил черный конь с блестящей гривой. На его лбу красовался витой серебристо-черный рог.

— Единорог! — выдохнул Лешка.

— Тонкорог, — поправила Василиса.

— Малевал, — уточнила Черная Королева.

При звуке ее голоса малевал коротко фыркнул и покосился на ребят прозрачно-голубым глазом.

— Его зовут Яркоголаз, — сообщила повелительница лютов. — Он домчит вас ровно в назначенное время — за пятнадцать — двадцать минут до полуночи. Помни, — добавила Королева, подсаживая Василису первой, — главное — вогнать Ключ в углубление. После этого никто не сможет помешать тебе. Да, кстати, о часовой стреле... Как только разберешься с кинжалом, сделай так... — И повелительница лютов что-то прошептала Василисе.

Лешка, как ни прислушивался, ничего не разобрал.

— И все? — удивленно спросила Василиса. — Это точно сработает?

— Наверняка, — кивнула Черная Королева, помогая Лешке устроиться позади Василисы. — В часодействе, как и в любом другом деле, главное — это сила, скрывающаяся внутри человека. Эта сила исчисляется неким кодом — твоим особенным цифровым рядом. Он будит слово, а уже слово — действие. Понятно?

Василиса, не совсем понимая, кивнула. Она, конечно, попробует то, что советовала ей Королева, однако... Это выглядело куда проще, чем возможная схватка с Еленой.

— Это тебе. — Королева лютов протянула Лешке золотой кружок, похожий на монету или шоколадную медаль. — Отличительный знак зрителя. А теперь — вперед! — неожиданно выкрикнула она. — Вперед и не останавливайся! Никого не слушай, беги к Часовому Кругу, иначе отберут, отберут и не заметишь... Докажи наконец, чего ты стоишь, всем этим глупцам... Быстро!

Василиса кивнула и покрепче схватилась за черную блестящую гриву.

— И ты, рыцарь, — черная вуаль повернулась к Лешке, — не забывай — занимаешь цифру «одиннадцать» и стоишь как истукан, что бы тебе ни велели да ни приказывали, понял? Часовой Круг завертится ровно в полночь. И после этого уже никто не сможет помешать... только Астариус знает, что будет после, прощайте!

Взметнулась черная вуаль, зашелестел серебряный вихрь, и Черная Королева, махнув рукой на прощание, пропала.

— Смотри, исчезла, — восхищенно прошептал Лешка.

Он осторожно приобнял Василису за талию и как раз вовремя: малевал по кличке Яркоголаз ринулся в темноту, стремительно набирая скорость.

ГЛАВА 21 ЧАСОВОЙ КРУГ

На площади перед Ратушей собралась огромная толпа. Горели яркие огни, развевались разноцветные флаги, звучала музыка. Но малевал так быстро проскочил через скопление людских фигур, что ребята не успели ничего толком разглядеть.

Интересно, а что теперь? К счастью, Яркоголаз явно знал, куда направляться. Проскочив закрытые наглухо ворота, черный тонкорог понесся дальше, игнорируя стены и мебель. Даже в знакомой Василисе Лазурной зале Яркоголаз сгоряча помчался прямо вдоль центра шкафа, сквозь полки и книги, хотя рядом был нормальный проход.

Их появление посреди золотого круга наверняка выглядело очень эффектно. Но для Василисы сейчас существовал только маленький пустой кружок с цифрой «двенадцать»,

который она сразу заметила. Малевал остановился прямо подле него, как видно, исполняя четкие указания повелительницы лютов. Лешка, не будь дурак, моментально занял соседний кружок с цифрой «одиннадцать».

Но ступить на заветную цифру Василиса не успела: ее тут же схватили за руки и оттащили назад.

— Отпустите меня! — Она изо всех сил пыталась освободиться.

Растерянный Лешка стоял на своем кружке, не зная, что предпринять.

— Ни с места! — рявкнула ему Василиса, пугаясь собственного же голоса.

Малевал, издав короткое обеспокоенное ржание, мгновенно исчез — к нему уже подбегали со всех сторон люди с тонкими серебристыми сетями. Так как Яркоглаз пропал, толпа стражей собралась вокруг Василисы.

— Уведите ее, быстро! — последовал тихий приказ.

Василисе не понадобилось много времени, чтобы узнать голос Мандигора. И точно — его лысый череп поблескивал среди толпы всего в двух шагах. Встретившись глазами с девочкой, он быстро отвел взгляд.

— Увести немедленно!

— Нет! — пронзительно вскричала Василиса, обращаясь к белой трибуне. — Я тоже ключник! А он, — она указала на Лешку, — Смотритель!

— Уводите же!

Василису развернули лицом к одному из проходов и потащили к выходу.

«Это конец!» — подумала она и выкрикнула изо всех сил:

— У меня Черный Ключ!!!

— Что происходит? — Этот голос прозвучал как гром среди ясного неба — неожиданно и сильно. — Вернитесь!

Приказ выполнили незамедлительно. Василису опять развернули на сто восемьдесят градусов, подвели к белой трибуне и, наконец, отпустили.

— Кто это?

Василиса видела, как на самой большой белой лоджии поднялась высокая фигура старика; его длинные седые волосы были скреплены на лбу широким и тяжелым обручем из черного металла. Правая рука его сжимала крепкий белый посох с навершием в виде острия стрелы. В острие ярко переливался пронзительно-синий камень.

— Кто ты такая, девочка? — строго спросил грозный старик.

— Сначала скажите, кто вы такой? — громко произнесла Василиса. — Я буду разговаривать с человеком, который тут все решает.

Люди на трибунах изумленно зашептались.

— Предположим, кое-что я тут решаю, — без тени улыбки произнес старик. — Зови меня Астариус. А твое имя, девочка?

— Это же Василиса! Василиса Ог... — воскликнул кто-то позади, кажется, Ник, но тут другой голос, резкий и злой, перебил его:

— Это моя дочь, господин Астариус. Василиса Огнева!

Отец поднялся во весь рост. Василиса не сразу узнала его в длинном белом одеянии. Как ни странно, он сидел тут же, рядом, по левую руку от Астариуса, и на голове Нортон-старшего сверкал тонкий серебристый обруч.

— Она нездорова, — раздраженно произнес он. — Я не знаю, как ей удалось сбежать из своей комнаты... Сейчас я позову людей, и они вернут беглянку домой, в Черновод.

— Я здорова, как никогда, — зло произнесла Василиса. — И хочу заявить, что я тоже ключник!

Василиса, конечно, предполагала, что ее слова прозвучат не без эффекта, но такого явно не ожидала. По всем трибунам Лазоря словно волна прошла; все разом повскакивали со своих мест, возбужденно переговариваясь, некоторые показывали на нее пальцами. Василисе стало жарко от направленных на нее взглядов.

— Как я и говорил, моя дочь нездорова, — быстро произнес Нортон-старший. Василиса

впервые видела его таким взволнованным. — Надо отправить ее домой, назад в замок...

— Погоди, девочка, — обратился к ней Астариус, игнорируя торопливую речь отца Василисы. — Ты хочешь сказать, что имеешь право на какой-то из уже представленных шести Ключей?

— Нет у нее никаких прав! — зло воскликнула женщина.

Ну, конечно, вот и Елена — вся в белом, со сверкающим обручем на золотистых локонах — стоит рядом с отцом.

— Нет, есть, — возразила Василиса. — У меня...

Тут поднялся сильный шум, причем не без участия Елены, громко кричащей о вседозволенности посещения тайного собрания — Великого Часа в истории Эфлары, величайшего! Ее поддержал целый хор громких и нервных голосов, началась полная неразбериха.

Но когда седой Астариус поднял посох-стрелу с синим камнем, люди замолкли, словно кто-то разом выключил звук.

— Часовой Круг завертится через семнадцать минут, — ровным голосом произнес Астариус. — Если тебе есть что сказать, Василиса Огнева, говори и немедленно.

— У меня есть ЧерноКлюч, — произнесла Василиса и достала из кармана джинсов кинжал с самоцветами.

Вновь понеслась буря гневных восклицаний, но шум тут же затих, повинувшись посоху-стреле с синим камнем.

— Можно мне взглянуть на него? — спросил Астариус.

— Нет, — мигом ответила Василиса. — Я должна сама положить его на... нужное место.

Она быстро оглянулась: на большом золотом круге уже стояли ребята. Василиса успела разглядеть только Ника, издали помахавшего ей рукой.

— Я должна попробовать сама, — четко сказала она. — Без Черного Ключа Часовой Круг может совсем не завертеться.

Астариус сдвинул седые брови: непонятно было, гневится он или просто раздумывает над словами Василисы.

— От чьего имени ты выступаешь? — наконец спросил он. — Кто дал тебе этот Ключ?

— От имени повелительницы лютов, — ответила Василиса.

— Этого не может быть! — пронзительно вскрикнула Елена, ее лицо побелело от бешенства. — Черная Королева никогда бы не отдала ЧерноКлюч дочери Огнева!

Нортон-старший резко мотнул головой, но промолчал. Зато наградил Василису таким яростным взглядом, что ей захотелось скорчить ему рожицу и показать язык, чтобы разозлить еще больше. А Елена неожиданно взмыла в воздух, словно вихрь, на ходу расправляя черные крылья, и коршуном метнулась к Василисе.

Девочка замерла от страха, не решаясь даже сдвинуться с места. Но ее защитили, и не кто иная, как госпожа Дэлш: расправив серые с белым оперением крылья, она метнулась за Еленой и задержала ее за подол платья. Но госпожа Мортинова успела цапнуть ногтями Василису за руку, явно намереваясь выхватить ЧерноКлюч. Девочка не ожидала этого и чуть не выронила Стальной Зубок. Василису словно мороз по спине пробрал — она успела заметить, что часовой браслет на запястье госпожи Мортиновой на какое-то мгновение коснулся ее плеча... Или показалось?

— Смотрите, — вскричала Елена, пытаясь освободиться, — я смогла дотронуться до него — Ключ ненастоящий! Она самозванка!

Люди вновь зашумели, позади раздался насмешливый хохот — смеялся кто-то из ребят... Марк?

Василисе кровь ударила в голову, она вдруг подумала: а не посмеялась ли над ней Королева лютов? Может, Стальной Зубок действительно просто кинжал, да еще и дешевая подделка, как отзывался о нем Фэш? Может, она специально устроила такое представление, чтобы позлить своего врага — Нортон Огнева?

Смех раздался и на трибунах, шум нарастал. Василиса от страха зажмурилась.

Что теперь-то будет?

— Прошу прекратить неподобающее советницам поведение, — раздался невозмутимый голос Астариуса, и Василиса открыла глаза. — Прошу советниц занять свои места и не мешать более, — продолжил глава Радосвета. — Кто этот мальчик, самовольно занявший одиннадцатый круг? — обратился он к Василисе.

— Смотритель от лютов, — ответила Василиса. — И не самовольно! У Лешки есть специальный знак, подаренный Черной Королевой.

К ней пришло необыкновенное спокойствие, уверенность, что теперь все будет если не хорошо, то, во всяком случае, правильно.

Астариус вновь поднял посох-стрелу, но в зале и так воцарилась мертвая тишина. Все ждали его решения.

— У нас не осталось времени проверить, является ли этот Ключ настоящим. — Астариус обвел залу быстрым взглядом. — Поэтому, — добавил он, — я разрешаю этой девочке занять место на Часовом Круге. Иди, Василиса Огнева.

Василиса мгновенно развернулась, опасаясь вновь быть остановленной, и побежала к заветному кружку «двенадцать».

И тогда произошла странная вещь: ее бег замедлился, будто бы ноги стали тяжелее раз в десять, а сама она вдруг начала передвигаться в вязкой массе, похожей на густой-прегустой кисель... Уши словно заложило ватой, веки налились свинцом, даже волосы, казалось, превратились в железные нити и тоже стали пригибать Василису к земле.

Совершенно не понимая, что с ней такое происходит, девочка через силу, очень медленно развернулась и встретила глазами с Еленой.

Никогда Василиса не видела столь страшного, яростного и одновременно застывшего, ледяного взгляда — казалось, голубая радужка глаз Елены полыхает огнем сквозь черноту зрачков. Если бы до этого момента Василиса еще сомневалась, что госпожа Мортинова желает ее смерти, то сейчас бы уверилась окончательно.

Елена медленно приближалась, но, к счастью, не спешила нападать. Наконец она остановилась в трех шагах от Василисы.

— Итак, — насмешливо произнесла часовщица, — ты все-таки захотела быть ключницей... Ну что ж, раз ты не пожелала остаться в Черновде, то умрешь на день раньше.

К счастью, слабость ушла, ноги перестали быть ватными, Василиса вновь смогла свободно передвигаться в пространстве. Наверное, это были какие-нибудь «временные» перегрузки. Поэтому девочка начала быстро, мелкими шажками отступать, не сводя глаз с Елены. Вскоре ее спина наткнулась на что-то твердое.

— Осторожнее, — хищно улыбнулась госпожа Мортинова, — не причини вреда брату...

Василиса не выдержала и полуобернулась: прямо в глаза ей глянуло застывшее лицо Норта — он словно был вылеплен из воска. Тогда девочка заметила и остальных — молчаливые, неподвижные фигуры на тусклом, словно бы присыпанном пылью золотом циферблате.

— Они все остались в про-ошлом, — пропела госпожа Мортинова. — А мы с тобой, дорогая, ни в прошлом сейчас, ни в будущем, ни даже в настоящем... Когда все закончится, мы обе исчезнем из Лазоря... Да, мне придется бежать, чтобы скрыться от гнева великого Астариуса. Да, он этого не одобрит... Но главное, Нортон... я уверена, поймет меня... позже. Поэтому ты сейчас сама отдашь мне ЧерноКлюч, и я все сделаю безболезненно, клянусь. Идет, милая? — Елена вновь улыбнулась.

— Не идет! — Василису очень разозлило, что Елена разговаривает с ней, будто с малышкой сюсюкается. — А как же Часовой Круг? Без Черного Ключа он...

— Завертится, да еще как, — немного скучающе произнесла Елена. Браслет на ее руке вкрадчиво зашипел, плавно превращаясь в стрелу. — Да, Черный Ключ может быть направляющим, но его предназначение заключается совершенно в другом... О, я много знаю

про этот Ключ.

— Я тоже много чего про него знаю, — процедила Василиса. — Поэтому прекратите приближаться, иначе...

— Что иначе, Василек?

Василиса испытала шок.

— Откуда вы...

Елена торжествующе улыбнулась.

— Ты даже представить себе не можешь, сколько всего интересного могут рассказать под пытками, — мягко произнесла она. — Что люди, что феи, что полудухи... А Селестина, хоть и придворная фея, оказалась такой слабенькой. И как это ее не защитила Белая Королева? Не подумала, что я могу нарушить наш мирный договор и напасть на одну из ее любимых... Она, как и всегда, не принимает меня всерьез.

Видя, что Василиса молчит, госпожа Мортинова продолжила:

— Теперь, зная твое числовое имя, я могу причинить тебе много вреда... Но сначала ты должна мне кое-что рассказать.

— Что? — угрюмо откликнулась Василиса.

Она лихорадочно вспоминала, что сулит рассекречивание числового имени. Кажется, феи говорили что-то... Ах да, она же теперь не сможет стать невидимой: Елена произнесет числовое имя Василисы наоборот и тут же обнаружит ее местопребывание. Но кажется, обладание чужим числовым именем сулит и другие, куда большие неприятности...

— Что сказала тебе Белая Королева? — жестко спросила Елена. — При вашей встрече? Она сказала тебе, почему отдает Рубиновый Ключ?

— Сказала, — Василиса передернула плечами, — что отдает, согласно давнему обещанию. Разве Селестина не рассказала вам при вашей... беседе?

— Обещанию? — выдохнула Елена. Как ни странно, слова Василисы произвели на нее большое впечатление, часовщица даже рот открыла, словно бы от изумления.

— Что еще?

— А ничего, — зло ответила Василиса и глянула на часовщицу исподлобья: стрела Елены опасно дрожала в руке. Кто знает, что взбредет в голову разозленной госпоже Мортиновой... — Белая Королева со мной попрощалась. Навсегда.

— Так, значит, она не сообщила тебе тайну твоего рождения? Занятно...

— Может, вы меня просветите? Ну кроме того, что Белая Королева моя мама...

Елена вздрогнула, но тут же осклабилась.

— Ты хочешь узнать сейчас? В такую минуту? На волоске от смерти? — Кажется, Елена решила насмеяться в открытую.

Василиса же не сводила глаз с острия часовой стрелы противницы.

— Ты полудух, милая! — вдруг резко выкрикнула Елена. — Поэтому после зачасования ты никогда не вернешься назад. И больше никто не сможет доказать, что твой отец — Дух, а мать... мать не фея. Представляешь, какой будет скандал, когда узнают, что Королева фей всего лишь жалкая особь из враждебных эфларцам полудухов... Ведь когда-то именно из-за Духов часовщики убежали в другой мир...

— Мой отец кто?! — У Василисы расширились глаза от изумления. Она вдруг вспомнила, что Фэш рассказывал — на Остале живут некие Духи, которые не могут перемещаться по временным коридорам. Но отец ведь может?

— Твой отец — великий Дух, — с видимым наслаждением повторила Елена. — И скоро станет самым великим... правителем Эфлары. — Взгляд у Елены затуманился, как будто она уже видела картину величия Нортон-старшего и уж наверняка себя с ним по правую руку. Он стал первым, кто смог проникнуть на Эфлару из великого духовного народа... Поэтому, если бы выяснилось, что ты полудух, твой отец оказался бы рассекречен... Представляю себе, — Елена осклабилась, — сенсация! В Радосвет затесался один из Духов, из проклятых временем врагов! А уж твоей матушке пришлось бы совсем несладко: феи жестко поступают с предателями... Подумать только, феями правит человек,

жалкий полудух... О да, с чудесным даром «каменной настройки», отданным неким Духом Астратором. Но не будем об этом... сейчас.

— Но я человек! — решила возразить Василиса и даже чуть отступила за фигуру брата. — Я не могу быть этим полудухом, я бы чувствовала, что какая-то другая...

— Ты полудух, в этом нет никаких сомнений. — И в доказательство Елена покачала головой даже как-то участливо. — У тебя красные крылья, а это значит многое! Просто пока не все знают, что именно... Да, не все знают, что же это значит... Черт!!! Но лучше бы ты была бездарной фейрой, и мне не пришлось бы убивать тебя... так быстро.

Внезапно лицо Елены превратилось в жесткую, хищную маску: голубые глаза сузились, а тонкие губы сжались в прямую бледную ниточку.

— Стойте! — отчаянно выкрикнула Василиса. — Мой отец никогда не простит вам этого! Не надо! Он точно разозлится, обязательно...

Ее бессвязная речь, как ни странно, возымела действие. Елена споткнулась, будто бы наравшись на невидимую преграду — часовая стрела в ее руке несмело дрогнула.

— Да, — задумчиво произнесла она. — Наверное, не простит. Да... не сразу. Ну и к черту!

И Елена, резко взмахнув рукой, провела часовой стрелой яркую огненную линию.

Наискось.

Повинуясь некому шестому чувству, Василиса тут же упала на пол и откатилась в сторону, прямо под ноги недвижимому Марку.

Елена громко рассмеялась, но как-то странно, без привычного эха. Стремясь избавиться от накатившего страха, Василиса вызвала крылья. И взлетела, устремившись к куполу, — благо потолок Лазоря казался бесконечным...

— Келисав!!!

Странное имя догнало ее и больно толкнуло в спину, Василиса камнем полетела вниз. К счастью, над самой землей ей удалось выровнять полет, но тут же ногу слегка обожгло: это Елена напала на нее сбоку, чиркнула пламенной нитью, пущенной из стрелы, но промахнулась.

Только Василиса развернулась лицом к противнице, как увидела, что Елена мчится на нее со скоростью света. Раз! — и вновь пролегла перед лицом девочки косая огненная линия.

Вновь повезло отклониться. Стремясь уйти от противницы, Василиса прыгнула рыбкой, тут же откатилась в кувырке за группу застывших во времени людей и попыталась сама прочертить косую линию. Ей это удалось, но Елена уже полоснула еще одной огненной чертой; две яркие нити встретились, скрутились в жгут и распались искрящейся пылью.

— Хочешь поиграть? — Елена хохотнула и взмыла свечкой к потолку.

Завороженная, словно во сне, Василиса наблюдала странную картину: перевернувшись в воздухе, Елена сложила крылья вместе — острием широкой алебарды, и понеслась прямо к ней с ужасающей скоростью.

В самую последнюю секунду, когда, казалось, крылья Елены оставят глубокую борозду во всем, что подвернется под их страшный удар, Василиса сама взмыла свечкой и, оказавшись за спиной часовщицы, успела коснуться Часовым Ключом огромного крыла Елены.

Кинжал неярко вспыхнул. Понимая, что это значит, Василиса тут же полоснула косой линией по фигуре Елены, которая только выравнивала полет после страшной, но неудавшейся атаки.

Яростно взыв, Елена хлестнула наотмашь — раз и еще раз. Голубая искрящаяся нить из Стального Зубка тут же разлетелась брызгами в стороны, но самой Василисе удалось отлететь на безопасное расстояние.

Но в следующий миг девочку догнало ее же числовое имя, произнесенное наоборот.

В этот раз падение вышло несильным: прокрутив двойное сальто, Василиса успела приземлиться на корточки.

Молниеносный прыжок в сторону, перекат за чью-то фигуру, вновь попытка взлететь и

вновь — падение. Ударившись предплечьем, Василиса еле перевернулась, на какой-то миг ошалея от боли, поэтому не сразу поняла, что перед ней вновь появилась яркая косая линия. Елена уже завела стрелу за голову, взмах — и появится перед Василисой пылающий крест.

Спасения не было...

— Страшно умирать? — Елена наслаждалась моментом. Еще бы, всего лишь взмах — и не будет больше девочки Василисы, которая всем так мешает... Не будет проблем, не будет времени, не будет вообще больше жизни. — Ну? Отвечай! — Стрела дрожала в руке у Елены, готовая провести смертельную черту над головой маленькой часовщицы. — Тогда умри! — взревела Елена и полоснула стрелой наотмашь.

Но пылающий крест так и не появился — между Василисой и Еленой возникла фигура в белом одеянии; короткий взмах черным копьём — и стрела Елены отлетела далеко-далеко в беззвучную пустоту.

— Нет, — тихо сказал отец Василисы.

Его часовая стрела дрожала у самого горла госпожи Мортиновой.

— Большие проблемы, Нортон, — прошипела та. — Очень большие проблемы...

— Ты этого не сделаешь.

— Но она должна умереть! — отчаянно взвыла Елена. — Она много знает, и я...

— Я сказал — нет.

— Хорошо, Нортон... — Елена выглядела очень покорной. Ярость на ее лице сменилась обожанием и преданностью, как у побитой хозяином собаки. — Как скажешь... извини... извини меня...

Нортон-старший медленно развернулся к дочери, одновременно заноса над головой часовую стрелу.

Но Василиса не стала ждать. Единым усилием взвилась она в прыжке и хлестнула кинжалом наобум — сослепу, отчаянно, бессмысленно. Острие Стального Зубка пошло по инерции вкруговую и прочертило в воздухе сияющую голубую спираль, захватившую Василису в себя, словно в кокон.

Это нечаянное действие произвело ошеломляющий эффект: стены, трибуны и люди закачались, словно были всего лишь отражены на поверхности воды, а само окружающее пространство вдруг взорвалось снопами слепяще-белых искр — казалось, Василиса очутилась в самой сердцевине праздничного фейерверка. Раздался яростный, полный бешенства вопль, который отразился гулким эхом где-то в далекой, бесконечной выси потолка над Лазорем.

Вернулся шум голосов, люди на трибунах ожили, задвигались. Василиса стояла возле самой цели — вот он, заветный кружок... А вон и Лешка, взволнован, машет рукой — скорее, мол, сюда иди! Будто бы и не было битвы с Еленой, словно бы привиделось...

Достигнув в прыжке желанной цифры «двенадцать», Василиса молилась о том, чтобы Ключ не подвел.

Но бояться было нечего.

Мгновенно почуяв Ключ, огромная черная стрела из центра Часового Круга метнулась к ней, словно живая.

Василиса, не сводя глаз с узкого черного острия, со всей силы вогнала кинжал в замеченное ранее углубление. Самоцветы на лезвии вспыхнули ярко-синим, неожиданно от них пошли черные трещинки. Острие покачнулось, раздался тягучий скрип; черная стрела резко взметнулась, словно треугольная голова змеи, и застыла, изогнувшись дугой, образуя вместе с остальными шестью стрелами своеобразный венчик.

По залу пронесся изумленный шелест вздохов.

— Как видите, — прозвучал громовой голос Астариуса, — через четыре с небольшим минуты Часовой Круг все-таки завертится. Слава обладательнице ЧерноКлюча — последнего из семи представленных!

— Молодец, Василиска! — нервным шепотом произнес Лешка и беспокойно оглянулся.

На беглый взгляд, расстояние между кружками цифр было небольшим, около трех метров.

— Скорей бы все это закончилось, а то мне здесь не очень нравится. — И Лешка вновь бросил взгляд куда-то вправо.

Да, ребята из золотого круга встретили появление обладательницы Черного Ключа абсолютным молчанием.

Наверное, она сейчас производила странное впечатление: растрепанная, в порванной одежде. Да еще левое колено страшно саднило, и в том месте джинсовая ткань пропиталась кровью. Кажется, она поранилась, когда падала в последний раз...

Василиса быстро завертела головой в поисках отца и Елены, и вдруг встретила взглядом с Фэшем.

Он стоял справа, почти рядом — цифра «один». Мальчик быстро отвел глаза. Сразу за ним — Ник: вот он недоуменно улыбается и вместе с тем хмурится, цифра «два». Диана — цифра «три». Молчат... Наверное, шокированы тем, что вот Василиса шла к Часовому Кругу взволнованная, но в нормальном виде. И вдруг доковыляла растрепанная, вся в пыли, с окровавленным коленом, в порванной футболке...

Василиса быстро перевела взгляд далее. Цифры «четыре» и «пять» — пусты. Цифра «шесть» скрыта венчиком черных стрел... А вот и Норт. Растерянный, ошарашенный, злой. Цифра «семь».

«Что, братец, не ожидал?» — злорадно подумала Василиса.

И еле сдержала удивленный возглас.

Рядом с Нортом стояла Дейла, а перед ней — Маришка. Цифры «восемь» и «девять». Девчонки наградили Василису одинаковыми презрительными взглядами. В черном плаще, с длинными распущенными волосами, Маришка очень и очень напомнила Василисе Елену.

«Барби несчастная», — зло подумала девочка и встретила глазами с Марком. Оказывается, он стоял почти рядом — цифра «десять». Лешка уже давно заметил врага, лицо его посерело от ненависти. Как ни странно, Марк усмехался. Но его черные глаза оставались злыми, он не сводил с Василисы холодного, оценивающего взгляда. Марк, как и все, молчал.

Тишина становилась невыносимой, и Василиса не выдержала.

— Всем здравствуйте! — громко сказала она, и губы как-то сами собой расплылись в глупой улыбке. — Кажется, я не опоздала, — продолжила Василиса в абсолютной тишине. Ник и Диана одновременно приложили пальцы ко рту: мол, нельзя говорить.

«Ладно, — краснея, подумала Василиса. — Нельзя так нельзя».

Главное, что она все-таки добралась до Часового Круга, ну а дальше... дальше будет видно.

И все-таки куда делась Елена?

— Ты странная девчонка, — неожиданно произнес очень знакомый голос. — Что с тобой произошло? Теперь можно говорить: время в Часовом Круге начало двигаться по-другому, и от нас уже ничего не зависит.

Фэш махнул рукой. И действительно, трибуны и люди на них начали расплываться и таять.

— Не ожидали тебя больше увидеть, — очень тихо добавил он, но Василиса услышала.

— Не ожидали увидеть? — переспросила девочка, даже не поворачивая головы. — Хотели избавиться от меня? Не вышло.

Она посмотрела вдаль.

На белой лоджии возникла какая-то суматоха. Наконец она увидела госпожу Мортинову. Елена, сильно растрепанная, часто размахивала руками, растеряв всю надменность. С двух сторон к ней уже подбирались стражники... Неужели госпожу Мортинову арестуют? Наверное, часовщики заметили, что Елена попыталась напасть на Василису... Девочка перевела взгляд на Астариуса, по-прежнему сжимавшего длинный белый посох. Как ни странно, его не интересовало происходящее с Еленой, наоборот,

Астариус смотрел на Часовой Круг. А Василисе даже показалось, что именно на нее устремлен его долгий взгляд. А вот и отец... Нортон-старший стоял абсолютно спокойно, неподвижен и молчалив, и тоже смотрел на дочь. Василиса не выдержала его взгляда и быстро отвела глаза. Она старалась не думать о том, что же отец хотел сделать с дочерью во временной петле: убить или освободить? Хотелось верить, что последнее, раз он спас ее...

— Никто не хотел от тебя избавиться, — между тем удивился Фэш. — Наоборот, мы очень перепугались, когда ты пропала. Я думал, ты ушла... из-за меня. Ну, что я тебя дразнил и...

— Почему ты не сказал мне, что моя заколка — часовая вещь? — Василиса резко повернулась к нему. — Спросил бы напрямую, и все дела. Нечего было лезть ко мне с... вопросами.

— Василиса, ты о чем? — искренне изумился Фэш, тоже поворачиваясь к ней.

Вокруг Часового Круга быстро сгущалась темнота: трибуны пропали, а вместе с ними и люди. А сам циферблат начал медленное, осторожное вращение.

— Я про мою заколку с синим цветком! — громко сказала Василиса, разом потеряв всю осторожность — и так все слышат. — Ты знал, что это шпионская вещь, и поэтому мне не доверял никогда...

— Ничего я не знал, с чего ты это взяла?!

— А как же... — Василиса вспыхнула и промолчала.

Марк громко и насмешливо фыркнул.

«Василек...»

— Стрела, ко мне! — неожиданно и громко выкрикнула Василиса, сильно испугав этим Лешку, и резко вытянула левую руку вправо, указывая на Марка.

Королева лютов сообщила ей, что надо просто позвать свою часовую стрелу по тайному числовому имени, сказанному про себя, и она тут же прилетит. Но сделать это надо как можно более уверенно, чтобы стрела почувствовала «хозяйскую руку».

Ярость искажила лицо Марка — из-за пазухи его плаща выскользнула золотая змейка и весело скользнула к Василисе, обвиваясь вокруг ее левого запястья.

— Ух ты! — вытаращил глаза Лешка.

А Василиса, не удержавшись, скрутила пальцами левой руки дулю и показала Марку. Слева рассмеялись, и напряжение разом спало.

— Вот гад! — возмутился Фэш. — Он украл у тебя стрелу?!

— Вы тоже хороши! — повернувшись к нему, с обидой сказала Василиса. — Хотели избавиться от меня, подсыпать снотворное!

— Да с чего ты взяла? — вновь удивился Фэш. — Мы и правда думали напоить вас с Ником сонным порошком, чтобы вы легче перенесли дорогу на Белорожке, а мы бы с Дианой летели рядом... И вдруг ты исчезаешь. Что нам было думать? А потом появляется твой брат Норт с Рубиновым Ключом. Тогда мы все поняли... Что ключик у тебя того, увели.

— А заколка?

— Да что заколка-то? — Фэш непонимающе нахмурил брови.

— Ну, когда ты приблизился ко мне... возле озера... Это было из-за заколки?

Василиса не удержалась и взглянула на Марка, тот ответил ехидным, насмешливым взглядом.

«Да он же наврал все!» — обозленно подумала Василиса.

— А-а... Да я тогда вовсе не думал о какой-то заколке, — честно сказал Фэш.

На его щеках появились озорные ямочки.

Они обменялись пытливыми, изучающими взглядами. Каждый из них хотел узнать, что творится у другого в душе, но вряд ли можно было продолжить диалог при такой куче свидетелей.

— А что произошло возле озера? — видя, что они замолчали, спросил Ник.

— Что вы там говорите? — крикнула и Диана.

— Так мы друзья? — спросила Василиса, глядя только на Фэша.

— Друзья, друзья, не переживай. — Он улыбнулся и добавил громче: — Но вот позлить тебя приятно — уж больно быстро ты ведешься.

Василиса улыбнулась. Ник засмеялся, Диана поддержала его, а Лешка, наоборот, недоуменно нахмурился. Марк, Норт и другие по-прежнему хранили молчание, делая вид, что им все безразлично.

Наконец земля под ногами сильно покачнулась: вращение усилилось. Послышался гул, сначала тихий, но все более нарастающий — как при взлете самолета.

— До встречи на месте! — прокричал Фэш, а Ник с Дианой весело помахали руками.

Василиса закрыла глаза и стала думать о летнем лагере.

Золотой круг неожиданно начал сужаться, а кружки с цифрами, на которых стояли ребята, стремительно приблизились к венчику стрел и находились так близко, что ребята могли схватиться за руки.

Левая ладошка Василисы ощутила прикосновение руки Фэша, и в ту же минуту Лешка тоже схватился за ее правое запястье.

Гул усилился настолько, что стало невозможно его терпеть.

«Кажется, — успела подумать Василиса, — мои приключения только начинаются».

Темнота за клубилась над ними, словно живая, и вдруг осела, сотворив вокруг Часового Круга непроницаемый заслон, — началось перемещение через время.